

64
55

801-14
2344

МАГИЧЕСКІЯ

ОЧКИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИЗДАТЕЛЯ ПОЗНОВАТЕЛЯ

И. Штесена.

Въ Санктпетербургѣ, въ Типографіи Комитета по Высочайшему повелѣнію, въ 1845 году.

Въ Санктпетербургѣ.

ЧАСТЬ 3.

14-2344
Санктпетербургъ,

Въ Типографіи Комитета по Высочайшему повелѣнію. 1845.

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Апрѣля 13 дня 1845 года.

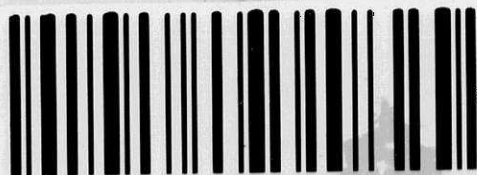
Ценсоръ А. Никитенко.

ИЗДАНИЕ

48935-41

Въ типографіи Губернскаго Правленія.

2007334512

МАГИЧЕСКІЯ ОЧКИ.

Розальмъ возвратился домой въ деся-
томъ часу вечера, велѣлъ подать ужинъ,
въ намѣреніи ранѣе встать и пустить-
ся къ дальнѣйшимъ испытаніямъ; онъ
долго разсуждалъ о томъ, что видѣлъ
и слышалъ; первую мысль обратилъ
къ похоронамъ, и произнесъ: О люди!
какъ обманчива наружность ваша! Я
смотрѣлъ на плачущихъ, думалъ найти
добрыхъ родственниковъ — и увидѣлъ
изверговъ; душа ихъ наполнена ко-
рыстью, враждою; они оскорбили прахъ

Розальмъ возвратился домой въ деся-
томъ часу вечера, велѣлъ подать ужинъ,
въ намѣреніи ранѣе встать и пустить-
ся къ дальнѣйшимъ испытаніямъ; онъ
долго разсуждалъ о томъ, что видѣлъ
и слышалъ; первую мысль обратилъ
къ похоронамъ, и произнесъ: О люди!
какъ обманчива наружность ваша! Я
смотрѣлъ на плачущихъ, думалъ найти
добрыхъ родственниковъ — и увидѣлъ
изверговъ; душа ихъ наполнена ко-
рыстью, враждою; они оскорбили прахъ

2007334512

родственника и благодѣтеля. Такъ, Мафусъ! ты сказалъ правду; если я умру, то за моимъ гробомъ произойдетъ то же: наследники не пожалѣютъ слезъ, чтобъ увѣрить стороннихъ, сколь чувствительна имъ потеря; они станутъ рыдать и потомъ смѣяться, что умѣли сохранить наружность и приличіе. Спрячемъ очки подъ подушку; наступитъ день, они откроютъ мнѣ новое, и научатъ, если не довѣрятъ людямъ, то по крайности остерегаться. Розальмъ вспомнилъ повѣсть Бычкова и остался увѣреннымъ, что благодѣтельный духъ сдержитъ слово и доставитъ тетрадь изъ чудной типографіи.

Въ шесть часовъ утра онъ проснулся и увидѣлъ на столѣ книжку. — Ахъ! это подарокъ Мафуса. Сафьянный переплетъ, какая печать, шрифтъ! веленевая бумага! — Теперь еще рано — я могу заняться повѣстью. Онъ взялъ книжку и читалъ.

Испытавъ опасность въ домѣ лицемерки, въ увѣренности на свое искусство въ такомъ родѣ битвы, мужество водворилось въ меня мгновенно, а еще болѣе голосъ князя: Антоній, помоги! я погибаю!

Изрядная помощь! возразилъ одинъ изъ нападающихъ. Такой товарищъ можетъ управлять аршиномъ, а не шпагою!

Насмѣшка убійцы привела меня въ бѣшенство; я не имѣлъ оружія и бросился къ дерзкому оскорбителю; схвативъ внезапно за грудь, повалилъ на землю, вырвалъ шпагу, и, презирая лежащимъ, сталъ возлѣ товарища; въ нѣсколько штозовъ оружіе вылетѣло изъ рукъ противника; тутъ я ударилъ его ефесомъ въ грудь такъ сильно, что онъ повалился возлѣ насмѣшника, сказавшаго не кстати объ аршинѣ.

Я сталъ между княземъ и его противникомъ, приставилъ шпагу къ гру-

ди послѣдняго: Перестань драться! или проколю тебя на-вылетъ!

Спасенный товарищ бросился помогать Леліи, а кавалеръ Де съ которымъ имѣлъ дѣло, отскочивъ нѣсколько шаговъ, сталъ снова въ позицію, кричалъ: Ты можешь заколоть меня! А пока дышу не уступлю ему Лауры!..

—Лауры? повторилъ съ изумленіемъ.

— Да! да! я проигралъ все имѣніе — въ проклятомъ домѣ, и минута свиданія дорого стоитъ.

— Лаура назначала тебѣ свиданіе?

— Да; и вздумала предпочесть мнѣ....
Пусти!

— Стой! ты бредишь! это не Лаура....

— Ты самъ бредишь! я лучше тебя знаю эту кокетку!

Ты смѣешь порочить благородную, невинную дѣвицу?

— Очень смѣю! Пусти!

— Ни съ мѣста!

— О, давай драться! Я не привыкъ къ дерзостямъ такихъ негодяевъ!

— Я презираю ругательства! Ты поносишь меня, что не успѣлъ предательски убить человека, наравъ втроемъ на одного! и не можешь оскорбить Лауры!

— А! такъ верно и ты имѣешь участіе въ нѣжностяхъ полуумной дѣвченки? Шпаги рѣшатъ

Мы начали биться съ жаромъ Преимущество оказалось на моей сторонѣ; кавалеръ сталъ отступать, какъ одинъ изъ товарищей, оправясь отъ эфеснаго удара, схватилъ снова шпагу, напалъ на меня съ боку. Князь увидѣлъ опасность, оставилъ Лелію, спѣшилъ ко мнѣ на помощь; третій непріятель заслонилъ ему дорогу и не допускалъ приблизиться къ мѣсту сраженія.

Я остался одинъ, положилъ всю надежду на искусство; опасность меня

вразумила ; я пересталъ наступать , прислонился къ толстому дереву и хладнокровно отбивая удары , выжидалъ случая поразить навѣрное. Пріятель кавалера, огорченный первою неудачей, лѣзъ какъ изступленный, получилъ рану въ правое плечо , и оставилъ по неволѣ бой. Въ это время соперникъ мой сдѣлалъ фальшивый оборотъ, направивъ шпагу прямо мнѣ въ грудь; къ счастью, острее, проскользнувъ подъ фракомъ и желетомъ , прокололо мнѣ кожу, не сдѣлавъ глубокой раны.

— Браво, конторщикъ! браво! повторялъ кавалеръ. Наконецъ я уходилъ тебя! — И съ окровавленною шпагою спѣшилъ довершить мнимую побѣду.

— Не радуйся! отвѣчалъ я спокойно— и въ ту же минуту прокололъ ему бокъ навывертъ ; онъ упалъ и залился кровью. Я приставилъ къ груди его убійственное желѣзо:—Отвѣчай! кто назначилъ тебѣ свиданіе? или

— Лаура — отвѣчалъ онъ слабымъ голосомъ и лишился чувствъ.

Пораженный словами соперника, я остановился, смотрѣлъ на окружающіе предметы. Лаура мнѣ изменила! . . . Лаура! . . . и ревность умертвила слова мои!

Баронъ съ семействомъ , нѣсколько гостей и слугъ съ фонарями прибѣжали на звуки шпажныхъ ударовъ, и пришли поздно: дѣло кончилось.

— Что это? вскричалъ встревоженный баронъ: какое ужасное зрѣлище! Лелія безъ чувствъ! все въ крови, этотъ умираетъ!

— Я отвѣчалъ за всѣхъ : Трое убійцъ напали на князя , я защитилъ его ; потомъ этотъ человекъ сталъ поносить Лауру; я вступился за честь вашей дочери посмотрите ! умѣли ли отомстить ?

Умѣли ! . . . очень умѣли ! . . . да я могу погибнуть ! домъ потеряетъ ре-

путацію Лекаря! ради Бога, същите скорѣй лекаря! Я не жалю кавалера; онъ несносенъ мнѣ: я долженъ сберечь себя!

Лилія пришла въ чувство; но страхъ лишилъ ее возможности рассказать происшествіе. Князь съ товарищами кавалера сидѣли на землѣ; люди, въ ожиданіи лекаря, удерживали платками текущую изъ ранъ кровь. Тутъ я подошелъ къ третьему непріятелю; бросилъ ему съ презрѣніемъ шпагу. — На! возьми! вели сдѣлать замокъ, привѣсь на языкъ, чтобъ слово аршинъ никогда не вырывалось.

Наконецъ прибѣжали два доктора. Баронъ упрашивалъ ихъ осмотрѣть прежде кавалера; врачи исполнили, и сказали, что рана весьма опасна.

— Такъ онъ умретъ на мѣстѣ? . . .

— Нѣтъ! А только должно взять самыя скорыя мѣры пособить; иначе

— Ради Бога продлите время пусть онъ умретъ, только не теперь, и не въ моемъ домѣ! — Рана князя, моя и противника, оказались не опасны; я смотрѣлъ на перевязки, и съ досады ломалъ пальцы. За Лауру я дрался, подвергалъ жизнь опасности, пролилъ кровь челоуѣка — еще одинъ ударъ, я убійца! И она меня обманула! кавалеръ при дверяхъ смерти подтвердилъ ея измѣну: умирающей лгать не станетъ! Лаура обманывала кому жъ вѣрить?

Раненыхъ повели, кавалера осторожно подняли и несли на рукахъ; мнѣ готовились въ комнату сдѣлать перевязку; баронъ успокоился, обнялъ меня. — Молодой челоуѣкъ! ты оказалъ мнѣ значительную услугу! будь другомъ всему семейству. — Пойдемъ! тебѣ нужна помощь.

— Въ минуту, сударь! я отыщу мою шляпу и слѣдомъ приду за вами. — Рев-

пость, досада терзали меня. Скорыми шагами я приблизился къ бесѣдкѣ, чтобъ осыпать Лауру укоризнами.

Трепещущая дѣвица бросилась ко мнѣ. — Лелія, князь чѣмъ кончилось?

— Сестра ваша внѣ опасности; князь — раненъ

— Боже мой! Что я вижу? вскричала дѣвица: ты въ крови! раненъ! Эта кровь пролита за сестру мою?

— Нѣтъ, предательница! за тебя!

— За меня? повторила съ ужасомъ баронесса.

— Умирающій отъ раны соперникъ открылъ мнѣ глаза: ты обманывала меня!

— Я обманывала? Я могла обмануть Антонія? Скажи, кто оклеветалъ Лауру? какой извергъ очернилъ меня!

— Кавалеръ Де

— Кавалеръ? Онъ злодѣй! Ты ослѣпленъ ревностію и коварствомъ презри-

тельнаго человѣка! Ахъ! я проклинаю минуту, въ которую открыла пагубную страсть мою! Ты повѣрилъ предателю? — Она кинулась на скамейку; рыданія прервали слова ея.

Горестъ дѣвицы меня тронула; я взялъ дружески руку ея и просилъ успокоиться.

— Покой? Онъ исчезъ! Ты подозрѣваешь въ измѣнѣ? Прочь! оставь меня! наша взаимность разрушилась!.. Кто неимѣетъ довѣрія, тотъ не можетъ любить! Ахъ! пріятныя мечты! вы исчезли какъ прелестный сонъ, оставили тяжкое воспоминаніе. — Бѣдная Лаура! Пстой! кровь канула на лицо мое; эта драгоценная кровь пролита за Лауру! Я хочу видѣть рану твою, омыть ее слезами! — Она приложила уста къ запекшейся крови, и, кажется, готовилась испустить душу на груди моей! — Пойдемъ, несправедливый другъ! пойдемъ! — Она схватила меня за руку. — Побѣжимъ къ ка-

валеру. Если онъ живъ, если имѣетъ искру чести, то разрушить твое сомнѣніе.

— Постои, Лаура! я вѣрю невинности твоей! Ты не можешь показаться въ комнатахъ; раненый утверждалъ о свиданіи, дѣло стало слишкомъ извѣстно: ты придешь, подозрѣніе обратится въ истину, которую трудно переименовать. Пробрись осторожно къ себѣ и на вопросы отвѣчай, что не знаешь о происшествіи.

— Антонъ Ивановичъ! Антонъ Ивановичъ! васъ ждуть перевязать рану, вторились голоса въ отдаленіи. — Прости, Лаура! меня ищутъ — успокойся, милый дружечикъ. — Она бросилась мнѣ на шею, осыпала поцѣлуями, и окрестной тропинкой побѣжала.

Князь, увидѣвъ меня, обнялъ; кавалеръ лежалъ на софѣ въ полной памяти. — Ты слишкомъ счастливъ, сказалъ онъ: удостоился биться со мною — ранилъ, —

не радуйся! торжество твое скоротечно! Въ этомъ адскомъ скопищѣ, я потерялъ доброе имя, здоровье, имѣніе, честь. Будь увѣренъ, послѣднюю возвращу съ гибелью враговъ моихъ; никто еще не осмѣлился оскорбить меня безъ наказанія.

Кавалера съ товарищами посадили въ карету и отправили домой; докторъ принялся за меня, смылъ кровь съ груди, приложилъ корпію съ мазью.

Баронъ съ семействомъ провожали насъ; дружески убѣждали не оставить дома; превозносили мою храбрость и осыпали похвалами.

— Другъ мой! сказалъ князь: я долженъ признаться — ты спасъ мою жизнь; теперь рѣшимъ задачу ссоры и неравной дуэли. По назначенію Леліи, мы пришли въ гротъ; чрезъ нѣсколько минутъ вбѣжалъ бѣшеный кавалеръ, схватилъ баронессу, я вступился; мы не потеряли словъ, выхватили шпаги; двое

товарищей соперника находились вблизи, бросились на меня какъ италіянскіе бандиты; ты подоспѣлъ, и съ опасностію собственной жизни вырвалъ меня изъ челюстей смерти; вотъ вся исторія! Теперь скажи, ты за что поссорился и возобновилъ неровный бой?

Я рассказалъ о свиданіи съ Лаурою, утаивъ подробности и причину вторичной схватки.

— Это задача! Конечно, кавалеръ принялъ Лелію за сестру? Лаура не можетъ быть столь коварна. Тутъ кроется тайна, тебѣ ставятъ съти; остерегись, при первомъ случаѣ употреби крайность — не смотри на слезы, не слушай пустыхъ словъ; удостовѣрься, что есть Лаура? Если она невинна, тѣмъ лучше; если выйдетъ напротивъ, то достойна своей участи; съ обѣихъ сторонъ ты не останешься въ накладъ, а я онъ не докончилъ рѣчи и вздохнулъ.

— Что это значить? Сіятельныйшій мой другъ вздыхаетъ?

— Антоній! должно признаться, я страстно влюбленъ въ Лелію; далъ слово на ней жениться.

— Такъ что жъ? Она согласна, и дѣло кончено.

— Совсѣмъ нѣтъ! Ты знаешь, я считался въ полку сержантомъ; три мѣсяца какъ произведенъ въ офицеры; истратилъ кучу денегъ на окопировку и проигрался до послѣдней копѣйки: а безъ денегъ любовь не существуетъ въ домъ стараго плута.

— Пустое! я проигралъ болѣе и не забочусь о томъ; одна только Лаура занимаетъ всѣ мои мысли.

— Хорошо тебѣ говорить, имѣвъ большое состояніе въ наличности и оборотахъ; а мнѣ должно продолжать игру: въ противномъ случаѣ, замѣтятъ пустоту кармана, и — прощай, Лелія!

— Не горячись! играй на умеренную сумму, — я порука!

— Ахъ, Антоній! ты одолжаешь меня слишкомъ. — Мы пріѣхали прежде ко мнѣ, я вышелъ изъ кареты, князь отправился домой.

Всю ночь я не могъ уснуть; рана въ груди беспокоила сильно, а Лаура не выходила изъ мыслей; я старался сообразить ея ласки, нѣжность, упорство, испугъ при взглядѣ на мою кровь, и отчаяніе отъ словъ кавалера. Не опредѣливъ ни одного предмета, я рѣшился воспользоваться совѣтомъ князя — узнать Лауру совершенно.

Въ седьмомъ часу утра пришелъ ко мнѣ докторъ, перевязалъ рану и совѣтовалъ остаться дома; этотъ совѣтъ я выдержалъ до двѣнадцати часовъ, и пошелъ къ пріятелю; онъ сердился, что не могъ выѣзжать; опухоль въ рукѣ производила сильную боль и, по словамъ доктора, не могла ранѣе недѣ-

ли прекратиться. Отъ князя я пришелъ къ Сашѣ. Она выговаривала, что нѣсколько дней не видалась со мною. Я выдумалъ оправданіе и не могъ равнодушно смотрѣть на прекрасные глаза ея; остатки совѣсти иногда пробуждались во мнѣ; она любила меня страстно, и въ награду постоянной любви находила измѣну. Она замѣтила мою холодность, и укоризна не вылетала изъ устъ ея. Часто удерживала слезы, чтобы не огорчить меня. Я зналъ, что имѣлъ дѣвушку достойную любви, вѣрности, и не могъ удержать себя — прелесть разсыянной жизни увлекала невольно. Я любилъ Сашу, начиналъ любить Лауру, и посвящалъ внутреннюю Туанету; я не могъ ограничиться одной и постоянной склонностію. Такъ мы всегда служимъ игрищемъ страстей, если покоримся имъ! Не ограничимъ себя, оставимъ благоразуміе,

которое полагаетъ черту страстямъ нашимъ.

Три дня прошли безъ особенныхъ происшествій, и посвящены Сашѣ, а на четвертый, когда я проснулся, мальчикъ подалъ мнѣ записку, сказавъ, что неизвестный человекъ принесъ ее; я развернулъ и читалъ:

»Трое сутокъ не видѣть Антонія — значитъ не существовать на свѣтѣ!
 »Если рана не препятствуетъ, и мнимая измята забыта, то въ 11 часовъ вечера приходи въ садъ, только не въ бесѣдку и пагубный гротъ — онъ сталъ слишкомъ извѣстенъ; проберись осторожно къ горѣ, что противъ павильона — это мѣсто скрытое; въ китайскомъ домикѣ ты встрѣишь вѣрную Лауру.«

Я вскочилъ съ постели, поцѣловалъ записку, одѣлся, пересталъ чувствовать боль въ груди, и побѣжалъ къ

князю: »другъ мой! радуйся! Смотри, читай, и поздравь меня!

— Радуюсь, и поздравляю! отвѣчалъ пріятель: она пишетъ изрядно; однако жъ рука Лауры мнѣ неизвестна, и точно ль ее

— Какъ! ты не вѣришь?

— Да! можно усумниться. Ступай, Антоній, пользуйся счастьемъ, помни мои совѣты и не забудь осторожность! Возьми на случай карманные пистолеты и кинжалъ лицемѣрки; онъ славно присосѣдился къ глоткѣ Тумакова! Весьма жаль, что рана препятствуетъ проводить тебя и занять форпостъ.

Записка и свиданіе вскружили мнѣ голову; я съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера; вотъ ударило десять часовъ, а въ одиннадцать, съ наступательнымъ и оборонительнымъ оружіемъ, я очутился въ домѣ барона. Счастіе служило необыкновенно: въ прихожей людей не случилось, гостиная опустѣла, толпа игро-

ковъ занимались въ отдаленныхъ комнатахъ; никто не замѣтилъ прихода; какъ кошка я проскочилъ изъ отворенной двери въ садъ, спѣшилъ къ означенному мѣсту, озираясь на всѣ стороны какъ воръ, не слѣдитъ ли кто за мною. Ночь была свѣтлая; я пробирался скрытными дорожками, чтобъ тѣнь не измѣнила и въ открытыя окна не замѣтили; всѣ жилки забились во мнѣ, когда, достигнувъ горы, я увидѣлъ китайскій домикъ.

Я отперъ осторожно дверь, вошелъ и, за темнотою, ничего не видѣлъ; окна закрывались опущенными шторами. — Лаура! Лаура! повторялъ я, чуть дыша, и не получилъ отвѣта. Здѣсь никого нѣтъ! Вѣрно пришелъ рано — стану ждать! Отыскалъ ошупью стулъ, сѣлъ, слышу вздохи чловѣка; не вѣрю самъ себѣ, начинаю вслушиваться: имя Антоній произнесено женскимъ голосомъ; это привело меня въ изумленіе,

неужели Лаура, ожидавъ меня, уснула? Не кроется ли здѣсь обманъ?.. Будемъ осторожны... Опустивъ руки въ карманъ, я приготовилъ пистолеты и кинжалъ, спрятанный въ пазахъ; держась о стѣну, приблизился къ спящей женщинѣ; широкая софа у окошка меня остановила; я поднялъ тихонько штору, луна свѣтила прямо въ бесѣдку — и что жъ?.. Я увидѣлъ Лауру въ глубокомъ снѣ. Ахъ, какъ она показалась мнѣ прекрасна! Черные локоны въ беспорядкѣ лежали на бѣлой, полной груди ея! Румянецъ игралъ на щекахъ; она улыбалась, и ямочки у прелестныхъ розовыхъ устъ одушевляли милую улыбку! Я стоялъ въ изумленіи, не смѣлъ свести глазъ съ очаровательной дѣвицы! Наклонился, глоталъ дыханіе, производимое колебаніемъ груди, и чтобъ совершенно насладиться предестями, утвердилъ што-

ру, позволилъ счастливой лунѣ освѣ-
тить красавицу!

Я сѣлъ возлѣ нея, пожалъ тихонько
руку, приложилъ уста къ пламеннымъ
щекамъ — онѣ горѣли, я цѣловалъ дѣ-
вицу, обнималъ, прижималъ къ сердцу:
она не пробуждалась. Что это значить?
Это сонъ не натуральный! Я усилилъ
ласки, она вздохнула — произнесла до-
вольно внятно: милый Антоній!

— Онъ здѣсь! исчезаетъ отъ восторговъ!
Проснись, прекрасная! Ахъ, ты снова
уснула! проснись. . . .

Лаура вскочила съ софы. . . .
долго и съ трудомъ я могъ успокоить
дѣвицу; наконецъ она отерла слезы
— и произнесла кроткимъ голосомъ:
Антоній! еще одно слово. . . . ты зналъ
объ умыслѣ сестеръ?

— Нѣтъ, Лаура! Клянусь тебѣ всѣмъ
священнымъ, я зналъ, что онѣ гото-
вились предать тебя, готовились на по-
гибель мою; о такой измѣнѣ я не
смѣлъ и думать!

— Боже, благодарю тебя! Виновный
Антоній не злодѣй! Оставь кинжалъ. . .
береги жизнь свою. . . забудь. . . и от-
пусти меня.

— Нѣтъ! то и другое невозможно,
если не простишь меня! Позволь, пре-
красная, любезная невеста, позволь! —
Я снялъ съ пальца ея кольцо, замѣ-
нилъ своимъ: пусть эта эмблема озна-
менуетъ залогъ мира и вѣчную, посто-
янную любовь! — Она опустила голову
на грудь мою, повторила «вѣчную,
постоянную любовь!» Антоній! теперь
узнай какъ люблю тебя! Я не клянусь
— мои клятвы въ сердцѣ, и на небе-
сахъ! — Она упала въ мои объятія! Мнѣ
показалось, что увидѣлъ новый свѣтъ,
получилъ новую душу; тяжесть горы

свалилась съ меня; я плакалъ, смѣлся, обнималъ дѣвицу, говорилъ все, что любовь и разумокъ внушали мнѣ! Лаура успокоилась, отчаяніе уступило удовольствію, ненависть любви и довѣренности; два часа пролетѣли какъ двѣ минуты; шумъ голосовъ въ саду вывелъ насъ изъ очарованія. Антоній! Тебѣ нельзя показаться въ комнаты; останься здѣсь; я пойду, когда всѣ улягутся, принесу ключъ и выпущу въ калитку.

Я остался одинъ, имѣлъ довольно времени подумать о настоящемъ положеніи. И такъ у меня теперь двѣ любовницы? Туанету нельзя включить въ число третей, обѣихъ люблю страстно. Ахъ, Саша! я измѣнилъ тебѣ! клялся любить вѣчно, и отдаю руку Лаурѣ; точно, я виновенъ предъ тобою; однако жъ не далъ обѣщанія назваться мужемъ; ты не просила о томъ, и ограничилась однимъ названіемъ лю-

бовницы... напротивъ, добродѣтель Лауры, званіе, красота, должны получить награду; честь велитъ соединиться съ нею! Но не та ли самая честь даетъ Сашѣ равныя права? Ахъ! я виновенъ предъ обѣими! Теперь слѣдуетъ вопросъ: можетъ ли она перенести мою измѣну? О! я уменьшу горестъ бѣдной дѣвушки! отдамъ ей полъ-имѣнія! составляю счастье — счастье? Прекрасная выдумка! Если кто мнѣ скажетъ: я возьму Сашу и Лауру, дамъ вамъ сокровища Креза! Что я стану отвѣчать? Что! Схвачу моихъ любовницъ, которыхъ люблю равномерно—и скроюсь съ ними на край свѣта. Въ подобныхъ мысляхъ, во ожиданіи Лауры, я уснулъ; поцѣлуй разбудилъ меня: Милый Антоній, проснись! Три часа, всѣ люди спятъ, вотъ ключъ — пойдемъ; скоро наступитъ утро.

Мы условились въ наступающей вечеръ оказывать взаимную холодность,

будто умыслъ добрыхъ сестрицъ не имѣлъ успѣха; увѣрить въ томъ князя; онъ, узнавъ подробности, могъ проговориться Леліи; Лаура желала оставить всѣхъ въ заблужденіи — и внезапно удалиться изъ дому. Такъ мы располагали; но судьба или, вѣрнѣе сказать, мои пороки обратили въ ничто наши предположенія, и счастливый Антоній погрузился въ бездну несчастій!

Теперь не излишне упомянуть о домашней моей жизни и дѣлахъ: они шли своимъ порядкомъ; отецъ, огорченный мотовствомъ, безпечностію, всегдашней отлучкой, жаловался опекунамъ; тѣ часто собирались увѣщавать меня, и всякой журилъ по своему: барышникъ сравнивалъ съ упрямою молодую лошадью; стряпчій изъ семинаристовъ рассказывалъ о блудномъ сынѣ; отецъ шумѣлъ, спрашивалъ, куда дѣваю деньги, требовалъ отчета въ мѣсячной суммѣ и части доходовъ;

одинъ Чистяковъ сохранилъ умѣренность: выговаривалъ кротко, совѣтовалъ, сожалѣлъ, что оставилъ семейство ихъ, гдѣ считался роднымъ, и замѣтилъ, что развратный человекъ не можетъ быть его зятемъ.

Угрозы и увѣщанія казались мнѣ смѣшны и оскорбительны; въ кругу блестящаго знакомства я привыкъ къ дерзости, давалъ свободу языку, и составлялъ изъ ничего удачные обороты; я перекрикивалъ опекуновъ, забрасывалъ словами, доказывалъ ихъ невѣжество, и что они, какъ простолюдины, не могутъ судить о поступкахъ образованнаго человека. Я утверждалъ, что тративъ деньги, прокладываю путь къ дальнѣйшимъ видамъ.

Утомленный происшествіемъ ночи, я проснулся въ полдень; карета князя дожидалась; онъ приглашалъ меня къ себѣ. Отецъ морщился, проклиналъ это знакомство, ругалъ безъ пощады

моихъ пріятелей, и не забылъ покойницу жену: вамъ обязанъ, шепталъ онъ: вамъ обязанъ этимъ уродомъ! по вашей милости онъ скоро станетъ нищимъ, умретъ въ тюрьмѣ и разоритъ меня!

Я хладнокровно перенесъ нѣжныя укоризны родителя, одѣлся и полетѣлъ къ товарищу!

— Помилуй, братецъ! Ну, можно ли такъ долго спать, не поспѣшить къ другу съ рапортомъ? Я горю нетерпѣніемъ знать: чемъ окончилось свиданіе? Твои успѣхи? Ты вѣрно торжествуешь? Лаура

— Лаура отвѣчалъ я сухо, останется Лаурой.

— Неужели? Это значить, кавалеръ правъ.

— Напротивъ! она чуть не выцарапала мнѣ глазъ! Просьбы, клятвы, увѣренія — все осталось бесполезно.

— Странно, если говоришь правду. И ты не могъ сладить? Стыдись!

— Она защищалась какъ львица; мы поспорились; я рѣшился оставить безплодныя искательства.

— Вотъ еще новость! Да скажи, гдѣ и какъ ты нашелъ ее?

— Въ китайскомъ домикѣ она спала...

— Далѣе, далѣе

— Я спѣшилъ воспользоваться крѣпкимъ сномъ: она пробудилась и всѣ усилія обратила въ ничто.

— Странная дѣвка! Надобно имѣть Гигасово кольцо, чтобъ проникнуть въ ея мысли! Прислать записку, назначить свиданіе, любить страстно, и кончить ничѣмъ? Не увывай, другъ мой! первая неудача можетъ поправиться; не смотря на боль въ рукѣ, я ѣду къ барону: Лелія обворожила меня! Ты провожаешь?

— Нѣтъ!

— Какъ, нѣтъ? Товарища безъ правой руки ты можешь оставить?

— Я не хочу видѣть Лауру.

— Пустое! милыя ссорятся — это значить тѣшатся; помирятся, крѣпче прижмутъ другъ друга. Поѣдемъ, стыдно молодцу оставить поле сраженія! Побѣдитель грознаго Тумакова, защитникъ красоты и невинности, спаситель друга, герой, ободрись! Ты славно владѣешь шпагою — и вѣрно пистолетомъ промаха не дашь; положишься на меня — во что ни станеть, озабочусь породниться съ тобою именемъ свояка! Ъдемъ!

— Изволь! я жертвую рукъ твоей. Тутъ князя позвали къ отцу, я остался одинъ въ комнату, увидѣлъ на столѣ кучу записокъ, сталъ перебирать, — прочиталъ около дюжины и остановился на послѣдней.

»Милый князь! три дня мы не видались, посуди о моей горести! Увѣдоми скорѣе: въ какомъ положеніи твоя рана; если она не препятствуетъ, то пріѣзжай къ намъ на вечеръ; не забудь Антонія. Батюшка, сестры и весь

домъ обворожены героемъ; одна только Лаура сидитъ нахмуясь. Ради Бога, вывѣдай подробности: приходилъ ли онъ ночью въ садъ, въ какомъ нашель положеніи; мы не можемъ провѣднать, чѣмъ кончилось: никто не замѣтилъ какъ онъ пришелъ и вышелъ; нельзя вѣрить, чтобъ онъ не воспользовался случаемъ. Прости!»

Прекрасно! мой вѣрный товарищъ заодно съ добрыми сестрицами! По ихъ милости, я сталъ женихомъ, вступаю въ семейство барона; теперь должно согласиться, что во всякомъ злѣ есть частица добра! Онъ рѣшились погубить Лауру, включить меня въ число своихъ обожателей по неволѣ, а напротивъ, подарили дѣвицей, достойной любви и уваженія. Однако жъ, если подумать, то князь не совсѣмъ измѣнилъ дружбѣ: одна любовь удерживала тайну; его просила Лелія вывѣдать

мои успѣхи, а меня Лаура скрыть; кажется, мы квиты.

Услышавъ шаги товарища, я положилъ записку на мѣсто; ожидаемый вечеръ наступилъ; мы прѣехали къ барону; онъ выбѣжалъ на встрѣчу: Добро пожаловать, господа! милости прошу, любезный молодой пріятель! Въ какомъ положеніи ваша рана? — Слава Богу, сударь! почти заживаетъ. — А моя не совсѣмъ, присовокупилъ князь. — Дѣти! повторялъ баронъ, дѣти! ступайте, ступайте сюда скорѣй! Посмотрите, кто пожаловалъ къ намъ. Цѣлое семейство окружило насъ; заботились о моей ранѣ, превозносили мою храбрость, и называли героемъ.

Князь вышелъ съ Делією въ садъ, и вѣрно увѣдомилъ о нашемъ разговорѣ. Я остался одинъ съ Лаурою и шепнулъ: Милая! какъ несносно притворство! Если это продолжится, то я

не отвѣчаю за себя! — Другъ мой! притворство необходимо; побереги меня, садись за карты, проиграй малость и приходи въ бесѣдку.

Я не заботился о маломъ проигрышѣ: счастье случилось на моей сторонѣ. Скоро возвратился князь: Ба! пріятель! ты въ выигрышѣ? Поздравляю! Послушай, прибавилъ онъ шопотомъ: бѣдная Лаура одна въ саду, какъ сиротка: поди къ ней, я поиграю за тебя.

— Возьми мое счастье и карты, а про Лауру ни слова.

— Да ты, братецъ, сердитъ не на шутку! стыдись! — Господа! сказалъ громко князь: Антоній ушибъ грудь, доктора велѣли ему пользоваться воздухомъ, а въ комнатѣ душно. Позвольте поиграть за товарища. Онъ занялъ мое мѣсто, а я, по уговору съ Лаурой, не торопился, пошелъ къ барону, выпилъ нѣсколько рюмокъ вина; сестрицы не

спускали съ меня глазъ, и старшая шепнула Деліи: Князь сказалъ правду: они поссорились не на шутку; я примѣчалъ за ними, а тѣ за мною, вышелъ въ садъ и побѣжалъ къ бесѣдкѣ.

Лаура встрѣтила меня съ восторгомъ. Антоній! милый Антоній! не видѣвъ тебя, часы казались мнѣ вѣками! писать не смѣла: я окружена измѣной; одно терпѣніе и надежда удерживали жизнь мою. Ахъ! я узнала какъ люблю тебя! Роковой случай разрушилъ мое спокойствіе! Не знавъ тебя, мнѣ казалось, что я счастлива, спокойна; а теперь, теперь все измѣнилось.

— Такъ взаимная любовь недостаточна къ твоему счастью? Развѣ надежда къ соединенію не рисуетъ картину будущей жизни? Развѣ названіе супруга и любовника ничтожны для тебя?....

— О! напротивъ, Антоній! не вѣрь мнѣ, я хотѣла сказать другое, хотѣла сказать, что я болѣе чѣмъ счастлива! А

если священные узы соединятъ насъ, тогда мнѣ останется хранить минуты жизни, и каждую посвятить тебѣ!

Прелестная дѣвица ласкала меня и казалась милѣе; ея слова, умъ, приверженность очаровали меня. Антоній! продолжала она: теперь я совершенно покорила твоей волѣ; твои желанія составляютъ мой законъ; но, другъ мой, прекратимъ свиданія въ саду: за нами примѣчаютъ; мы не можемъ долго притворяться; я первая измѣню тайнѣ.

— Жестокая! и ты, ты могла это сказать?

— Я не хочу доставить торжества сестрамъ, открыть мое счастье! Еще нѣсколько мѣсяцевъ, твоя опека окончится, и ты....

— А теперь мнѣ убѣгать тебя?... терзаться разлукой, вздыхать о потерянномъ счастьи, ограничить одною надеждой, и....

— Развѣ я сказала о разлукѣ? Развѣ могу жить и дышать безъ тебя? Ахъ, Антоній! поздно скрывать мои чувства! Виновная Лаура жертвуетъ всѣмъ обожаемому супругу. Пойдемъ. Она схватила меня за руку, повела окольной тропинкой къ дому; мы пришли къ крыльцу, Лаура отворила дверь въ нижнее жилье, деревянная лѣстница вела на корридоръ; еще одна дверь, и я очутился въ ея комнатѣ.

О Лаура! теперь вижу несомнѣнные опыты любви твоей!— Она улыбнулась. Здѣсь никто насъ не увидитъ, коварство оставить въ покоѣ! Я увѣрена, что мои ласки не наскучатъ, не укорятъ въ излишнемъ снисхожденіи. Вотъ ключъ отъ известной калитки; возвратись въ комнаты; предъ ужиномъ простиись и приходи сюда; я жду, и останусь не одна: у меня есть еще Антоній.— Она подошла къ столу, сдернула

платокъ съ рамы, и я увидѣлъ портретъ мой. Тутъ я бросился къ ногамъ Лауры, обнималъ ея колѣна, и въ восторгѣ видѣлъ въ ней болѣе чѣмъ обыкновенную дѣвицу.

— Кажется, нарисованъ вѣрно? Любовь управляла кистию, а сердце означало черты; два мѣсяца я трудилась надъ нимъ и осталась довольна.

Я возвратился въ комнаты и не имѣлъ нужды притворяться; устремилъ все мысли къ одной невѣстѣ; короткіе, отрывистые отвѣты увѣрили баронессу въ неудачномъ успѣхѣ хитрости, и что Лаура въ ссорѣ со мною.

Князь спустилъ весь выигрышъ мой, и на честное слово пять сотъ рублей; я поручился, и все остались довольны. Передъ ужиномъ я простился съ семействомъ барона, по случаю раны, и далъ слово навѣстить въ скоромъ времени. Я забѣжалъ въ первый трактиръ, отужиналъ на скорую руку, какъ го-

лодный музыкантъ , и въ 12 часовъ очутился въ комнатѣ Лауры. Такъ пролетали мои дни ; каждый почти вечеръ я проводилъ съ Лаурою и рѣдкіе съ Сашей ; одни утренніе часы посвящалъ ей , и то не всякой день ; къ стыду моему , должно признаться , я не забывалъ и Гуанету. Баронъ принималъ меня ласково , князь , Лелія съ сестрицами надѣялись достигнуть къ своему намѣренію , карточная игра шла своимъ порядкомъ , я проигралъ десять тысячъ рублей на вексель , а въ четырехъ поручился за товарища.

Чтобъ замѣнить холодность къ Сашѣ , я часто приносилъ ей подарки ; она не восхищалась ими , и упрашивала не пускаться въ издержки. Въ одно утро я подарилъ ей золотую цѣпь ; Саша вздохнула : милый другъ ! ты прежде дарилъ меня рѣже , навѣщалъ чаще , и ласкалъ болѣе ! Ахъ , золото не замѣнить любви ! Часто подъ нимъ льются слезы

горести ! Напримѣръ , эта цѣпь ; она прекрасна , дорого заплачена , а менѣе значитъ простаго платья , которое ты подарилъ мнѣ на другой день нашего сѣдиненія. Ахъ , прости меня ! Ты огорченъ укоризнами ; вспомни , они въ первый разъ вылетѣли изъ устъ моихъ ; прости меня , Антоній ! я не здорова.

— Милая , добрая Саша ! Твоя горестъ мучить меня ! Скажи , что съ тобою ?

— Ты столько разсѣянъ , что не замѣтилъ перемѣны во мнѣ — здѣсь ; она взяла мою руку , приложила къ своему сердцу : здѣсь я ношу залогъ любви твоей ! Заплакала , и кинулась мнѣ на шею.

— Саша , безцѣнная моя Саша ! Ты будешь матерью ? и могла скрывать мое счастье ? не хотѣла обрадовать меня ? Ахъ , Саша ! Если бы ты знала , какъ эта вѣсть обрадовала меня . . . эта минута сѣдинить насъ ! . . я хотѣлъ сказать вѣчно — и вспомнилъ о Лаурѣ.

Восхищаясь мыслию и названіемъ отца, я не выходилъ отъ Саши, смотрѣлъ ей въ глаза, предупреждалъ желанія, угадывалъ мысли, обратился къ первой любви; Лаура, въ свою очередь, забыта; я подобился ребенку, и двумя дѣвцами забавлялся, какъ куклами; иногда давалъ преимущество одной и оставлялъ другую; записка баронессы напомнила мнѣ о многомъ. Въ условный часъ мы увидѣлись; укоризны и слезы встрѣтили меня; я спѣшилъ успокоить ее, выдумалъ вѣроподобную отговорку, клялся въ постоянной любви, клялся сдержать слово, и совѣсть терзала меня. Лаура повѣрила, и увѣдомила, что баронъ заботится о моемъ удаленіи и мнѣ должно навѣщать ихъ по прежнему.

На другой день я пришелъ, князь добивался узнать о дѣлахъ моихъ, и замѣтивъ скрытность, счелъ ее къ неудачному волокитству за Лаурой.

Наступила осень, природа измѣнилась, желтые листья замѣнили зеленые, и тѣ порывистый вѣтеръ сбивая съ стебельковъ уносилъ далеко; все казалось пасмурно и подобилось жизни человѣка. Въ весенніе дни онъ красуется подобно природѣ, все льститъ ему, занимаетъ; прекрасный цвѣтокъ, улыбка дѣвицы, ласки милой сердцу приводятъ въ восхищеніе; въ бѣгломъ умѣ онъ рисуетъ очаровательную картину жизни, думаетъ, это продолжится навсегда; и вотъ наступаетъ лѣто, онъ пользуется; за нимъ слѣдитъ осень, онъ становится мраченъ, угрюмъ, подобенъ тому дереву, которое, обнажась, ожидаетъ суровую зиму. Такъ, человѣкъ подобенъ четыремъ временамъ года: весна, лѣто, осень и зима составляютъ эмблему жизни: онъ начинаетъ возникать, цвѣтеть, постепенно вянетъ, приходитъ въ ничтожество; послѣдній періодъ становится ему слишкомъ тяжелъ; онъ воспоминаетъ

прошедшее и въ будущемъ видить одну могилу—а что за ней, ни одинъ мудрецъ не смѣлъ сказать опредѣлительно. Непостижимый скрылъ эту тайну отъ ума человѣка!

Суровая осень не раздѣляла насъ съ садомъ и бесѣдкою; мы свсбодно наслаждались любовію и планомъ будущей жизни. Въ одинъ вечеръ, часу въ шестомъ, вдругъ замѣтили въ комнатахъ необыкновенное движеніе: люди бѣгали со свѣчами; казалось, всѣ суетились. Пойдемъ, Антоній! Что тамъ дѣлается? Мы слишкомъ заговорились, сказала дѣвица, подавъ мнѣ руку.

Мы вышли изъ бесѣдки, и кавалеръ Де очутился передъ нами. Здравствуйте, сударыня, сказалъ онъ баронессѣ съ язвительной усмѣшкой; вы конечно, не думали со мною увидѣться?

— Ваша правда, сударь, такая встрѣча не слишкомъ пріятна!

— Вѣрю; однако жъ, я пришелъ, и — кажется, довольно кстати? Согласитесь, кстати! Вы оставили бесѣдку безъ свидѣтеля? Удивляюсь, сударыня, какъ можно въ холодное осеннее время гулять нѣсколько часовъ въ саду? Долго ли простудиться! Правда, вы въ салопъ, а бѣдный вашъ товарищъ, можетъ продрогнуть, въ одномъ фракѣ, безъ сюртука

— И безъ шпаги! . . . перехватилъ я значительно!

— Разумѣется! ты не имѣешь права носить ее! На чемъ бишь я остановился? Да! Вашъ спутникъ въ одномъ фракѣ и

— Подлецъ! ты жизнью заплатишь за дерзость свою!

— Неужели, отвѣчалъ кавалеръ, гордо положивъ руку на эфесъ шпаги.

Я выхватилъ кинжалъ: онъ всегда находился со мною. — Еще одно слово, и твой языкъ станетъ потѣшать дьяво-

ловъ; къ нимъ отправлю тебя въ минуту!

Кавалеръ съ робостію отскочилъ нѣсколько шаговъ. — Ого! кинжалъ! предосторожность не на шутку! Тѣмъ лучше.

Лаура стала между нами. — Для Бога, спрячь! Я не могу видѣть это страшное желъзо! Пислушайте, сударь! Если вы пришли оскорбить благородную дѣвицу, въ мысляхъ, что она беззащитна, то вы ошиблись; этотъ молодой человекъ защититъ меня: опытъ доказалъ вамъ это! Если страсть къ язвительнымъ насмѣшкамъ превозмогаетъ всѣ приличія жизни и пагубныя послѣдствія, то я сожалею о томъ; если же дерзаете коснуться моей чести, то я презираю васъ! . . . Пойдемъ, Антоній!

— Это слишкомъ забавно! сказалъ кавалеръ, смѣючись въ отдаленіи! О, сударыня, успокойтесь! Мои намѣренія

совсѣмъ другія, поспѣшите въ комнаты. . . тамъ можете декламировать сколько угодно! Право, жаль, что вы еще не замужемъ, и не вступили въ семейство торговца—быками! Тогда бъ я васъ сравнилъ съ унылой Андромахой, провожающей Гектора изъ Трои! Не доставало бъ только ребенка? И то не бѣда! Одна изъ сестрицъ или тетусекъ одолжить на время! — Онъ побѣжалъ, я хотѣлъ преслѣдовать, Лаура удержала: Антоній! остановись; что это значитъ?

— Не знаю; досада прерываетъ слова мои!

— Антоній! отдай мнѣ кинжалъ.

— Зачѣмъ?

— Твоя вспыльчивость устрашаетъ меня!

— Въ немъ можетъ случиться надобность. . . .

— Другъ мой! отдай мнѣ кинжалъ.

— Возьми!

Она спрятала оружіе въ платье, и про-

должала: Чувствую, въ семействѣмоемъ случилось несчастье: поспѣшимъ, и увидимъ... Мы скоро пришли въ комнаты.

Баронъ въ отчаяніи перебиралъ пальцы рукъ своихъ, мать съ дѣтьми стояла въ онемѣніи, гости со страхомъ поглядывали другъ на друга. Кавалеръ съ сообщниками своими стоялъ у дверей и съ злобнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на насъ и пріятелей хозяина. Человѣкъ среднихъ лѣтъ лежалъ на софѣ: оборванная одежда, открытая грудь, судорожный порывъ дергалъ въ немъ члены; блѣдное лицо, засохшія губы, глаза, залитые кровью — означали въ немъ сильное страданіе.

— Всѣ пособія тщетны: ядъ нельзя истребить; онъ умретъ черезъ полчаса! сказалъ докторъ.

— Такъ! всѣ пособія тщетны, повторялъ страдалецъ: ядъ не можно истребить... да и зачѣмъ?... Здѣсь!... въ этомъ адскомъ жилищѣ мнѣ должно умереть!

Здѣсь погибли моя совѣсть... честь... имѣніе... все счастье въ міръ! Доротея, подойди (имя старшей баронессы), подойди! — Онъ страстно обратилъ къ ней изступленные глаза: — Смотри и торжествуй! Твоя проклятая красота, коварство... привели меня ко гробу! Я самоубійца!... Ты улыбнулась? смѣешься? ха! ха! ха! Я и самъ смѣюсь! — Онъ захохоталъ дикимъ голосомъ; всѣ окружающіе невольно содрогнулись. — Посмотри! видишь привидѣнія? Они смѣются съ нами... спѣшатъ соединить... подають вѣнцы... Нѣтъ! это змѣи! онѣ шипятъ въ огненныхъ рукахъ фурій!... А!.. помнишь первое свиданье!.. слова, ласки, клятвы... которыми усыпила меня. Помнишь, какъ проклятый отецъ твой наливалъ вино, принуждалъ пить? Ахъ! это одно начало!... Я бросалъ золото, ставилъ на карты имѣніе, — въ угодность твою проигрывалъ болѣе другихъ, и ты ласкала меня; я началъ

бѣднѣть, ты измѣнилась, охладѣла; чтобъ насытить твою алчность, я сталъ бездѣльникомъ, обманывалъ друзей... выманивалъ деньги; тѣ узнали о томъ, источникъ пресѣкъся... Тутъ я вырывалъ послѣдніе куски изъ рукъ несчастнаго своего семейства... Я сталъ нищимъ — ты презрѣла меня.... Теперь жена и дѣти протягиваютъ руки... состраданіе удѣляетъ имъ пищу, чтобъ наследники богача не умерли съ голода. Я пришелъ сюда излить горестъ въ душу твою, пришелъ просить не подаянія, не любви, а жалости, одной жалости... и утѣшенія.... Ты засмѣялась... оттолкнула меня; тутъ я взглянулъ на обручальное кольцо, послѣдній и нѣкогда драгоценный кусокъ золота, оставилъ тебя, пошелъ, продалъ, купилъ дѣтямъ хлѣба, хотѣлъ поднять руку, благословить ихъ — она затрепетала: Провидѣніе не допустило преступника благословить невинность! . . . Я

вздрыгнулъ, посмотрѣлъ на небо, — оно потемнѣло, упалъ на колѣна, призывалъ Бога. Онъ отвергнулъ чароубійцу!... Тутъ съ остатками денегъ я побѣжалъ, купилъ ядъ, и съ нимъ поспѣшилъ къ тебѣ... Доротея! произнесъ я: посмотри на несчастнаго! Посмотри!... Одинъ твой ласковый взглядъ усладить страданія мои!.. Ты отворотилась... Доротея, умилосердись!.. заглуши совѣсть мою! Позоръ, отчаяніе терзаютъ душу!... Трое сутокъ я безъ пищи; жажда палитъ внутренность мою... Ты подала знакъ человѣку, онъ изъ милости принесъ стаканъ воды, я всыпалъ отраву, выпилъ, и не имѣлъ послѣдней отрады отравиться изъ рукъ твоихъ!... Молодые люди... продолжалъ страдалецъ: вы содрогаетесь, слушая слова мои! Ахъ! да послужитъ вамъ гибель моя примѣромъ.... Бѣгите отсюда!.. бѣгите жилища, гдѣ порокъ, корысть... измѣна--

готовятъ нищету, поруганіе и самую смерть! А ты, коварный отецъ! ты породилъ это чудовище! Страхись! мщеніе небесъ правосудно!... скоро.... скоро.... поразить тебя за вопли сиротъ и вдовъ, простирающихъ къ нему руки! Оно поразить тебя, подобно мнѣ... Я умираю въ отчаяніи, безъ утѣшенія, дружбы, дѣтей; ты лишилъ меня счастья земнаго и надежды къ вѣчному блаженству! Четыре голыя доски сколотятъ, чтобъ положить прахъ мой.... бросятъ самоубійцу какъ злодѣя, погибшаго безъ утѣшенія вѣры!... Но тамъ, въ жилищѣ скорби.... въ заклепахъ адскихъ вертеповъ, я встрѣчу тебя и обольстительницу мою! Тамъ съ улыбкою протяну къ вамъ руки, встрѣчу къ вѣчному страданію!... Трепещите!... въ аду... сами дьяволы различать прельщеннаго отъ прельстителей!... Сильныя конвульсіи прервали слова его.

Ужасъ оказался на всѣхъ лицахъ. Я стоялъ въ отдаленіи, прислонился къ стѣнѣ, поддерживалъ Лауру, едва имѣвшую дыханіе; князь заботился о Леліи; Доротея казалась окаменѣлой: раскаяніе, страхъ, неизвѣстность ея волновали; всѣ черты означали преступленіе и справедливость словъ умирающаго и.... вдругъ тишина прекратилась и умножила общее смятеніе; служитель вбѣжалъ въ комнату, сказавъ: военная команда окружаетъ домъ, полицейскій маіоръ съ офицерами идетъ сюда.

Друзья барона въ минуту разсѣялись, не смотря на кавалера; онъ удерживалъ ихъ, они бросились въ садъ и корридоры, откуда знали всѣ выходы. Тернезъ кричалъ имъ: Друзья! куда бѣжите? Пстойте! не оставьте меня въ такомъ положеніи! — Никто не слушалъ: они стали глухи къ просьбамъ, заботились о себѣ, и какъ робкія животныя ки-

даются отъ звука рога во всѣ стороны, подобно имъ искали спасенія въ бѣгствѣ, показавъ опытомъ, что дружба, основанная на интересѣ, низости, всегда ничтожна и презрительна.

Комнаты опустѣли; изъ большой толпы сообщниковъ барона остались только шесть человекъ. Другъ мой! сказала трепещущая Лаура: посмотри, всѣ оставляютъ насъ, бегутъ, а ты.... — Я останусь съ тобою; если нужно, готовъ защищать барона: онъ отецъ твой! — Тутъ полицейскій майоръ съ офицерами и солдатами вошелъ къ намъ.

— Видите! началъ кавалеръ: я доносилъ справедливо! Вотъ умирающій; онъ отправленъ; вы опоздали; большая часть разбѣжалась, но и въ этомъ маломъ числѣ участниковъ барона откроете подозрительныхъ людей, убійцъ! Онъ показалъ на меня.

— Хорошо! мы осмотримъ, отвѣчалъ майоръ; а прежде спрошу этого чело-

вѣка. Онъ подошелъ къ несчастному страдальцу; тотъ пришелъ въ память, и говорилъ почти то же, что рассказывалъ намъ.

Майоръ обратился къ Доротевъ: Правда ли это, сударыня?.. Она молчала. — Г. баронъ, что вы на это скажете?

— Клевета и сущій вздоръ! отвѣчалъ хладнокровно старикъ. Умирающій вѣрно сумасшедшій, и если отравился, то конечно не въ моемъ домѣ; онъ приходилъ сюда не болѣе трехъ разъ и почти незнакомъ со мною; а доносчикъ бездѣльникъ; онъ сердитъ на всѣхъ за послѣдній визитъ: ему дали полновѣсную пощечину!...

— Лжетъ! вскричалъ съ бѣшенствомъ кавалеръ: еще никто не смѣлъ касаться лицу моему! Обыщите скорѣй этого человекъ — вотъ онъ! стоитъ дружно съ полумумною дочерью хозяина! Спросите, кто онъ и чѣмъ занимается?

На сдѣланный вопросъ я отвѣчалъ и самъ просилъ обыскать; предчувствіе Лауры спасло меня

— Онъ не имѣетъ оружія.

— Гдѣ кинжалъ? повторялъ доносчикъ.

— Ты бредишь! здѣсь одинъ кинжалъ — языкъ твой!

— Онъ брошенъ! Обыщите садъ, домъ, осмотрите другихъ! отвѣчаю честно.

— Онъ можетъ отвѣчать тѣмъ, чего не имѣетъ, сказалъ князь: я не позволю прикоснуться къ себѣ! Вы знаете мою фамилію, я на службѣ; отправьте меня въ полкъ; тамъ получите отвѣтъ. Этотъ молодой человекъ (онъ указалъ на меня) мой товарищъ; баронессы Лелія и Лаура невѣсты наши: не смѣйте оскорблять ихъ! Если что случилось въ домъ, то мы не виновны; спрашивайте другихъ, а насъ оставьте въ покоѣ.

— Ваше сіятельство! отвѣчалъ одинъ изъ полицейскихъ офицеровъ: не за-

ботьтесь входить въ наши распоряженія! Мы знаемъ свое дѣло.

Велите взять этого молодчика! сказалъ кавалеръ: онъ убѣжитъ, а съ нимъ и дѣвица Лаура.

Маіоръ подалъ знакъ, и три человека съ ружьями приблизились къ намъ.

— Стойте! стойте! раздался слабый голосъ: Нѣсколько минутъ осталось моей жизни; на что жъ ее нарушать несправедливостію и тѣмъ увеличить ужасъ близкой смерти! Доротея, баронъ, все семейство составлено изъ злодѣевъ; но Лаура невинна: это ангелъ въ образѣ дѣвицы.... Молодой человекъ, который поддерживаетъ ее, ни въ чемъ не виноватъ, и подлый доносчикъ по одной только злобѣ клеветаетъ на нихъ.... Онъ самъ способствовалъ къ разоренію моему, обманывалъ за одно съ другими.... старался оболстать Лауру... не успѣлъ, и сталъ врагомъ барона. Слушайте! я

теперь вспомнилъ: Утромъ , этимъ послѣднимъ для меня утромъ, онъ встрѣтился со мною, спрашивалъ съ участіемъ... Я находился въ изступленіи, открылъ ему всѣ подробности, повѣрилъ злодю; ахъ! несчастный вѣрять всякому, кто надѣнетъ личину состраданія.... Онъ преслѣдовалъ шаги мои какъ тѣнь.... видѣлъ купленный ядъ, вмѣстѣ со мною пришелъ въ этотъ домъ, и когда я выпилъ отраву, побѣждалъ съ довосомъ. Еще, вамъ повторяю, Латура и Антоній невинны.... Ахъ! свѣтъ меркнетъ въ глазахъ моихъ.... огонь разливается по всѣмъ членамъ... палить внутренность... О! это начало казни преступникамъ! Что тамъ? Доротея! слышишь? Это вопль, проклятіе жены моей... Тамъ кричатъ дѣти... протягиваютъ руки... зовутъ отца... молятся.... поздно... тщетная молитва... отвергнута правосуднымъ Божествомъ!... Все кончено... смерть... видишь, она

движется... подымаетъ косу... а тамъ пылаетъ пропасть... О! какія страшные призраки... Остановись, Доротея!.. Тебя ли я вижу? Ты превратилась въ чудовище: волосы вьются какъ змѣи... твоё тѣло оставь... руки.... обнаженные кости.... терзаютъ утробу мою... желѣзная цѣпь звучитъ, соединяетъ... заклепъ держитъ фурія... она влечетъ насъ... Доротея, оставь! оставь! не мучь меня болѣе... Пароксизмъ прервалъ слова страдальца, онъ заскрежеталъ зубами и въ ужасномъ мученіи окончилъ жизнь свою.

Домъ обысканъ, и только найдены фальшивыя карты; заботы кавалера о кинжалѣ остались безуспѣшны; ко всѣмъ выходамъ приставленъ караулъ. Тѣло отправили въ анатомическій театръ, барона взяли подъ стражу, съ шестью вріателями. Князя съ офицеромъ послали въ полкъ, а меня, какъ

нечиновнаго, въ полицію; доносчикъ то же не забыть, и взять подъ арестъ.

— Прости, Лаура! мы невинны и скоро увидимся.

— Антоній! я иду съ тобою!

— Извините, сударыня! васъ не пустятъ, сказалъ одинъ изъ полицейскихъ. Дѣвица бросилась ко мнѣ, и только силою могли насъ разлучить.

И вотъ я очутился въ съѣзжемъ домѣ, допрошенъ, признанъ невиннымъ; послали за отцемъ, чтобъ отдать меня на поручительство, не въ видѣ преступника, а свидѣтеля происшествія. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ прихода родителя; наступала ночь, онъ не показывался; я просилъ увѣдомить другихъ опекуновъ о моемъ арестѣ; мнѣ отвѣчали, что г. маіоръ видѣлся съ моимъ отцемъ, приказалъ письмоводителю составить докладную записку, и поутру объявить резолюцію. Я сталъ догады-

ваться, что дѣло плохо, и отецъ вымѣститъ за всѣ мои проказы.

Догадка оказалась справедлива: при утренней перекличкѣ арестантовъ, меня позвали въ контору: Ну, дружокъ! сказалъ г. маіоръ: по дѣлу ты правъ, а теперь отвѣчай за другое. Отецъ жалуется, что ты мотъ, картежникъ, пьяница, волочишься за дѣвчонками, не слушаешь, не считаешь его. А! что на это скажешь?

— Это все ложь!

— Какъ ложь? Бездѣльникъ! ты смѣешь называть отца лжецомъ? А зачѣмъ повадился ходить въ домъ барона играть въ карты?

— На мою собственность никто не запретитъ мнѣ играть!

— Ахъ, ты шенокъ! развѣ у тебя есть собственность? Пстой! я тебя вышкочю... Скамейку! розги! Человѣкъ пять или шесть бросились меня раздѣвать; я вздумалъ защищаться, и не умѣста ока-

залъ храбрость, задѣвъ кулакомъ по виску одного изъ камердинеровъ ; онъ повалился на полъ . . .

— Ба! ба! да ты еще вздумалъ драться? Растяните мальчишку, какъ кошку парте !

Исполнители приказанія не щадили трудовъ, отвѣшивали полновѣсные удары; я кричалъ, рвался, доказывалъ, и все напрасно. Меня высѣкли какъ нельзя лучше.

— Полно, ребята! сказалъ г. маіоръ: вы устали... Теперь будетъ умнѣе. Смотри, это въ первый разъ ; попадешься еще, не выпущу живымъ ! Благодарю за честь, что тебя сѣкли въ конторъ, а не въ арестантской : эту милость я сдѣлалъ для отца твоего. Одѣньте шалуна ! крестъ на спину ! связать руки ! . . . ведите . . .

Я не успѣлъ опомниться отъ адскаго мученія, какъ меня одѣли, тонкой веревкой связали руки, нарисовали мѣломъ

на спинъ крестъ, и повели. Обливаясь слезами и кровью, при выходѣ изъ конторы, я увидѣлъ прикащика батюшки: онъ шелъ по улицѣ, тащилъ большой кулекъ и жирную телятину. Слава Богу! подумалъ я : хорошо, что отецъ не удвоилъ ношу прикащика.

Заданный магнетизмъ въ такую привелъ циркуляцію мою кровь, что я не зналъ дороги; мнѣ казалось, что иду къ отцу, и представьте, въ какое пришелъ изумленіе, когда увидѣлъ . . . вы спросите: что? Смирительный домъ ! Я протиралъ глаза, не вѣрилъ, думалъ это сонъ, но боль отъ полученной припарки и слова зрителя разрушили мое сомнѣніе.

— А ! . . милости просимъ г. волокита ! добро пожаловать ! Эге, братъ ! не въ свои сани заѣхалъ ! Здѣсь лишнюю дурь выгонять ; возьмите его !

Провожатые аргусы сдали меня новымъ, получили росписку, а одинъ изъ

нихъ подошедъ ко мнѣ, просилъ на водку за труды.

Въ большой горницѣ или сараѣ, услужливый десятникъ сказалъ: Ну, пріятель, раздѣвайся! надѣнь казенное платье. Я не торопился, съ меня стащили фракъ, жилетъ, панталоны; взамѣнъ надѣли парусинныя брюки, изъ той же матеріи курточку, а на голову шерстяной колпакъ; дали въ руки метлу и лопатку. Я смотрѣлъ выпуча глаза; не понималъ, какъ это случилось и чѣмъ это все кончится?

— Ну, братъ, совсѣмъ нарядился? Щеголь хоть куда! Ступай! мети улицу!

— Какъ? мнѣ мети улицу?

— Разумѣется; неужли мнѣ? отвѣчалъ подбоченясь десятникъ.

— Ты вѣрно взбѣсился? Не знаешь, кто я?

— Очень знаю! Мотъ, купчишка, негодай!

— Бездѣльникъ! и ты смѣешь?...

— А, ты еще вздумалъ ругаться? Онъ проворно выхватилъ изъ подъ фартука линекъ: я не успѣлъ опомниться, какъ мнѣ влѣпили дюжину полновѣсныхъ ударовъ.

— Полно! полно, Степанъ! сказалъ пришедшій смотритель.

— Помилуйте, ваше высокоблагородіе! этотъ мошенникъ не хочетъ мести улицы и вздумалъ еще ругаться!

— Право? Послушай, дружокъ! выкинь дурь изъ головы, а то выйдетъ плохо: здѣсь шутить не любятъ; мнѣ жаль тебя, да какъ же быть? Самъ виноватъ! Твой отецъ, добрый, почтенный и пребогатый человекъ, старинный мнѣ пріятель; за дружбу и хлѣбъ-соль старика я взялся исправить сына; онъ выпросилъ позволеніе посадить тебя на мѣсяць въ смирительный домъ: такъ уймись, слушайся, будь покорень, работай, не доводи себя къ побоямъ. Теперь ступай на проспектъ!

— Убейте меня до смерти, а улицу мести не стану!

— Не станешь? Станешь! — Проклятый линекъ пришелъ снова въ движеніе; бѣдная спина моя принуждала покориться необходимости; я пошелъ, и наряду съ поденщиками началъ сметать грязь.

Теперь мнѣ сдѣлаютъ вопросъ: какъ Антоній, любимецъ счастья, ученикъ Шедонія, воспитанникъ Туанеты, любовникъ Саши, женихъ баронессы, другъ князя, душа общества, — этотъ Антоній высъченъ, въ смиренномъ домѣ, чистить улицу? Побѣдоносныя руки поразили Тумакова и кавалера, обнимали дѣвицъ; эти руки, за мѣсто гитары, держатъ метлу? Ахъ, друзья мои! случился такой грѣхъ! Я самъ не хотѣлъ тому вѣрить; но десятникъ съ линькомъ доказалъ ничтожность ниронической системы, и что философы ея напрасно сомнѣваются о точномъ

существовѣ всѣхъ предметовъ. При каждомъ экипажѣ, идущемъ человекъ, я отворачивался, опускалъ глаза въ землю; мнѣ казалось, что всѣ конные и пѣшие на меня смотрятъ; я схватилъ глыбу грязи, запачкалъ лицо, въ намѣреніи скрыть себя.

Колокольчикъ зазвенѣлъ; это значило 12 часовъ: время отдыха и обѣда. Насъ повели гусемъ, поставили котель съ протухлыми щами, дали по ломтю черстваго хлѣба, по кружкѣ воды, а для аппетита по шести ударовъ. Прекрасное начало и обѣдъ нѣжному желудку образованнаго юноши! Я бросилъ мою порцію, растянулся на клочекъ гнилой соломы и, разумѣется, ничкомъ. — Слишкомъ, братъ, нѣженъ и разборчивъ, сказалъ десятникъ: да голодъ не тетка, станешь ѣсть!

Можно повѣрить, какъ я честилъ десятника, зрителя, а болѣе маіора. Полежавъ съ полчаса, я попросилъ,

бумаги, чернилицу съ перомъ, чтобъ уведомить Чистякова о моемъ положеніи; мнѣ сказали наотрѣзъ, что переписка въ смирительномъ домѣ не въ употребленіи. Въ такой крайности я не зналъ что дѣлать; денегъ со мною не случилось; я обратился къ приставникамъ, обѣщавъ тому сто рублей, кто уведомить Чистякова; онѣ засмѣялись, называли хвастуномъ; имъ казалось невозможнымъ, чтобъ человека, который можетъ давать по сту рублей, посадили въ смирительный домъ.

Еще прошло нѣсколько времени, колокольчикъ зазвенѣлъ снова. На работу! закричалъ страшнымъ голосомъ десятникъ: вставайте! полно дрыхнуть! Мы вскочили проворно, какъ будто приглашались въ гости; насъ заставили носить воду и пилить дрова; обливаясь потомъ, проклиналъ часъ рожденія и молча исполнялъ приказанія грознаго повелителя. Въ восемь часовъ окончи-

лись утреннее и вечернее занятія, весьма полезныя къ правильному обращенію крови; принесли ужинъ: онъ составлялъ остатки обѣда. Я насилу дотащился къ мѣсту, почти безъ чувствъ упалъ на солому — и не касался хлѣба. Голова начала ломить, и умножила боль во всѣхъ членахъ. Степанъ изволилъ это замѣтить, и взялъ трудъ доложить г-ну смотрителю. Тотъ пришелъ скоро. Эге, пріятель, какъ тебя перевернуло! Видно наши хлѣбы не по животу? Ничего, пройдетъ; дайте ему кусокъ бѣлаго хлѣба, и квасу! Это маменькинъ сынокъ, привыкъ кушать булочки; поужицай, выпись, завтра будешь здоровъ. Квасъ я выпилъ съ жадностію, а бѣлый хлѣбъ оставилъ: онъ показался такъ мягокъ, что пригодился бѣ разбить голову бездѣльнику Степану. Товарищи мои уснули; я ворочался, охалъ, и мысль, что это продолжится цѣлый мѣсяць, приводила меня

въ отчаяніе : что подумаетъ Саша ,
Лаура, князь и прочіе, не выдавъ ме-
ня ? Они узнаютъ о безчестіи моемъ !
Я потеряю любовь баронессы, друж-
бу знатныхъ пріятелей; потеряю довѣ-
ріе, славу ! Какъ покажусь въ люди ?
Всѣ стануть смѣяться, показывать на ме-
ня пальцами; проклятый кавалеръ раз-
гласитъ по всему городу ; я стану на-
смѣшищемъ и по неволѣ запрусь съ бы-
ками дражайшаго родителя ! Въ такихъ
мысляхъ, ворочаясь на мягкой постелѣ,
услышалъ голосъ Степана.

— Антонъ Ивановичъ ! Антонъ Ива-
новичъ ! Спитъ ли ваша милость ?

Это новая насмѣшка , подумалъ я ;
бездѣльникъ ! дай только вырваться от-
сюда, дорого заплачу, чтобъ взбараба-
нили тебѣ шкуру !

Степанъ подошелъ ко мнѣ тихонько.
Вставайте, сударь ! не разбудите арестан-
товъ. Г-нъ смотритель проситъ васъ по-
жаловать къ нему.

— Что такое ?

— Г. смотритель проситъ ваше бла-
городіе

— Ты смѣешься ?

— Могу ли смѣяться надъ вашей че-
стию ! Пойдемте прежде въ мою горницу ;
тамъ ваше платье , надо переодѣться .
Я смотрѣлъ и не вѣрилъ . Услужливый
Степанъ исполнилъ должность камер-
динера отлично, принесъ воду, мыло ,
помогъ мнѣ смыть грязь съ рукъ и ли-
ца ; окончивъ туалетъ , мы пришли къ
смотрителю .

— Ну, сударь ! началъ тотъ, выкушайте
прежде стаканъ вина, перехватите чѣмъ
Богъ послалъ ! Забудемъ старое ; мнѣ
право совѣстно взглянуть на васъ : ме-
ня обманули ! злодѣйски обманули !
и кто же ? вашъ батюшка ! Стыдно ,
грѣшно такъ поступать на старости лѣтъ !
Онъ, старый чортъ (прости меня, Гос-
поди ! не здѣсь будь сказано), увѣрилъ,
будто вы не отдѣлены , что весь ка-

питалъ покойною вашею маменькою отказанъ ему, а вы не имѣете и гроша, мотаете, волочитесь, играете въ карты, и совершенно его разорили. Я, оселъ! повѣрилъ тому, и что жъ? вышло совсемъ противное: вы настоящій хозяинъ, капиталистъ, а онъ только прикащикъ! Вашими деньгами торгуется, наживается; эдакая совѣсть въ человѣкѣ! Вотъ, сударь, я принялъ все за правду, обошелся съ вами не слишкомъ вѣжливо... Да сдѣлайте милость, кушайте и пейте: хлѣбъ - соль не ссорятся. Вотъ, сударь... я раздѣваюсь, ложусь спать, и мнѣ говорятъ, что одна молодая дѣвушка проситъ свиданія. Поздно, думалъ я; жена дома, завтра воскресенье, пусть утромъ пожалуетъ! Тутъ пристала жена, зашекотала какъ сорока: пусти, да пусти! Что жъ вы подумаете? входитъ ваша двоюродная сестрица! Хе! хе! хе! У васъ, право, милая сестрица, и преразумная дѣвица!

Она рассказала намъ подробно всю исторію. Представьте себѣ мое изумленіе, досаду; меня какъ дубиной огрѣло по лбу! Такъ обмануть, такъ подло, варварски поступить — съ кѣмъ же? роднымъ сыномъ, сыномъ, воспитаннымъ молодцомъ, который живетъ за пане-брата съ графами и князьями!... Ахъ, ты Господи Боже мой, такъ и у Турокъ не поступаютъ! Нечего дѣлать, подумалъ я: мой грѣхъ, надо поправить; такіе люди пригодятся впередъ — не мнѣ, такъ ребятишкамъ! Вотъ, сударь, что мы съ женой выдумали: я васъ отпущу, только не домой, а къ сестрицѣ; не погубите меня! Сидите съ нею, не показывайтесь; да что и толковать? Ха! ха! ха! съ такою сестрицей не скучно; и я, согрѣшилъ окаянный на старости лѣтъ, посидѣлъ бы съ нею. Утромъ заходите сюда, васъ переведутъ въ больницу, на благородное отдѣленіе, въ особую комвату; я отпрапортую, что вы

*

больны; стоитъ всунуть доктору, разумете: барашка въ бумажкѣ, и все ладно; тамъ ночуйте всегда у сестрицы, а здѣсь, для виду, показывайтесь днемъ; между тѣмъ отпишите къ опекунамъ, чтобъ они заботились о вашемъ освобожденіи. Ну, сударь, довольны ли вы мною?

Я не вѣрилъ, глядѣлъ на совѣстнаго зрителя, и не отвѣчалъ ни слова. А понимаю! сказалъ онъ: вы сомнѣваетесь; мигомъ увѣримъ въ справедливости. Пожалуйте, сударыня! братецъ ожидаетъ васъ!

Дверь отворилась — и представьте мое изумленіе, мою радость: Саша бросилась ко мнѣ на шею! Милая, любезная Саша! ты пришла спасать меня? не постыдилась искать въ этомъ домѣ?

— Стыдиться? Нѣтъ мѣста, куда бѣ не пошла за тобою! нѣтъ двери и замка, которыхъ не отопру моими слезами!

Г-ну зрителю съ супругой ты обязанъ свободой; пойдемъ!

— Эдакая сестрица! говорилъ въ пом-голоса хозяинъ — у меня слезы навернулись, а жена рыдаетъ какъ ребенокъ. Онъ скорчилъ жалкую рожу, супруга плакала, Степанъ у дверей всхлипывалъ; онъ былъ очень чувствителенъ, что доказывалъ и линекъ, который недавно прогуливался по мнѣ.

Я оправился совершенно. — Г-нъ зритель! мы вамъ слишкомъ одолжены! Повѣрьте, услуга не останется безъ благодарности.

— Полноте, сударь, можно ли въ томъ сомнѣваться! Да выкушайте стаканъ вина, закусите; это подкрѣпитъ ваши силы. — Я выпилъ, а до кусковъ жаренаго не дотронулся, вспомнивъ ободранную часть телятины, и морозъ подралъ меня по кожѣ. Пожелавъ супругамъ покойной ночи, мы пошли. Степанъ провожалъ, открывъ калитку дома сми-

ренія, Саша дала ему серебряный рубль. Нижайше благодарю, милостивая государыня, и васъ, сударь! Милости просимъ жаловать и напредки!

О деньги! . . . деньги! . . . подумалъ я: да почиетъ въ миръ прахъ челоуѣка, который изобрѣлъ васъ! Давно ли Степанъ называлъ меня бездѣльникомъ, подчивалъ линькомъ? Давно ли я чистилъ улицу, лежалъ на-ряду съ колодниками? А теперь сталъ другомъ зрителя! Великій смертный! ты изобрѣлъ существо неодушевленное, которое все одушевляетъ, даетъ всему жизнь, движеніе . . . и на зло самой природѣ, не рѣдко открываетъ тамъ душу, гдѣ при рожденіи назначено быть запячканной душонкѣ.

— Милая, несравненная Саша! скажи, какъ ты узнала о несчастіи моемъ и нашла средство освободить?

— Чего не сдѣлаетъ любовь? Дома все узнаешь. Мы скоро пришли; Саша оза-

ботилась перемѣнить мое бѣлье, подать ужинъ, уложить въ постелю, и начала рассказывать:

— Поутру прибѣжалъ ко мнѣ Яковъ, сказавъ, что ты взять въ полицію изъ дому какого-то барона, гдѣ нашли убитыхъ десять челоуѣкъ и что князя съ товарищами арестовали. Онъ рассказалъ подробно, что съ тобою случилось; отецъ, когда прислалъ за нимъ маіоръ, не хотѣлъ тому вѣрить, утверждалъ, что ты ночуешь всегда дома; посланный увѣрилъ въ противномъ. Онъ сталъ спрашивать людей; мальчикъ признался: соломенная чучела открыла обманъ. Антоній! примолвила Саша съ нѣжной укоризной: я не имѣю права требовать отчета, гдѣ ты ночуешь; не смѣю спросить и тѣмъ умножить твою горестъ; но ужасная мысль лишаетъ меня покою! Ты любишь другую! Ты измѣнилъ мнѣ! — Она отерла слезы и продолжала: я бросилась въ смиренный

домъ, спросила начальника; меня не пустили къ нему; спрашивала о тебѣ, и никто не отвѣчалъ. Я стала у воротъ, плакала; никто не хотѣлъ спросить о причинѣ слезъ моихъ. Тутъ я вынула изъ кармана червонецъ, подала сторожу, общала прибавить, если проводитъ меня къ смотрителю. Золотой кружокъ перемѣнилъ обращеніе: онъ добѣжалъ опрометью, скоро возвратился, увѣдомивъ, что смотрителя нѣтъ дома, а можно видѣть его супругу. Сударыня! продолжалъ сторожъ, это все равно; пожалуйте къ ней, расскажите дѣло, она поможетъ. — Вотъ я пришла, бросилась къ ногамъ старой, низенькой, худощавой женщины, со слезами рассказала о твоёмъ несчастіи, назвалась двоюродною сестрой, общала благодарить....

— Полно, полно душенька! перебила хозяйка пискливымъ голосомъ: полно напѣвать пустыя пѣсенки! Сказывай басни другимъ; у Судьбина нѣтъ пле-

мянницы! Мы знакомы со старикомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, когда онъ еще былъ разнощикомъ, бѣднякомъ и назывался Бычковымъ; знаемъ весь родъ покойницы жены Акулины Сидоровны. Ты вѣрно изъ числа тѣхъ сестрицъ, которыя забавляются съ повѣсою сыномъ, разоряютъ отца? Много такихъ родственницъ! Поди съ Богомъ, чтобъ самой не посидѣть съ сердечнымъ дружкой!

Я сгорѣла отъ стыда и досады. Сударыня! вы ошиблись! я не та, чѣмъ вамъ кажусь! Если вамъ извѣстно, что у Антона Ивановича нѣтъ сестры, то признаюсь, ваша правда; относительно же меня, знайте: я не изъ числа тѣхъ тварей, которыя разстроиваютъ семейства и грабятъ молодыхъ людей! Мое несчастіе и слезы не даютъ вамъ права оскорблять меня такъ жестоко! — Вотъ еще новое! Эдакая скромность и благородство! Да сбрось, душенька,

салонъ и платокъ! ты укуталась какъ отшельница! Позволь посмотрѣть личико доброй дѣвицы, которая безъ интереса прибѣжала въ смиренный домъ выручать любовника!

Я одѣлась лучше обыкновеннаго, вздѣла серьги; я слышала, что одежда и наружность служатъ путниками къ доброму имени.

— Ай! ай! ай! да ты красотка, хоть куда? Разряжена какъ графиня! Странно!... Можно ль догадаться... подумать.... Да полно плакать, садись! Я очень жалостлива: не могу смотрѣть на слезы. Говори, душенька, не бойся! не стыдись.... мы всѣ люди; кто безъ грѣха!...

Я рассказала о твоёмъ состояніи, несправедливомъ поступкѣ отца, и что съ окончаніемъ опеки онъ искалъ случая притѣснить тебя.

— Это дурно, сказала жена смотрителя, посматривая на мои серьги: дур-

но и гадко, если вы говорите правду.

— Божусь вамъ, сударыня!

— Вѣрю, очень вѣрю; таковъ нынче свѣтъ... люди стали злы... такъ злы, что родныхъ дѣтей не жалѣютъ для корысти. Кажется, ваши серьги съ камнями?...

— Бриллиантовыя, сударыня.

— Точно, прекрасная работа... вѣрно куплены въ магазинъ?

— Да, сударыня.

— Такъ, миленькая, жаль Антона Ивановича; бѣдный молодой человекъ! Если бъ увидѣли, какъ онъ похудѣлъ, занемогъ....

— Занемогъ? Ахъ, Боже мой! Умоляю васъ, пустите меня къ нему!

— Нельзя, миленькая, ей Богу, нельзя! У насъ строгость преужасная! Ктонибудь шепнетъ начальникамъ — бѣда; потеряемъ мѣсто. А что вы заплатили за серьги?

— Четыреста пятьдесят рублей, сударыня.

— Дешево, право, дешево. Мой муженек задумалъ купить старшей дочери, да куда!... не по нашему карману; проходитъ и въ простыхъ. Такъ, миленькая, жаль Антона Ивановича! Привели сюда молодцомъ, кровь съ молокомъ, а теперь страшно взглянуть; не ѣсть, не пить, и, подумайте, цѣлый мѣсяцъ долженъ высиживать въ смиренномъ домѣ!

— Сударыня, сжалятесь! Упросите супруга освободить его; мы отблагодаримъ, и завтра...

— Нельзя.... это дѣло кончено; мнѣ жаль васъ обоихъ; однако жъ, посуди: мы можемъ потерять мѣсто, у насъ дѣти.... мы люди бѣдные.... Согласись, рубашка къ тѣлу ближе. Какъ при свѣчахъ играютъ ваши серьги!

— Возьмите ихъ, и выпустите Антона Ивановича!...

— Какъ! вы жертвуете серьгами?

— Если нужно отдать за него жизнь, я не стану колебаться минуты. Я отстегнула съ ушей привлекательныя вещи, и отдала.

— Рѣдкая, добрая дѣвица! ангель! Такъ любить страстно; — диковинка! истинная диковинка въ нашемъ свѣтѣ! Однако жъ, душенька.... ахъ, нѣтъ! извините, хотѣла сказать: сударыня! мнѣ, право, совѣстно! Нѣтъ, какъ вамъ угодно, я не возьму серегъ! И между тѣмъ опустила ихъ за грудь.

— Пусть онъ останется въ знакъ памяти для вашей дочери; освободите Судьбина, и вѣрьте, что тѣмъ не окончится благодарность.

— Вотъ что называется насильно дарить! Какъ можно отказать такой умной, прекрасной барышнѣ? Лиза! Лиза! поди сюда! Рекомендую вамъ старшую мою дочь! Лиза, присѣдай, благодари!

— За что, маменька?

— Дура! Извините, она нѣсколько застынчива! Познакомьтесь съ нею, посидите. Дѣвка! накрой столъ! Скоро возвратится мужъ.

Серьги переиначили дѣло; скоро мы услышали голосъ зрителя; жена выскочила къ нему на встрѣчу и черезъ четверть часа возвратились съ нимъ вмѣстѣ.

— Здравствуйте, сударыня! началъ хозяинъ. Жена такъ много рассказывала о васъ хорошаго, что мнѣ весьма пріятно познакомиться съ вами; садитесь, прошу покорно, безъ церемоніи; мы люди простые. Вы имѣете дѣльцо? Знаю!.. знаю!.. Однако жъ, расскажите сами, это лучше.

— Я не замѣшкалась, повторила о жестокомъ поступкѣ твоего отца.

— Подумайте! эдакой плуть старый Судьбинъ! Правда, опасно; что жъ дѣлать? Такимъ людямъ надо пособить; добро никогда не пропадаетъ. Въ 12

часовъ по-полночи я исполню ваше желаніе. Посидите у насъ, отъужинайте, познакомьтесь съ дочерью; такая молоденькая барышня должна веселиться. Вотъ, Антоній! я все тебѣ сказала; послѣдствія ты знаешь.

— Саца! милая Саца! Я вижу опытъ несомнѣнной любви! Ты не пожалѣла лучшей вещи для моей свободы, ты отдала серьги...

— Ахъ, Антоній! опять серьги. Я забыла объ нихъ, и надѣвъ въ первый разъ, не столько радовалась, какъ подарила; теперь полно о томъ! Ты со мной; я награждена за мое усердіе.

Я обнималъ вѣрную дѣвушку, узналъ всю ей цѣну, и... вспомнилъ объ Лаурѣ. Утромъ написалъ письмо къ Чистякову, чтобъ онъ немедленно навѣстилъ меня въ больницѣ и доставилъ денегъ; простился съ Сашей и пришелъ въ назначенное мѣсто. Зритель сдержалъ слово: въ больницѣ

отвели мнѣ особую комнату, подали чистый халатъ; я легъ спокойно на постель, въ ожиданіи обѣда, по которому хозяинъ просилъ не заботиться.

Одинъ, въ большой комнатѣ, я пустился на свободу философствовать о различіи и сословіи людей. Саша, дѣвушка по общему смыслу, принадлежитъ къ послѣднему: бѣдная сирота, съ малымъ просвѣщеніемъ, и такъ можно ли въ ней отыскивать добродѣтель, вѣрность и любовь? Многія скажутъ: нѣтъ! Эти достоинства принадлежатъ породѣ и зависятъ отъ воспитанія. Извините, и я скажу: нѣтъ! Саша имѣла природный умъ, доброту, счастливыя склонности; развѣ эти качества недостаточны къ точному образованію?... и должны погрязнуть въ невѣжествѣ и порокахъ? Саша доказала противное; она жила у безнравственной женщины, лицемерки, видѣла одни дурные примѣры — и не

развратилась! Она училась мало, а судила правильно; жила въ бѣдности, и съ улучшеніемъ состоянія, не обратилась къ роскоши. Въ пятнадцать лѣтъ жизни, не имѣвъ понятія о любви, она стала любить внезапно, сохранила вѣрность и доброту сердца. Натуральный умъ, доброта души, хорошія склонности во всякомъ званіи имѣютъ свою цѣну и служатъ вѣрными путеводителями въ жизни. Я слышу новый споръ: безъ воспитанія они ничтожны; а я утверждаю, что не все умѣютъ имъ пользоваться: надо опредѣлить, кому и какое прилично! Напримеръ: если бѣ меня не воспитывали блестящимъ образомъ, а готовили къ сословію, въ которомъ я родился: то, занимаясь своимъ промысломъ, я не сидѣлъ бы теперь въ смиренномъ домѣ и не разсуждалъ лежа въ казенномъ халатѣ!

Должно удивляться Сашъ и отдать ей справедливость въ непоколебимой преданности. Она пришла спасать меня! А Лаура? Новый вопросъ! кто знаетъ.... и та могла бы сдѣлать то же, если бы имѣла случай и возможность. Конечно, по общимъ правиламъ, Сашъ позволено выручать любовника изъ смиренного дома, а баронессъ нѣтъ! Одна, такимъ поступкомъ, не взирая на самый источникъ, вынуждаетъ улыбку удовольствія, а другая становится посьмищемъ; всякой, увидѣвъ благородную дѣвицу въ такомъ мѣстѣ, составить о ней оскорбительное заключеніе; не подумаетъ, что есть въ жизни случаи, въ которые сближаются всѣ состоянія. Саша и Лаура любили равно, обѣ имѣли одинаковыя права на мое сердце; то почему жъ баронессъ низко поступать великодушно, подобно своей соперницѣ? Почему усердіе од-

ной служить похвалою, а другой униженіемъ?

Приходъ Чистякова прервалъ мои разсужденія. Онъ удивился и сожалѣлъ, узнавъ подробности и жестокость, оказанную со мною; добрый опекунъ во всѣхъ отношеніяхъ сохранилъ справедливость: опрачивая съ скромностію поступокъ отца, не оправдывалъ и сына. Антоній! сказалъ онъ, прощаясь со мною и давъ сто рублей: надѣюсь, этотъ несчастный случай послужитъ въ твою пользу. Теперь ты испыталъ, что безпорядокъ, разсыянная жизнь, вредныя знакомства всегда влекутъ за собою гибельныя послѣдствія! Будь спокоенъ; вечеромъ соберутся опекуны въ домъ вашъ, чтобъ выдать отцу твоему десять тысячъ рублей для торговли; это самое удобное время убѣдить его къ сожалѣнію.

Чистяковъ ушелъ, а я повторилъ: десять тысячъ рублей—не бездѣлица! У

меня только сто, а расплатиться еще надо въ этомъ домѣ; что тутъ дѣлать? Пстой; какая мысль! Я ходилъ по комнатѣ, разсуждалъ и составилъ небольшой планъ; да какъ въ томъ успѣть? Э! волка бояться, вѣдьсь не ходить! Не робѣй, Антонъ Ивановичъ! Положись на счастье: оно лучше богатства. Ты подшутилъ съ Іезуитомъ, а это бездѣлица...

— Антонъ Ивановичъ! Антонъ Ивановичъ! можно ли къ вамъ войти? спрашивалъ тоненькій голосокъ за дверью.

— Очень можно; кто меня спрашиваетъ?

— Я, сударь, Лиза.

— А, дочь г. смотрителя! Покорно прошу, сударыня!

Дверь отворилась; стройная, прекрасная брюнетка, лѣтъ въ пятнадцать, прыгнула въ комнату. Здравствуйте, сударь! Она присѣла.

— Здравствуйте, прекрасная дѣвица! Что вамъ угодно?...

— Мнѣ-съ?..... ничего-съ..... Меня послали; я пришла, боялась, не смѣла отпереть двери.....

— Почему?

— Я думала, что вы сидите въ ваннѣ.

— Въ ваннѣ?

— Да-съ! здѣсь всѣхъ больныхъ сажаютъ въ нее.

— Право?

— Точно-съ!....

— Что жъ тутъ страшнаго? Чего бояться?...

— Ахъ, сударь! это страшно; вотъ видите.... Она озиралась робко во всѣ стороны.

— Миленькая! я ничего не вижу.

— Это потому, что здѣсь никого нѣтъ.

— Доказательство справедливо; что же дальше?

— А вотъ, я шла мимо окна, и нечаянно увидѣла, что привезли больного старика и опустили въ ванну; теперь догадались?...

— Нѣсколько; вы боялись и меня увидѣть въ такомъ положеніи?...

— Точно, сударь, а теперь не боюсь; вы совсѣмъ не то; онъ имѣлъ бороду, губы, щеки синія, сѣдые волосы, а у васъ прекрасныя, черныя, густыя. Она сѣла на стулъ возлѣ кровати, и стала перебирать ими. У васъ на щекахъ румянецъ, а бороды, какъ и у меня, нѣтъ... Вы завиваете волосы?

— Нѣтъ!

— Отчего жъ они курчавы?

— Отъ природы.

— Право? Такъ природа должна быть прекрасная вещь; она безъ шипцовъ завиваетъ волосы. А послушайте: вчера вечеромъ я познакомилась съ вашей сестрицей: миленькая барышня, по-

дарила мнѣ брилліантовыя серьги; она очень васъ любитъ. Маменька увѣряетъ, что вы на ней женитесь. Я сказала, что на сестрѣ нельзя жениться; маменька назвала меня дуροю... за что это? вѣдь я говорила правду. Однако жъ, извините, заговорила; папенька проситъ васъ обѣдать — кушанье подали....

— Въ минуту, сударыня, я приду.

— О, нѣтъ! ступайте со мною.

— Нельзя, я прежде одѣнусь.

— Такъ одѣвайтесь! я не помѣшаю.

— При васъ?

— Конечно; вы не испугаете меня.

Я засмѣялся отъ чистаго сердца: на воспитаніе и невинность дѣвицы, близкой къ глупости; вспомнилъ про серьги, и подумалъ: ей бы лучше подарить игрушку; а дѣвочка, право, мила, ее стоитъ приласкать.

Окончивъ туалетъ, мы пришли въ столовую; хозяева приняли меня весь-

ма учтиво, просили познакомиться съ ихъ друзьями, а съ товарищами по службѣ; первый увѣрялъ, что для того пригласилъ бесѣду, и началъ по очереди рекомендовать. Вотъ г. докторъ, закадычный мой пріятель; онъ далъ свидѣтельство о вашей болѣзни. Это нашъ писмоводитель; вотъ г. аптекарь, а это мой товарищъ и сотрудникъ, г. экономъ; эти двѣ дамы — одна смотрительница, другая помощница на женскомъ отдѣленіи.

Если бы смотритель не предупредилъ, что гости состояли изъ служебныхъ лицъ смирительнаго дома, то я бы самъ догадался о томъ, въ особенности глядя на квадратную фигуру эконома: огромное брюхо, лицо, заплытое жиромъ и коротенькія руки составляли симметрію всему корпусу; онъ медленно вынималъ изъ кармана золотую табакерку, раскрывалъ, подносилъ къ носу, не касаясь во внутрен-

ность ея пальцами и басомъ продолжалъ начатый разговоръ: Такъ, господа, это странное дѣло; я кормлю арестантовъ какъ нельзя лучше, часто трачу свои деньги въ прибавокъ на ихъ содержаніе, и какъ вы думаете? кто высидитъ здѣсь мѣсяць, становится такъ худъ, что походитъ на чахотнаго, и что жъ они дѣлаютъ? Нѣсколько часовъ поработаютъ, а тамъ объдаютъ, ужинаютъ, спятъ, ни о чемъ не заботятся, живутъ спокойно; а я? цѣлыя почти сутки на ногахъ, бѣгаю по всѣмъ отдѣленіямъ, не выхожу изъ кухни, думаю, ломаю голову, какъ лучше все устроить, — и при такихъ занятіяхъ толстею. Что вы о томъ скажете, г. докторъ?

— Я? Я полагаю, отвѣчалъ медикъ, что ваша должность и моціонъ способствуютъ къ здоровью, а толщина корпуса зависитъ отъ комплекціи и воздуха: онъ здѣсь полезень всѣмъ

живущимъ, за исключеніемъ арестантовъ.

Мы усѣлись чинно за столъ; принялись за кулебяку. Очистивъ исправно первое блюдо, хозяинъ наполнилъ рюмки. Кушайте, господа! Мадера и красный портвейнъ отлично хороши; жаль только, нѣтъ шампанскаго; что жъ дѣлать? Извините, денегъ не хватило!

Я сидѣлъ возлѣ хозяина и шепнулъ ему: прикажите купить дюжину бутылокъ, я заплачу; опекунъ принесъ сикурсъ. — Неужели? отвѣчалъ съ удовольствіемъ смотритель и, оборотясь къ гостямъ, продолжалъ: Есть, господа! есть! Я пошутилъ! Жена запаслась шипучимъ! Только прежде выпьемъ это. Мы принялись за рюмки и стаканы — экономя морщился, бормоталъ про себя, гримасами не одобрялъ вина и пилъ больше другихъ. Вотъ принесли заздравное, попойка пошла своимъ порядкомъ; гости шумѣли, спорили . . .

жена смотрителя бросила въ меня двумя хлѣбными шариками; дочь замѣтила и сказала: Маменька! какъ вамъ не стыдно бросаться хлѣбомъ? Вы сами мнѣ твердили, что это грѣшно? — Молчи, дура! ты ничего не смыслишь! Ура! раздался голосъ смотрителя: за здоровье Антона Ивановича! Ура! повторили гости и о, превратная участь людей! счастье, радость, сколь вы скоротечны! Пробки изъ шампанскихъ бутылокъ выскакивали въ потолокъ, всѣ веселились, пользовались настоящимъ, и вдругъ вбѣгаетъ Степанъ съ испуганнымъ лицомъ, кричитъ: ревизоръ пріѣхалъ!

При словахъ: «Ревизоръ пріѣхалъ!» всѣ соскочили; смотритель и экономъ выронили изъ рукъ бокалы.

— Какъ! пріѣхалъ? повторилъ оцѣпенѣвъ хозяинъ.

— Точно, ваше высокоблагородіе; онъ оставилъ карету шаговъ за сто, пѣш-

комъ подошелъ къ калиткѣ; часовой прозвѣвалъ; онъ теперь въ камерахъ, близко отъ арестантской больницы!...

— Ахъ, Господи Боже мой! Вотъ бѣда! Антонъ Ивановичъ! ступайте! бѣгите! сбросьте фракъ! надѣньте халатъ! охайте. Господинъ докторъ! скорѣе въ лазаретъ, а вы въ кухню, всѣ по мѣстамъ. Ухъ жарко! выпилъ много, языкъ мѣшается.

Экономъ, при всей толщинѣ, первый бросился къ своему посту, другіе за нимъ, а смотритель такъ встревожился, что сѣдился нѣсколько разъ на стулъ, вставалъ, и все не выходилъ изъ комнаты; звонкій голосъ жены вывелъ его изъ бездѣйствія; онъ закричалъ: шляпу! шпагу! именной списокъ! скорѣй! и въ попыхахъ, за мѣсто первой, схватилъ блюдо съ остатками жаренаго гуся, поднялъ къверху, оборотилъ на голову, облилъ себя, подливкой запачкалъ лицо, волосы и мундиръ.

— Уродъ! закричала жена: ты вмѣсто шляпы схватилъ блюдо съ жаркимъ; посмотри, на кого ты похожъ?

— Ухъ, я весь въ жиру! Проклятый гусь! Что мнѣ дѣлать? Скорѣй воды, другой мундиръ; жена, мой меня! Ахъ! Антонъ Ивановичъ, вы еще здѣсь? Бѣгите скорѣй на свое мѣсто! а то бѣда; ревизоръ.....

— Я могу встрѣтиться съ нимъ; прикажите проводить.

— Маменька! мойте скорѣй папеньку; я корридоромъ провожу Антона Ивановича.

— Нѣтъ! ты мой отца.

— Я мыть жаркова не умѣю! Да у васъ и нога болитъ.

— Чортъ васъ возьми! Вы спорите, а я стою въ жиру. Антонъ Ивановичъ! Лиза! бѣги! спѣши! — Дочь схватила меня за руку, пустилась въ корридоръ и говорила запыхаясь со мною: Лучше бѣ-

жать, чѣмъ съ маменькою; не правда ли? — Она жала мою руку.

Страхъ и опасенія окончились ничѣмъ. Ревизоръ, прогуливаясь, зашелъ къ намъ, и только осмотрѣвъ два отдѣленія, вышелъ; смотритель съ сослуживцами не видали грознаго начальника и возвратились допивать шампанское. Лиза прибѣжала опять за мною: Видите, какъ я забочусь о васъ! Да, сударь, маменька сама хотѣла идти за вами, а я пустилась впередъ!

— Отъ чего жъ вы принимаете во мнѣ такое участіе?

— Право, не знаю-съ; мнѣ хочется поговорить съ вами о природѣ, волосахъ и.....

Голосъ маменьки прервалъ начатый разговоръ: Я тебя вышколою! Не слушаться? бѣжать какъ сумасшедшей къ молодому человѣку? Безстыдница! что это значитъ? а?.....

— Ничего-съ, маменька!.....

— Хорошо, послѣ разсчитаемся.— Антонъ Ивановичъ, пожалуйста со мной! Она взяла меня за руку, дочь за другую — и я среди старой и малой съ триумфомъ введенъ въ столовую. — Г-нъ смотритель уже вымылся, эконоомъ сидѣлъ въ креслахъ, старался перевести одышку; гости смѣялись происшествію и модной шляпѣ съ гусинымъ жиромъ.

— Право, мы встревожились напрасно, началъ смотритель; чего бояться — у насъ все чисто — арестанты на работѣ, всѣмъ довольны.....

Да, да — подхватилъ эконоомъ, арестанты..... сыты, довольны..... Федоръ Федоровичъ, посмотрите, у васъ на камзолѣ застыли большіе куски жиру, да кажется, и на панталонахъ.....

Ничего, соскоблемъ; жена утюгомъ выведетъ пятна. — Попойка началась снова, и окончилась съ совершеннымъ опустошеніемъ шумной жидкости въ бутылкахъ.

Въ семь часовъ я пришелъ къ Сашѣ, написалъ записку къ князю, просилъ уведомить о Лаурѣ, и можно ль навѣстить ее; о себѣ сказалъ, что нахожусь у отца и не имѣю возможности отлучиться изъ дому. Отвѣта ожидалъ въ квартирѣ Саши. Отправивъ записку, началъ обдумывать планъ, какъ лучше забраться въ свою комнату и запасться деньгами на долгое время. Въ десять часовъ простился съ дѣвушкой.

— Куда? спросила она испугавшись.

— Къ князю, за деньгами: онъ мнѣ долженъ значительную сумму.

— Антоній! ты обманываешь меня?

— Нѣтъ, милая! Черезъ часъ возвращусь, даю въ томъ честное слово. Прощай! Она вздохнула, я пошелъ, и не смѣлъ открыть ей точную цѣль похода. Дѣвушка, по простотѣ и робости, могла задержать меня.

Я пришелъ къ дому, отперъ калитку ключемъ: онъ всегда находился

со мною при ночныхъ прогулкахъ. Султанъ, спущенный съ цѣпи, задаялъ, бросился на меня; я подалъ голосъ, обласкалъ собаку: она узнала хозяина, стала визжать и ласкаться. Тутъ я пробрался въ мою комнату. Всѣ вещи находились на прежнихъ мѣстахъ; связка ключей лежала въ столовомъ ящикѣ. Всѣ люди спали глубокимъ сномъ. Я снялъ съ себя сапоги, на цыпочкахъ подкрался къ спальнѣ, отперъ дверь; принялъ осторожно въ объятія драгоценный сундукъ, вынесъ тихонько въ третью комнату; я работалъ проворно: въ нѣсколько минутъ взялъ деньги, сколько мнѣ было нужно, сундукъ поставилъ осторожно на первое мѣсто, заперъ двери и вышелъ на улицу обратнымъ путемъ. Я увѣренъ, что ни одинъ воръ такъ счастливо и удачно не окончилъ свое дѣло; правда, ни одинъ воръ не сталъ бы красть своей собственности. Деньги заключались въ ассигна-

ціяхъ, малою частію въ золотъ, серебръ, и легко размѣстились за пазухою и въ карманахъ. — Саша испугалась, увидѣвъ такое сокровище, и точно, это не бездѣлка: десять тысячъ рублей, выданные опекунами, да еще четыре тысячи; это могло почестся маленькимъ капиталомъ.

— Князь тебѣ столько долженъ, и заплатилъ?

— Да!

— Нѣтъ, Антонъ Ивановичъ! я боюсь! Не знаю, что придумать; не смѣю сказать оскорбительное, а увѣрена, что ты сказалъ неправду.

— Саша, божусь, деньги мои.

— Конечно! они въ твоихъ рукахъ!...

— Завтра куплю тебѣ серьги!...

— Я готова отдать все мое платье, только бѣ не видѣть этихъ денегъ.

— Полно, милая! Успокойся, возьми, спрячь, и будь скромна.

Богатство вскружило мнѣ голову: всю ночь я не могъ уснуть, ворочался на постель, восхищался мыслями, съ какимъ блескомъ покажусь друзьямъ моимъ, какъ изумлю въ домъ барона, бросивъ небрежно нѣсколько горстей золота на карточный столъ! Надо признаться, что и мщеніе производило во мнѣ удовольствіе. Поутру, не дождавъ на записку отвѣта, побѣжалъ самъ къ князю; онъ спалъ, я приказалъ человѣку разбудить.

— Здравствуй, другъ мой Антоній! Какими судьбами вижусь съ тобою? Мнѣ сказали, что отецъ посадилъ тебя на годъ въ тюрьму?

— Какой вздоръ! Онъ только заперъ меня въ комнату и, по настоянію опекуновъ, освободилъ.

— Поздравляю! сердечно радъ; я готовился выручать друга.

— Благодарю! Скажи скорѣй: Лаура, баронъ и

— О! это обширная матерія! Я думаю, Лаура въ отчаяніи, судя по вашему прощанью; всѣ догадались, что ты, плутъ... одурачилъ всѣхъ; она любитъ тебя страстно, и кажется, коротко....

— Полно, братецъ!.... продолжай.

— Ты знаешь, барона взяли подъ арестъ; однако жъ есть надежда, что скоро освободятъ на вѣрное поручительство. Меня отослали къ начальству; товарищей барона освободили, а доносчикъ содержится строго; къ дому приставленъ караулъ, и ты миленькую Лауру не скоро увидишь. Между тѣмъ дѣло получаетъ противный оборотъ: партія барона работаетъ сильно, доказываетъ невинность старика; деньги, другъ мой, чего не дѣлаютъ! съ ними все на свѣтъ возможно. — Нѣтъ крѣпости, говаривалъ Филиппъ, царь Македонскій, въ которую верблюды, навьюченный золотомъ, не пройдетъ! А гдѣ

нѣтъ незапертыхъ воротъ для такихъ каравановъ! Правда, баронъ можетъ разориться, его ощилятъ какъ мокрую курицу; да какъ же быть? Пора ему поплатиться: на свой вѣкъ и онъ ощипалъ многихъ! — Вотъ въ какомъ положеніи наши дѣла. Проклятый любовникъ Доротеи! пришлось же ему въ голову отравиться въ домъ барона, сыграть такую штуку, разстроить все семейство и прервать наши забавы!

Я простился съ княземъ, пришелъ въ больницу, и весьма кстати: Чистяковъ почти слѣдомъ вбѣжалъ за мною. Антонъ Ивановичъ! говорилъ онъ, запыхаясь: у васъ въ домъ несчастье!

— Несчастье? повторилъ я, принявъ встревоженный видъ. Здоровъ ли батюшка?

— Здоровъ. Ты знаешь, мы выдали ему десять тысячъ рублей... они украдены; да еще четыре...

— Возможно-ли?

— Точно! По крайности, онъ такъ увѣряетъ; въ домъ обыскъ, слѣдствіе; опекуны и никто ему не вѣрятъ. Кража необыкновенная: ворота, калитка, двери были заперты, сундукъ цѣлъ, замокъ не сломанъ, въ спальнѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ.... и.....

— Такъ развѣ и нельзя украсть?

— Очень трудно. Опекуны утверждаютъ, что отецъ погрѣшилъ, и самъ...

— Полноте, Прохоръ Ѳомичъ! Вспомните, вы говорите со мною; всякое оскорбленіе, оказанное отцу, относится и къ сыну! Я не соглашусь съ тѣмъ, и не хочу вѣрить, чтобъ онъ рѣшился на такой низкій поступокъ! Вся его несправедливость не перемѣнитъ мои мысли и должное къ нему уваженіе!

— Антонъ Ивановичъ! ты, по молодости и дурному знакомству, вдался въ пороки; но душа твоя не заражена

ими: ты добръ и не мстителенъ. Я съ тобою согласенъ: не хочу вѣрить, чтобы честный Судьбинъ, старый мой другъ, рѣшился на такую подлость; а между тѣмъ мы не менѣе въ хлопотахъ. Капиталъ твой, скоро кончится опека, ты потребуешь отчета, и намъ придется заплатить. Положимъ, я богатъ, имѣю возможность внести за свою часть, а другіе люди бѣдные.....

— Помилуйте, г. Чистяковъ! Какъ вамъ не стыдно! запишите въ книги, что издержали эту сумму собственно на меня; я дамъ расписку — и дѣло кончено.

Опекунъ дружески пожалъ мою руку, и сказалъ: Молодой человекъ! если ты провинился и поведеніемъ своимъ заслужилъ наше негодованіе, то теперь совершенно изгладилъ свои поступки. Великодушіе твое, почтеніе къ отцу, заслуживаютъ вниманіе; я теперь же иду къ нему, соберу всѣхъ, настою о

твоемъ освобожденіи; и если онъ вздумаетъ упорствовать, то я первый врагъ ему: самъ подамъ прощеніе, что личность твоя, какъ наследника, необходима въ домъ. — Прощай! утромъ увидимся. — Онъ обнялъ меня и вышелъ.

Я остался одинъ, восхищался о скорой свободѣ, составлялъ воздушные замки — и все мысли обратилъ къ Ларурь. Одно только меня беспокоило: не извѣстна ли она о происшествіи въ полиціи и смиренномъ домъ? Въ такомъ случаѣ, рѣшился прибѣгнуть къ безстыдству, увѣрить въ противномъ и что кавалеръ распустилъ этотъ слухъ въ намѣреніи разлучить съ нею. Приходъ зрителя прервалъ мои размышленія. Здравствуйте, Антонъ Ивановичъ! Какъ провели время у сестрицы? Вѣрно не скучно? А! кстати: я встрѣтился съ однимъ толстякомъ; спросилъ, что ему нужно; онъ назвалъ

ся опекуномъ, и увѣрилъ о скоромъ вашемъ освобожденіи.

— Точно такъ, сударь.

— Радъ, душевно радъ; а между тѣмъ я пришелъ къ вамъ съ просьбою: послѣ завтра день ангела моей старухи; она проситъ васъ откушать хлѣбасоли. Вы, вѣрно, не откажетесь. Да пойдите къ намъ: здѣсь одному скучно: у насъ развеселитесь и можете остаться до вечера. Хозяйка повторила слова мужа, а Лиза казалась въ восторгъ, что цѣлый день проведу съ нею. Я догадался къ чему клонится столь въжливое приглашеніе; далъ слово исполнить и поздравить хозяйку, какъ водится между людьми, имѣющими сношеніе въ особомъ родѣ.

Зритель пошелъ къ своей должности, я остался съ женою и дочерью, и на-силу удерживался отъ смѣху. Хозяйка строила мнѣ умильные глаз-

ки, закидывала словами и бранила дочь, высылала въ другую комнату; та не торопилась исполненіемъ и, въ свою очередь, приставала ко мнѣ. Я находился между двухъ огней, и, признаюсь, послѣдній болѣе сожигалъ: черненькіе глазки Лизы, розовыя губки манили поцѣловать ихъ, и когда мать вышла, я успѣлъ это спроворить: дѣвица не противилась; сама давала поводъ къ продолженію, и тихонько спросила: вы любите сестрицу? цѣлуете? Ахъ, какъ она счастлива! Да знаете ли что! Маленька все увѣряетъ, что вы на ней женитесь. Правда ли это? — Нѣтъ, маленькая! это невозможно. — Ну, вотъ видите, я права. Съ этими словами она придвинулась ближе и начала перебирать мои кудри. Это знакомство походило съ пріемомъ Саши и могло кончиться невыгодно родителямъ дѣвицы; впрочемъ, они стоили подобной участи за воспитаніе дочери.

Въ два часа пришелъ смотритель. Мы отобѣдали запросто. Всякой, увидавъ меня въ этомъ семействѣ, почелъ бы принадлежащимъ къ нему. Вечеромъ я отправился къ Сашѣ; Лиза вздохнула, проводила меня до крыльца, и съ досадою сказала: кланяйтесь сестрицѣ. — Я догадался, что это произошло отъ ревности. Лиза, при всей простотѣ своей, замѣтила изъ словъ отца, что Саша въ такомъ же со мною родствѣ, какъ и она.

Утромъ въ 9 часовъ я находился въ больницѣ, а въ 10 прибѣжалъ ко мнѣ смотритель: — Антонъ Ивановичъ! радуйтесь! радуйтесь! вы свободны; вотъ предписаніе, опекунъ принесъ; онъ теперь въ конторѣ, расписывается въ пріемъ. — Съ этими словами вошелъ Чистяковъ. Антонъ Ивановичъ! я сдержалъ слово. Ёдемте скорѣй домой, тамъ кутерьма: г. маіоръ, надзиратель и секретарь производятъ слѣдствіе; они

отбираютъ допросы отъ людей, ждутъ васъ, чтобъ произвести повсемѣстный обыскъ.

Можно повѣрить, что я не заставилъ просить себя; сбросилъ казенный халатъ и, съ помощію Степана, въ мину-ту одѣлся. — Я спѣшилъ оставить мѣсто, гдѣ меня угощали различными средствами, и смотритель присталъ къ намъ: Нѣтъ, господа! это не дѣло; такъ съ пріятелями не прощаются. Зайдемте къ женѣ, позавтракаемъ, выпьемъ по стаканчику вина, и съ Богомъ домой. — Мы не могли отказаться отъ столь неумѣстной учтивости. Хозяйка поздравила съ свободою, и повторила о назначенномъ днѣ. Лиза опустила голову; я замѣтилъ слезы, она отерла ихъ платкомъ и спросила: Вы станете навѣщать насъ? И послѣ завтра.... Мать закричала на дочь.... Тутъ мы простились съ безкорыстными супругами.

Дома ожидала меня совсѣмъ различная сцена. Опекуны собрались; отецъ, при входѣ моемъ, сморщился; маіоръ сидѣлъ у стола съ секретаремъ; послѣдній имѣлъ отличную наружность, а именно: на головѣ рыжіи всклокоченный парикъ съ длинною косою, обтянутый запачканною лентою; одутловатое лицо лоснилось какъ красная гляцовитая бумага, на курносой подставкѣ торчали зеленые очки; одежда заключалась въ длинномъ широкомъ сюртукѣ съ огромными стальными пуговицами, а толстыя, кривыя ноги, упрятанныя въ смазные башмаки, украшали мѣдныя пряжки; въ короткой рукѣ онъ держалъ длинное перо и, задыхаясь, кричалъ на Якова: Лжешь, бездѣльникъ! Ты здѣсь дворникъ, помогаль хозяйскому сыну, могишкѣ, негодяю, обманывать отца. Тебѣ известны въ домѣ всѣ углы и закоулки; ты укралъ деньги! Разбойникъ! Твоей

ли харь подцѣпить такой кусокъ? Четырнадцать тысячъ! Ахъ ты, Господи! онъ бы пригодился и честному человеку. — Ну, что разинулъ ротъ? Говори.....

— Помилуйте, ваше благородіе! отвѣчалъ Яковъ; я жилъ въ каморкѣ на дворѣ, не входилъ въ хозяйскія комнаты; Антону Ивановичу прислуживалъ мальчикъ Василій; да вотъ, кстати, самъ молодой баринъ пожаловалъ!

Слѣдователи сидѣли ко мнѣ спиною, и при словахъ дворника, поворотивъ головы, вскочили со стульевъ. Маіоръ съ надзирателемъ поклонились, а тучный секретарь выронилъ изъ рукъ перо. И вотъ дѣйствіе перемѣнилось. Чистяковъ сказалъ моему отцу: Сосѣдь! обласкай, прости сына. Тотъ молчалъ. Опекунъ обратился ко мнѣ: Поздоровайся съ отцемъ! — Я исполнилъ: подошелъ къ нему, молча поцѣловалъ руку и поблагодарилъ секретаря за при-

вѣтствіе. Тутъ раздался громкій, басистый голосъ маіора:

— Антонъ Ивановичъ! мы васъ долго ожидаемъ.....

— Я долѣе ожидалъ въ смиренномъ домѣ, куда поторопились меня послать!

— Это дѣло прошедшее; вы сами подали поводъ, ударили десятника; да полноте: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

— Въ такомъ случаѣ я съ однимъ могу видѣть и сказать, что батюшку обокрали.

— Да! да! это мы знаемъ, и собрались сюда розыскать происшествіе на мѣстѣ. Я подозреваю (онъ указалъ на Якова), этотъ негодяй, или мальчикъ.....

— Безъ сомнѣнія, подхватилъ секретарь: ясныя улики, сбивчивые отвѣты, разнорѣчивыя показанія, запи-

рательства.... О! мы ихъ допросимъ , отыщемъ пропажу; головой отвѣчаю!

— Въ такомъ случаѣ вы останетесь безъ нее; жаль , это значительная потеря : она у васъ довольно обширна. Теперь прошу оставить ваши допросы; это люди честные , не рѣшатся на такой поступокъ , я въ томъ ручаюсь ; а чтобъ раскрыть дѣло , то начните сначала и согласитесь , если бѣ я оставался дома , то на вѣрное кражи бы не случилось; я по ночамъ читаю книги , ложусь поздно , и при малѣйшемъ стукѣ пробужаюсь.

— Это что? оставаться дома? А докладная записка , резолюція?

— А кто писалъ записку? обманулъ начальство ?

— Вы очень дерзко говорите.... не подумавъ... продолжалъ маіоръ : вспомните пословицу : пролитое полнымъ не бываетъ. Притомъ отецъ всегда имѣетъ право наказать сына.

— Не спорю , про отца ни слова ; дѣло идетъ о васъ : вы очернили меня противъ начальства. Я имѣю случай обратиться къ нему.

Маіоръ сказалъ секретарю : Мы терпимъ напрасно время; приступимъ къ обыску , составимъ протоколъ.

— Я не понимаю вашихъ протоколовъ! Дѣлайте что угодно , только меня оставьте въ покоѣ.

— Ваша , сударь , личность и подпись къ акту необходимы ; притомъ нужно взять отзывъ , на кого имѣете подозрѣніе.

— Подозрѣніе ? Это другое дѣло. Я подозрѣваю прикащика , съ которымъ встрѣтился на улицѣ близъ съѣзжаго дома , когда меня вели отъ васъ ; а дворникъ и мальчикъ не виноваты.

Маіоръ покраснѣлъ , оборотился къ надзирателю.... Это вредный , дерзкій мальчикъ ! — Да-съ , отвѣчалъ тотъ... говоритъ такъ смѣло.... — Секретарь по-

жалъ широкими плечами и шопотомъ бормоталъ: дѣло плохо..... проклятый прикащикъ завернулъ ко мнѣ.

По долгомъ спорѣ произвели обыскъ въ домъ, и, разумѣется, денегъ не нашли; одинъ я зналъ, гдѣ онѣ скрыты, и всякой повѣрять, что не сказалъ о томъ.

Маіоръ пригласилъ меня въ особую комнату, сказавъ: Молодой человекъ! вы слишкомъ опрометчивы! Ну, можно ли говорить такъ дерзко? Конечно, вы огорчены, я дурно распорядился, повѣрилъ старику; вышло противное.... Я проучу его; пусть впередъ не обманываетъ честныхъ людей. Забудьте прошедшее; подумайте: вы мой обыватель, скоро вступите въ свои права, я вамъ пригожусь.... Мы будемъ друзьями.

— Благодарю васъ покорно! объ отцѣ моемъ не заботьтесь, насъ разберутъ опекуны; относительно же обы-

вательства, то это пойдетъ своимъ чередомъ. Извините, г. маіоръ, что не могу болѣе съ вами оставаться; я тороплюсь на завтракъ къ князю N.

— Какъ? возможно ли? Вы знакомы съ нимъ..... Всѣ мои начальники къ нему ѣздятъ, ищутъ.... Его сіятельство случайный человекъ.... Ну, сдѣлайте милость, не сердитесь, забудьте небольшое огорченіе.... Это случилось и не съ вами.....

По выходѣ полиціи, опекуны приступили къ мировой, извѣстивъ отца, что похищенную сумму я принялъ на себя. Столь мнимое великодушіе по необходимости получило успѣхъ; угрюмый родитель, холодно протянувъ ко мнѣ руку, сказалъ: забудемъ старое.

Тутъ пришла и моя очередь, я вступилъ въ свои права, и началъ: Батюшка! вы слишкомъ строго опорачивали мои поступки, и въ самой малости старались отыскивать излишнее. Я не

смѣю винить васъ, вы имѣете свои правила, совершенно различныя отъ воспитанія, которое мнѣ дали.... это насъ раздѣлило; но какъ отецъ, могли располагать поведеніемъ сына. Теперь, не нарушая почтенія, долженъ сказать, что съ послѣдней несправедливости не могу жить съ вами вмѣстѣ. Я не стану мѣшать торговымъ оборотамъ, вступаться, какъ наслѣдникъ, въ дѣла: предоставляю все въ полную вашу волю, а только прошу назначить мнѣ комнаты во флигель, я въ нихъ помѣшусь; мальчика Василья возьму къ себѣ для услугъ, Яковъ останется по прежнему. Такъ ли я распорядился, господа опекуны? Чистяковъ молчалъ, другіе немедленно согласились; они стали исполнителями моей воли.

Отецъ снова нахмурился; но покорствуя необходимости и собственной пользѣ, исполнилъ мое желаніе. Комнаты въ тотъ же часъ очищены, ме-

бель перенесена; сами опекуны, за исключеніемъ Чистякова, таскали вещи: одинъ изъ нихъ побѣждалъ къ маіору, взялъ мальчика съ Яковымъ на поруки и привелъ ко мнѣ. Въ этомъ же семейномъ трактатѣ заключили: какъ я рѣшился жить особо, то удвоить мнѣ содержаніе.

И вотъ я въ полной свободѣ! имѣю чемъ жить, и въ запасъ 14,000 рублей. Я началъ пользоваться тѣмъ и другимъ; послалъ записки къ Лестову и князю, просилъ пріѣхать къ обѣду, назначивъ къ тому день. Мнѣ казалось необходимымъ принять друзей въ собственномъ домѣ, и тѣмъ отклонить молву о постыдномъ со мною случаѣ.

На другой день въ часъ по-полудни мальчикъ нанялъ лучшій кабріолетъ; я пустился въ гостинный дворъ, купилъ именинницѣ матеріи на салоупъ, потомъ въ магазинъ за модной шляпкой для Лизы, а г. смотрителю завер-

нулъ въ бумажку сто рублей. Можно догадаться, что меня приняли почетнымъ гостемъ, усадили на первое мѣсто. Компанія заключалась изъ прежнихъ посѣтителей и четырехъ чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ исправлялъ должность помощника ревизора и сталъ необходимъ въ этомъ домѣ. Попойка шла своимъ порядкомъ, блюдо съ гусинымъ жиромъ не обратилось въ шляпу; Лиза не спускала съ меня глазъ, мать наливала вино и заставляла пить по неволѣ.

Обѣдъ окончился; шумная компанія не оставляла стаканы; тучный экономъ съ одышкою отвѣчалъ на вопросы, а пилъ проворно, не задыхаясь. Лиза подъ шумокъ выждала минуты переговоровъ со мною, успѣла выскочить въ корридоръ и поцѣловать нѣсколько разъ. Хозяева вертѣлись около меня, чиновники дружились, а г. помощникъ намекнулъ, что ищетъ случая

занять денегъ, на честное слово, или заемное письмо, и хозяина ставилъ поручкой. Безпрерывное болтанье, пискливые голоса женщинъ мнѣ наскучили; — я взялъ шляпу, вышелъ непримѣтно, и повѣхалъ къ Сашѣ. Это весьма натурально: Лауру я не могъ видѣть, а надо же съ кѣмъ нибудь проводить время. Дѣвушка, узнавъ о перемѣнѣ моей участи, изъявила душевную радость. Она не умѣла скрывать чувствъ своихъ; но эта радость скоро прекратилась. Она со вздохомъ спросила: Антоній! теперь ты свободенъ; часто ли станешь навѣщать меня?

— Всегда, милая, несравненная Саша, всегда!

— Такъ возьми деньги, они мнѣ въ тягость.

— Зачѣмъ? Я стану брать по немногу, а теперь только возьму тысячу рублей.

Въ десять часовъ я пріѣхалъ домой, заказалъ въ трактиръ обѣдъ и послалъ въ погребъ за лучшими винами. Въ назначенное время пришли товарищи, и весьма изумились, увидѣвъ меня на свободѣ и въ блестящемъ состояніи; спрашивали о столь чудной переменѣ. Я удовлетворилъ любопытство пріятелей, и скрылъ только мелочи, какъ-то: о пріобрѣтеніи, полиціи и смиренномъ домѣ.

За столомъ первая матерія началась объ Лаурѣ и семействѣ барона. Радуйся, Антоній! говорилъ князь: старикъ скоро получить свободу; это стоитъ ему дорого; впрочемъ, не бѣда: онъ потерянное наверстаетъ какимъ нибудь новымъ изобрѣтеніемъ. Такъ, другъ мой, мы опять примемся за наши дѣла, увидимъ Лелію и Лауру. Плутъ! ты мастерски насъ дурачилъ. Баронесса я не дивлюсь: она скрытна, осто-

рожна, а ты откровененъ, говорливъ, и утаилъ отъ меня подробности, какъ восторжествовалъ надъ неприступною красавицей. Да полно! ты мнѣ все расскажешь. — Теперь кавалеръ взбѣсится, услышавъ о новой твоей жизни. — Онъ пропустилъ слухъ, что тебя изъ полиціи отправили въ смиренительный домъ. Я увѣренъ, при первой встрѣчѣ, у насъ выйдетъ съ нимъ схватка не на шутку. Между тѣмъ баронъ догадался о любви Лауры, воспользуется тѣмъ и на счетъ дочери извлечетъ пользу отъ щедрости обожателя. Другъ мой! будь остороженъ, не вдайся въ обманъ.

— Пустое! баронъ самъ станетъ заботиться о моей пользѣ. — Человѣкъ! наливай шампанское! — Пейте, и слушайте — теперь между друзьями нѣтъ тайны: знайте! Лаура моя невеста; съ окончаніемъ опеки, я женюсь на ней.

— Bravo, пріятель! Эта женитьба хоть куда! поведетъ тебя въ люди; а все-таки я увѣренъ, что тесть позаботится изъ сундуковъ зятя лишнее золото перемѣстить въ свои. Теперь скажи о Сашѣ: кому ты оставишь ее въ наследство?

При этомъ имени я вздохнулъ. Ахъ! она терзаетъ меня!

— Понимаю! ты женишься на Лаурѣ и не оставишь Сашу? Это значитъ жить по модѣ: имѣть, при настоящей, и вице-жену! Признаюсь, надо большое состояніе, чтобъ обременить себя двойнымъ грузомъ! Однако жъ, Антоній, на меня приходятъ минуты размышленія. Я думаю, сужу иногда правильно; не слишкомъ ли ты молодъ и вѣтренъ для женитьбы?

— Можетъ статься, только это конечно, и переиначить нельзя. — Гости послѣ обѣда разъѣхались, а я отъ скуки пошелъ къ Туанетъ.

Три дня прошло безъ всякихъ происшествій, наступилъ четвертый и съ нимъ послѣдовала совершенная перемѣна въ моей участи. Съ этимъ днемъ я началъ испытывать всѣ радости жизни и узналъ, сколь онъ скоротечны, обманчивы и какія производятъ гибельныя слѣдствія. Я выпилъ мгновенно чашу наслажденій, и скоро наполнилъ ее слезами!

Утромъ лакей князя подалъ мнѣ записку, я развернулъ и читалъ:

«Радуйся, Антоній! лети ко мнѣ; «баронъ свободенъ, возвратился въ «домъ; поспѣшимъ туда увидѣтъ «милыхъ и прижать къ сердцамъ «шимъ.»

Я въ минуту одѣлся, вскочилъ на дрожки къ первому извозчику и скоро очутился у князя.

— Здравствуй, Антоній! Скачемъ къ барону, — тамъ.... да что и говорить! тамъ ожидаютъ насъ радость и утѣхи. —

Мы сѣли въ коляску, и князь продолжалъ: Не забудь мои совѣты; теперь осторожность необходима. Дѣло Тернеза еще не окончилось, продолжится долго; онъ освобожденъ только на поручительство и состоитъ подъ секретнымъ надзоромъ. Карточная игра на время прекратилась; впрочемъ это не бѣда. Зимой баронъ переѣдетъ въ городъ, найметъ домъ, подружится съ людьми, которымъ поручено наблюдать за поступками семейства, и все пойдетъ по старому.

Баронесса съ дѣтьми встрѣтила насъ ласково, Лелія бросилась къ князю, я искалъ глазами Лауру, съ нетерпѣніемъ спросилъ объ ней Доротею и получилъ въ отвѣтъ: Батюшка скажетъ вамъ; да вотъ онъ и самъ.

Мы привѣтствовали старика; онъ отвѣчалъ вѣжливо и вмѣстѣ холодно. Антонъ Ивановичъ! началъ баронъ: я слышкомъ вамъ обязанъ; въ роковую ми-

нуту вы не оставили меня. Сильна привязанность ваша къ моему семейству, слишкомъ сильна, и такъ распространилась, что требуетъ объясненія. Не угодно ли пожаловать въ кабинетъ? Я не дивился этимъ словамъ, приготовилъ отвѣты и, молча, послѣдовалъ за нимъ. — Онъ заперъ дверь ключемъ и съ значительнымъ видомъ началъ говорить:

— Молодой человекъ! я принялъ васъ, какъ родственника; вы пользовались моимъ расположеніемъ и, вмѣсто благодарности, обезславили домъ мой!

— Я?

— Да, сударь, вы! Лаура во всемъ призналась; крови вашей не достанетъ загладить мое безчестіе!

— Господинъ баронъ, не горячитесь! Я не страшусь угрозъ. Вспомните садъ, невыгодную для васъ ночь; я поддержалъ честь семейства. Теперь прошу сказать: въ чемъ Лаура призналась?

— Въ чемъ! кричалъ баронъ: я не обязанъ отчетомъ; прощанье ваше обнаружило все!

Тутъ я догадался, что онъ ровно ничего не знаетъ и только наружной вспылчивостію думалъ привести меня въ робость.—Я далъ ему волю кричать, декламировать; наконецъ онъ утихъ и пришла моя очередь.

— Милостивый государь! прощанье съ баронессою означаетъ только отверженность къ ней и къ цѣлому семейству. Скажу вамъ рѣшительно: вы мало знаете, я открою болѣе; выслушайте спокойно. Посѣтивъ домъ вашъ, я скоро проникнулъ въ подробности и не входилъ въ нихъ, пользовался удовольствіями наравнѣ съ другими; часто открывалъ мнѣ разсудокъ, что эти удовольствія слишкомъ опасны: несчастный опытъ доказалъ это. Я сталъ жертвою за опрометчивость мою! Я все предвидѣлъ и не могъ оставить домъ

вашъ! Прелести, душа Лауры, очаровали меня! Я сталъ любить, любить страстно; общее снисхожденіе давало мнѣ случай отыскивать взаимность; я успѣлъ въ томъ — дочь ваша любитъ меня!

— Лаура любитъ васъ? и вы смѣете говорить о томъ отцу?...

— Очень! Я далъ слово назвать ее супругой. Теперь вамъ все извѣстно! Я жду отвѣта; и если г. баронъ желаетъ устроить взаимное счастье дѣтей, принять меня въ семейство, то покорный сынъ.....

— Остановитесь, сударь! ваша откровенность слишкомъ оскорбительна! Какъ вы смѣли имѣть виды на благородную дѣвицу, не спросивъ согласія родителей? Какъ она смѣла отвѣчать безразсудной страсти? Я прокляну ее, запрещу носить мою фамилію! Помните, вы не имѣете званія, и только купецъ.

— Это званіе не презрительно. Точно, я сынъ купца, въ этомъ сословіи получилъ образованіе и значительный капиталъ. Я вездѣ принятъ, уважаемъ; вы сами отдали мнѣ справедливость, почтили именемъ друга семейства; а поддержалъ это лестное названіе — и въ заключеніе скажу: классъ купечества мнѣ вовсе не сроденъ; съ окончаніемъ опеки, я поступлю на службу. Теперь скажите: угодно ли вамъ назвать меня зятемъ?

— Нѣтъ, сударь! нѣтъ! Это невозможно!

— И такъ прошайте, г. баронъ!

— Куда? Остановитесь! Вы обезчестили домъ мой и думаете такъ дешево раздѣлаться? О, нѣтъ! мы разочтемся съ вами!

— Охотно! только скажите, въ чемъ?

— И вы еще смѣете спрашивать? Дочь моя любитъ васъ!

— Этому должно радоваться: всѣ дѣвицы любятъ, должны любить, искать мужей; иначе опустѣетъ вселенная!

Баронъ длинными шагами ходилъ по комнатамъ, показывалъ видъ негодованія, сожалѣнія, бросился въ кресла, закрылъ рукою глаза, и конечно бы заплакалъ, если бы слезы не измѣнили ему. Спустя нѣсколько минутъ, спросилъ: Точно ли вы рѣшились оставить классъ купечества и отыскивать званіе по гражданской службѣ?

— Это столь же вѣрно, какъ любовь моя къ Лауръ!

— О дѣти! дѣти! какія вы горести наносите родителямъ! продолжалъ баронъ. Съ первымъ воплемъ заботятся объ васъ, наблюдаютъ всякій шагъ непрочной жизни; станете выростать — и новыя заботы... воспитаніе.... и чѣмъ же это оканчивается? Весьма часто неблагодарностію. Что жъ дѣлать? это общая участь наша. Антонъ Ивановичъ!

признайтесь, я слишком снисходителенъ. Пойдемте въ комнаты; я разстроенъ, не могу продолжать разговора; пойдемте, мнѣ нужно разъясненіе.

— Вы это найдете въ семейномъ кругу, а теперь прошу позволенія увидѣть Лауру.

— Пойдемте, сударь, пойдемте! объ этомъ послѣ поговоримъ. . . Голова моя кружится, искренность ваша изумила. . . Я еще не успѣлъ опомниться отъ первой непріятности, какъ наступила вторая. Такъ, сударь! я слишкомъ разстроился, издержалъ кучу денегъ; мнѣ нужны совѣты, пособіе. Вы знаете, проситель безъ золотого ключа подобенъ нищему; ему вездѣ заперты двери.

Я понялъ это. Баронъ началъ развертываться и намекнулъ, что за дочь хочетъ получить калымъ. Это меня не удивило; я зналъ о томъ и увѣрилъ, что готовъ помочь въ послѣднемъ отношеніи.

— Такъ, сударь! я увѣренъ въ благородствѣ вашихъ мыслей, усердіи къ пользѣ друзей. Теперь мы возвратимся къ семейству. — Всѣ устремили къ намъ взоры, какъ на диковинку; всѣ ожидали, чѣмъ начнетъ разговоръ. Баронъ, прервавъ малчаніе, сказалъ: Доротея! нозови сюда Лауру. — Князь улыбнулся, взглянулъ на Лелію; дочь пошла за сестрою и черезъ минуту я увидѣлъ милую мою невѣсту. Ахъ! какъ послѣ краткой разлуки она показалась мнѣ прекрасна! Томность на лицѣ, ожиданіе, румянецъ при взглядѣ на меня, стали очаровательны. Она опустила глаза, я подошелъ, взялъ руку, привѣтствовалъ; вмѣсто отвѣта дѣвица ежала мою. Всѣ обратили къ намъ вниманіе — и точно, такая встрѣча жениха съ невѣстой показалась странною.

Баронъ съ супругою не спускали съ насъ глазъ, вмѣшивались въ разговоры. Лаура оправилась и болѣе молчала.

Предъ завтракомъ собралось нѣсколько пріятелей, а за ними и стряпчій барона. Разговоръ сталъ общій, довольно громкій; всѣ разсуждали о необыкновенномъ случаѣ — о мщеніи кавалера; всѣ подавали совѣты, и кончилось тѣмъ, что нужны еще деньги. Баронъ вздохнулъ и протяжно сказалъ: Къ несчастію, теперь у меня нѣтъ! Надо заложить домъ или деревню. Признаюсь, это слишкомъ прискорбно, — онъ посмотрѣлъ на меня, — да, слишкомъ прискорбно! Вы скоро услышите случай, который требуетъ большихъ издержекъ. Я догадался и отвѣчалъ: наличности у меня нѣтъ, а если угодно, дамъ вексель. Вы напишите бланкъ, документъ примутъ за наличную монету; все почти купечество извѣстно, что черезъ мѣсяцъ окончится надо мною опека; стоитъ только уступить десять процентовъ. Баронъ пріятно улыбнулся, сказавъ: благодарю покорно; Лаура за

меня порукою. Дѣвица покраснѣла, негодованіе изобразилось на лицѣ ея; она знала намѣренія отца и стыдилась корыстолюбивымъ видамъ челоуѣка, который для пользы своей жертвовалъ всѣмъ. Послѣ словъ моихъ разговоръ сталъ еще шумнѣе; я успѣлъ сказать нѣсколько словъ Лаурѣ; она, вмѣсто отвѣта, подала мнѣ непримѣтно ключъ отъ садовой калитки, шепнувъ: въ 11 часовъ; я понялъ и находился въ восторгѣ, что скоро прижму милую дѣвицу къ груди своей.

Время клонилось къ обѣду. Баронъ удержалъ меня съ княземъ; тотъ съ Лелією вышелъ въ другую комнату, хозяинъ со стряпчимъ въ кабинетъ; всѣ постепенно удалились; я остался одинъ съ Лаурою.

— Милая, прелестная невѣста! я замѣтилъ твое негодованіе; скажи, что здѣсь случилось? Ахъ! разлука нѣсколькихъ дней показала мнѣ вѣкомъ! Я

цѣловаль пламенныя щеки и уста дѣвицы.

— Антоній! если бѣ ты зналъ, сколько я страдала послѣ ужасной минуты, когда тебя вырвали изъ рукъ моихъ! Я не могла скрыть чувствъ, измѣнила тайнѣ: любовь стала открыта. Я лишилась чувствъ, меня отнесли въ мою комнату; опомнившись, увидѣла себя окруженную всѣмъ семействомъ; мнѣ сказали, что припадокъ продолжался нѣсколько часовъ. Я вспомнила о происшествіи, вздрогнула; неизвѣстность о тебѣ привела въ ужасъ; я плакала, произносила имя твое, призывала; рѣшилась бѣжать, отыскивать — и соединить участь мою съ твоею. Меня удерживали, и можно ли повѣрить? окруженная родствомъ, за мѣсто отрады, я терзалась ими! Матушка старалась вывѣдать всѣ отношенія наши; слезы, однѣ слезы составляли отвѣты мои. Я молчала; никакія домогательства не

могли вынудить нашей тайны. Но зачѣмъ тутъ слова: признаніе — лицо, какъ зеркало, означало состояніе души. Это не все; вчера возвратился отецъ, присталъ ко мнѣ и требовалъ съ угрозами открыть всѣ подробности. Я противоположила терпѣніе и рѣшительно сказала: что любовь моя къ тебѣ окончится съ жизнію и съ именемъ твоей супруги! Тутъ баронъ улыбнулся. Это хорошо, произнесъ онъ: у меня даромъ дочь не возьмутъ. — Сестры осыпали насмѣшками, совѣтывали скорѣе пріучаться къ коммерческимъ дѣламъ; одна Лелія казалась снисходительна и защищала меня. Ахъ! забудемъ прошедшее! Ты здѣсь, повтори обѣщаніе вручить эту драгоценность (она показала кольцо) и тогда, тогда забуду весь міръ, у сердца твоего отыщу блаженство!

— Милая невѣста! Это кончено! Ты моя! вѣчно моя! Баронъ о томъ из-

вѣстенъ; я увѣренъ, что полновѣсный билетъ ускоритъ наше соединеніе. Въ одиннадцать часовъ мы увидимся, и тутъ . . . Я поцѣловалъ ее. Мы говорили съ жаромъ: Лаура сидѣла возлѣ меня, рукою охватила мою шею, голову приложила къ груди — и внезапно баронъ очутился предъ нами. — Лаура вздрогнула, онъ остановился, смотрѣлъ на насъ безъ гнѣва и сказалъ: Дѣти! пора объѣдать. Слово: дѣти, означало все. Я взялъ руку покраснѣвшей отъ стыда дѣвицы и повелъ къ столу. Мать посадила насъ рядомъ; мы разговаривали свободно; одинъ только стряпчій вмѣшивался въ слова наши и посматривалъ съ коварною улыбкой.

Вечеромъ баронъ снова пригласилъ меня въ кабинетъ, гдѣ находился и стряпчій. Мы усѣлись на диванъ, и старикъ началъ говорить:

— Молодой человекъ! теперь вы увидите мою заботливость о счастіи

дѣтей; Лаура призналась, что васъ любитъ; вы дали слово на ней жениться. Это произошло безъ согласія родителей и показалось мнѣ слишкомъ оскорбительно. На слезы, просьбы матери я отвѣчалъ однимъ отказомъ; когда жъ утихъ справедливый гнѣвъ мой, то, обдумавъ случай, вспомнилъ приверженность вашу къ дому, случай въ саду и минуты, когда взять подъ арестъ; все это клонилось въ вашу пользу и перемѣнило образъ мыслей. И такъ, сударь, если вы рѣшились непременно вступить въ мое семейство, то я согласенъ — только съ условіемъ: получите гражданскій чинъ, и тогда съ охотою назову васъ зятемъ. Вы еще молоды, торопиться не зачѣмъ; а въ ожиданіи, навѣщайте невѣсту всякій день: это будетъ мнѣ пріятно.

Я всталъ, въ намѣреніи поцѣловать руку старика; онъ обнялъ меня дружески и продолжалъ: Теперь это дѣло

кончено, я объявлю мою волю при всемъ семействѣ; а между тѣмъ, считая васъ моимъ родственникомъ, или, вѣрнѣе сказать, сыномъ, скажу откровенно: я теперь въ крайности. Только, ради Бога, не сочтите, что выпрашиваю у васъ деньги на счетъ дочери: онѣ возвратятся вполнѣ и очень скоро; притомъ вы сами вызвались ссудить меня.

— Очень помню, сударь, и готовъ исполнить мое слово....

— Прекрасно! перехватилъ стряпчій: вотъ я приготовилъ заемное письмо въ 10,000 рублей; не угодно ли подписать? Завтра документъ внесутъ въ маклерскую книгу, вы приложите руку въ полученіи.

Я молча взялъ актъ, прочиталъ и утвердилъ подписью. Баронъ снова меня обнялъ, повелъ въ инструментальную залу; тамъ ожидали насъ къ чаю. Баронъ торжественно произнесъ: Ла-

ура! милая дочь! вотъ твой женихъ! Подълуйте, сударь, вашу невесту. — Отецъ не имѣлъ надобности это повторить. Я взялъ ее за руку, подошелъ къ нему и матери; они благословили насъ, и цѣлое семейство приступило съ привѣтствіемъ. Князь и Лелія казались въ восторгѣ.

И вотъ желанія мои свершились: я сталъ внезапно явнымъ женихомъ баронессы. Дошла рѣчь о приданомъ, стряпчій взялся составить условіе; я рѣшительно сказалъ, что мнѣ нужна Лаура, а не деньги, и все необходимое къ браку доставлю отъ себя. Это понравилось барону и всемъ. Первый хвалилъ мое безкорыстіе и повторялъ: это невозможно; я не отдамъ дочь съ пустыми руками, и сдержу свое слово.

Въ 9 часовъ я простился съ невестой и новымъ родствомъ, шепнувъ двѣицѣ: въ назначенное время уви-

димся... Мы съѣли съ княземъ въ коляску, и онъ началъ говорить:

— И такъ, другъ мой, ты теперь женихъ! Поздравляю! Ты перемѣнилъ родъ жизни; семейство, въ которое вступишь, хотя не весьма благовидно, однако жъ случайно: баронъ имѣетъ большія связи и зятю доставитъ путь къ возвышенію. Только не зѣвай! будь остороженъ.

— Странный совѣтъ! къ чему теперь осторожность?

— Теперь — то она и необходима! Слушай: что баронъ отдаетъ съ охотою дочь, это весьма натурально; ему нуженъ богатый, вѣтренный зять; онъ, безъ сомнѣнія, составилъ планъ: всѣ убытки свои пополнить на твой счетъ. Неужели ты думаешь, что званіе ему нужно? Это одинъ только предлогъ, чтобъ продлить время. Деньги, одинъ деньги составляютъ его кумирь!

Онъ надѣется поубавить твою кассу, и потомъ совершить бракъ. Съ тебя взяли актъ въ 10,000 рублей, и завтра, если бъ не предусмотрительность Леліи, ты заплатилъ бы вдвое.

— Изрядное начало! Да почему ты знаешь всѣ подробности?

— А вотъ! вынь изъ кармана ключъ; ты часто пробирался съ нимъ къ Латурь.

Я изумился, и князь продолжалъ: Видишь, какъ вѣрны слова мои! Лелія мнѣ все открыла. Теперь она хлопочетъ за сестру, и имѣетъ на то свои виды. Я скоро отправлюсь въ полкъ, увезу ее съ собою. Теперь понимаешь, что необходимость васъ сблизила. Хитрый старикъ, возвратясь домой, немедленно приступилъ къ розыску. Онъ зналъ о вашихъ прогулкахъ въ саду, и какъ онъ случались слишкомъ продолжительны, то и догадался, что вы имѣли свиданіе въ другомъ без-

опасномъ мѣстѣ. Подозрѣніе оказалось справедливо. Этотъ ключъ хранился у самой баронши, внезапно пропалъ; баронъ нечаянно увидѣлъ его въ комнатѣ Лауры возлѣ твоего портрета, и еще замѣтилъ, что особая дверь, заключенная на-глухо, отперта и тѣмъ открылся по тайной лѣстницѣ свободный ходъ къ Лаурѣ. Эти улики стали слишкомъ достаточны; все дурное онъ имѣетъ даръ видѣть и понимать превосходно: ему стоитъ показать одинъ только уголъ непристойной картины, и онъ доберется къ содержанію сюжета. Теперь знай: будущій тестъ поспѣшнаго зятя рѣшился поймать у дочери невѣсты; однако жъ не съ тѣмъ, чтобъ разорвать бракъ, а только взять контрибуцію за поступокъ, который, если сказать правду, въ настоящее время не слишкомъ благовидѣнъ. — Видишь, какъ я преданъ тебѣ, и увѣренъ, что ты на счетъ Леліи по-

можешь мнѣ. Я иду совершенно другимъ путемъ: не намѣренъ купить жену за деньги, и которыхъ не имѣю. Дочери барона поздно узнали о невыгодномъ своемъ положеніи, стараются исправить ошибки, особенно Доротея; дѣло объ отцѣ, слухъ объ ней, стали общей молвой въ городѣ. Должно отдать справедливость Лаурѣ: она сохранила себя лучше; первая догадалась, что надо торопиться сыскать мужа, и выиграла болѣе сестеръ. Точно болѣе, если ты остепенишься, устроишь участь Саши, бросишь внутреннюю Туанету и перестанешь навѣщать смиренный домъ, гдѣ тоже готовятъ тебѣ ловушку. Не сердись, Антоній! я говорю съ тобою какъ родственникъ, даю дружескіе совѣты; исполнить ихъ зависитъ въ твоей волѣ!

Я слушалъ съ нетерпѣніемъ князя и со вздохомъ сказалъ: И такъ, я не

увидю Лауру; она станетъ ожидать; что подумаетъ?...

— Ты, право, полуумный! Наслажде- ніе нѣсколькихъ часовъ предпочитаешь всегдашнимъ. Лаура скоро будетъ твоя жена — и ничто не помѣшаетъ вашимъ утѣхамъ, если онъ сами не остынутъ; а теперь зачѣмъ произвольно вдаваться въ непріятность и бросать деньги? Онъ нужны собственному семейству; подумай! ты вступаешь въ новый родъ жизни, въ новыя связи, знакомство; ты готовишься служить, а протекцію богачи даромъ не имѣютъ. Завтра пріѣзжай къ намъ, я поговорю съ отцомъ; онъ имѣетъ случай и мы приступимъ къ дѣлу. А! кстати: что ты скажешь своему о скороспѣлой женитьбѣ?

— Разумѣется, для виду, стану просить позволенія, и увѣренъ, что получу отказъ. Опекуны закричатъ, станутъ отсовѣтывать, особенно Чистя-

ковъ: онъ прочитъ за меня дочь свою; я перенесу все хладнокровно. Черезъ мѣсяць срокъ опеки; тогда возьму мое имѣніе и стану жить по произволу, а можетъ статься, передамъ отцу право распорядить всѣмъ капиталомъ, и только увеличу мое содержаніе.

— А свадебныя издержки? ... приданое? ...

— Это моя забота. Стоитъ размѣ- нять одинъ билетъ въ нѣсколько ты- сячъ, и дѣло кончено. — Я простился съ товарищемъ и въ комнатѣ своей имѣлъ время подумать о странной пе- ремѣнѣ, какъ изъ тайнаго жениха сталъ открытымъ, получилъ согласіе барона и въ нѣсколько часовъ рѣшился на по- ступокъ, о которомъ не мѣшало бѣ подумать. Тутъ пришли мнѣ на мысль совѣты князя; я вспомнилъ о Сашѣ..... тяжелый вздохъ вылетѣлъ изъ груди! Бѣдная дѣвушка! что ты скажешь, узнавъ объ измѣнѣ моей? Перенесешь

ли горесть свою? О, нѣтъ! нѣтъ! Я не скажу ей ни слова; скрою мое предательство, увезу на край города, стану посѣщать, любить; она готовится принять названіе матери — и я не оставлю дитя мое! Что дѣлать? необходимость заставляетъ жертвовать ею. — Такъ думалъ я и забылъ, что одни только пороки вовлекли меня въ необходимость! Горестныя мысли скоро измѣнились. Лаура, планъ новой жизни, вскружили мнѣ голову; я рѣшился утромъ завернуть къ Сашѣ, взять значительную сумму денегъ, купить невѣсть брилліантовыя серьги и подарки родственницамъ; семейка вышла не мала и при самомъ началѣ становилась не дешева.

Я лежалъ еще въ постель, какъ пришелъ Чистяковъ. Здравствуй, Антонъ Ивановичъ! началъ опекунъ: часто ли ты выдаешься съ отцомъ?

— Всякое утро.

— Удивительно. Ты столько разсѣянъ, что не замѣтилъ перемѣны въ старикѣ? Онъ скученъ, боленъ, скрываетъ неудовольствіе; совѣтую обратиться къ нему вниманіе. Подумай! совесть не всегда можно заглушить: она въ свое время приляжетъ къ сердцу, и

Я поспѣшилъ къ нему съ Чистяковымъ, и точно, нашелъ большую перемѣну. На вопросы наши онъ отвѣчалъ отрывисто; все означало сокровенную печаль и досаду; мы не могли успокоить старика, и какъ важныя занятія увлекали меня отъ домашнихъ, то я поскакалъ къ Сашѣ. Просидѣвъ у дѣвушки съ полчаса, взявъ деньги, отправился къ знакомому ювелиру, купилъ дорогія серьги невѣсть, разныя золотыя вещи сестрамъ и почтеннымъ тетушкамъ; покупка стоила болѣе трехъ тысячъ рублей, а съ приложеніемъ выданнаго акта, первые двое сутокъ

становились слишком невыгодны. Но я имѣлъ болѣе трехъ сотъ тысячъ въ деньгахъ и капиталѣ, и думалъ, что богатство мое неисчерпаемо.

Лаура приняла меня съ восторгомъ и шепнула: прошу не тратить лишнее; небольшой подарокъ изъ рукъ твоихъ составитъ мнѣ драгоценность. Всему семейству понравилась моя услужливость. Тутъ пожаловалъ къ намъ баронъ съ супругою; послѣдней я вручилъ золотую табакерку; будущій тестъ улыбнулся и вдругъ принялъ суровый видъ: Я не хочу, чтобъ вы тратились и вообще не терплю излишнюю роскошь. Умѣренность, другъ мой! умѣренность необходима. Вспомните, вы избираете новый родъ жизни, получите жену; надо подумать объ экономіи. Пойдите! я самъ стану за вами присматривать и не допущу къ излишеству. Этотъ совѣтъ значилъ: коши деньги, отдавай мнѣ.

На приглашеніе барона, посвятить день семейству, я отговорился, извѣстивъ о предметѣ посѣщенія къ пріятелю, и Лаура свободно проводила меня до крыльца.

Старый князь принялъ меня ласково, повторилъ о покровительствѣ и далъ слово приступить къ дѣлу немедленно.

Прошла недѣля безъ всякихъ происшествій; цѣлые дни я проводилъ съ Лаурою и часто оставался съ нею одинъ. На это смотрѣли, какъ говорится, сквозь пальцы. Рѣдко видѣлъ Сашу и только одинъ разъ завернулъ къ Туанетъ: мнѣ казалось совѣстно оставить ее внезапно. Въ одинъ вечеръ, возвращаясь домой, увидѣлъ на столѣ записку; развернулъ: отецъ князя просилъ утромъ въ 8 часовъ пріѣхать къ нему.

— Ваше желаніе свершилось, началъ князь: я просилъ Г. Д. Онъ человѣкъ случайный, далъ слово въ скоромъ вре-

мени доставить вамъ званіе и желаетъ видѣть васъ лично; ѣдемте къ нему. Впрочемъ я долженъ сказать, что мало вмѣшиваюсь въ подобныя дѣла, и передалъ васъ извѣстному ходатаю Степану Степановичу Лазину. Этотъ почтенный человѣкъ, оставя службу, занимается разными дѣлами, коротко принять въ домъ будущаго вашего начальника, и родственникъ секретарю. Эти два человѣка все для васъ сдѣлаютъ: подружитесь съ ними.

Я очутился въ большомъ домѣ; толпа лакеевъ стояла въ передней; намъ отворили съ учтивостію дверь въ пріемную, потомъ въ гостиную. Вездѣ блистала роскошь, изобиліе: зеркала, люстры, вазы. Молодой человѣкъ побѣждалъ съ докладомъ и мы изъ кабинета услышали голосъ: войдите, ваше сіятельство! безъ церемоніи.

Роскошный баринъ сидѣлъ на бархатномъ диванѣ, въ богатомъ шлафор-

кѣ, дружески протянулъ руку посьтителю, помѣстивъ съ собою рядомъ, посмотрѣвъ на меня, улыбнулся. Князь! вѣрно въ этомъ молодомъ человѣкѣ вы принимаете участіе?

— Точно-съ.

Тутъ хозяинъ сталъ меня спрашивать о состояніи, чему и гдѣ учился, что заставляетъ оставить купечество? Я удовлетворилъ любопытство и, по видимому, онъ остался довольнымъ. — Извольте, сударь! Я исполню желаніе князя и ваше. Навѣстите меня чрезъ недѣлю; я переговорю съ секретаремъ, какъ лучше приступить къ дѣлу. Садитесь, сударь. Мнѣ очень пріятно имѣть васъ подчиненнымъ; ваша наружность, образованность составляютъ честь мѣсту, гдѣ вы помѣститесь. Тутъ онъ пустился въ разговоры съ княземъ: сначала о погодѣ, продолжительной осени, потомъ о театрѣ, собраніяхъ, и кончилъ общаніемъ ѣхать

съ нимъ обѣдать къ откупщику питейнаго сбора.

Мы раскланялись, вышли, и князь сказалъ: Видите, молодой пріятель! все идетъ по нашему желанію. Теперь вамъ должно торопиться объ увольненіи изъ общества и подать прошеніе. Г. Д. назначить время.

Я спѣшилъ къ барону, въ мысляхъ порадовать о счастливомъ началѣ. Старикъ выслушалъ и сердито сказалъ: Точно, Г. Д. человекъ случайный, вѣжливый, общается всѣмъ — и рѣдко исполняетъ; а если ошибкой и сдержитъ слово, то не даромъ; это покровительство станетъ слишкомъ солоно; я не понимаю, зачѣмъ вы безъ моего совѣта пошли туда? Еще время не ушло, подождите, скоро окончится наше дѣло, мы сами отыщемъ случай.

Въ полночь я возвратился домой и мальчикъ сказалъ: Батюшкѣ стало хуже; Прохоръ Фомичъ весь день нахо-

дился съ нимъ; приходилъ докторъ и еще три незнакомые человека; послали всѣхъ людей изъ спальни; писали какую-то бумагу. Я слышалъ отъ прикащика Сергѣя, что одинъ изъ нихъ сказалъ: не дурно пригласить священника и утвердить духовное завѣщаніе. Слова мальчика обнаруживали тайну. Всякое утро я видѣлся съ отцомъ и не замѣтилъ въ немъ опасной болѣзни. На другой день я всталъ рано, пошелъ къ нему въ спальню; прикащикъ остановилъ: Батюшка занятъ дѣломъ, пожалуйста черезъ полчаса. Я рѣшился ожидать, и точно, Чистяковъ, священникъ и три незнакомые человека вышли изъ комнаты. Первый изъ нихъ сказалъ: Антонъ Ивановичъ! батюшкѣ стало хуже, ему нуженъ покой; заверните послѣ!

Привѣтствія опекуна показались слишкомъ оскорбительны; я съ досадою от-

въчалъ: Кажется, сынъ всегда можетъ видѣть отца!

— Правда! только не теперь! Съ этими словами онъ вышелъ съ неизвестными мнѣ людьми.

Холодный отвѣтъ увеличилъ досаду и желаніе узнать о причинѣ такой скрытности. Я сталъ у дверей спальни, и когда человекъ понесъ туда чай, то вошелъ съ нимъ вмѣстѣ. Больной лежалъ въ сильномъ разслабленіи и на участіе мое отвѣчалъ сухо: Антонъ Ивановичъ! ты видишь, я нездоровъ, не могу заняться съ тобою; поди съ Богомъ, куда хочешь. Если мнѣ станетъ лучше, то пошлю за тобою въ домъ барона; помнишь, ты изъ него отправленъ въ полицію.— Слова эти обнаружили, что ему известны подробности. Я хотѣлъ оправдаться, онъ махнулъ рукою и отвортился къ

стѣнѣ. Я вышелъ въ смущеніи, поспѣшилъ къ Чистякову.

— Скажите, Прохоръ Фомичъ, что значитъ скрытность ваша? Вы что нибудь затѣваете, и вѣрно противъ меня?

— Совсѣмъ нѣтъ! Докторъ увѣрилъ, что батюшка вашъ опасно боленъ, а въ такомъ случаѣ не мѣшаетъ пригласить пріятелей, открыть имъ послѣднюю волю свою!

— Сынъ болѣе всѣхъ имѣетъ на то право!

— Точно. Прощайте! мнѣ пора идти въ лавки.

Пріемъ и отвѣтъ еще болѣе меня изумили; я рѣшился проникнуть въ тайну. Началъ тѣмъ, чтобъ увидѣть отставную невѣсту Машу, приласкаться къ ней, вывѣдать все подробности; обратился къ служанкѣ, и та сказала: Марья Прохоровна нездорова, не мо-

жетъ васъ принять. — Тутъ я хлопнулъ дверью, прибѣжалъ къ князю, открылъ мое сомнѣніе на счетъ скрытности отца и Чистякова.

Князь подумалъ и отвѣчалъ: Тутъ не зачѣмъ ломать голову; ты съ утра до вечера во всѣ эти дни не былъ дома; натурально, отецъ заботился о томъ, послалъ къ барону развѣдать, тамъ ли ты и что дѣлаешь. Какъ предметъ посѣщеній твоихъ не есть тайна, то конечно люди увѣдомили лазутчика о всѣхъ подробностяхъ. Это огорчило стариковъ; одинъ, какъ отецъ, имѣлъ право негодовать на своевольство сына, а второй, что не успѣлъ выдать за тебя дочь. Вооружись терпѣніемъ: отецъ выздоровѣетъ, и ты все узнаешь. Слова князя не могли успокоить меня и ожидать хорошихъ послѣдствій. Я подумалъ весьма поздно о поведеніи своемъ и холодности

къ отцу; въ огорченіи возвратился домой. Одинъ изъ чиновниковъ канцеляріи дожидался меня.

— Антонъ Ивановичъ! началъ въжливо посѣтитель: г-нъ секретарь Семенъ Петровичъ проситъ васъ пожаловать къ нему завтра утромъ въ 10 часовъ. Онъ имѣетъ надобность переговорить о собственномъ вашемъ дѣлѣ. — Я благодарилъ посланника и, чтобъ на первый разъ блеснуть, послалъ мальчика въ трактиръ, велѣлъ принести завтракъ и двѣ бутылки вина.

Тотъ скоро возвратился, накрылъ столъ; посѣтитель, отговариваясь, придвинулъ къ нему кресла; мы начали съ бифтекса и запивали мадерой; потомъ атаковали паскетъ; мальчикъ разкупорилъ бутылку съ шампанскимъ. Я замѣтилъ, что маленькій чиновникъ изволилъ кушать какъ исправный обѣдало, а пить подобно музыканту, который, работая руками на скрипкѣ,

послѣ всякой кадрили промачиваетъ глотку. Шампанское гостю понравилось; онъ божился, что давно подобнаго не пилъ. Завтракъ кончился, посѣтитель повторялъ: Вы меня такъ угостили, что да . . . объ этомъ узнаетъ вся канцелярія; они удивятся. Я замѣтилъ, что сотрудникъ моего завтрака мѣшался въ словахъ и сидѣлъ скривясь на одинъ бокъ, приказалъ мальчику нанять кабріолетъ и проводить гостя.

Въ 10 часовъ я находился въ незнакомомъ мнѣ мѣстѣ. Человѣкъ среднихъ лѣтъ, видной наружности, принялъ меня вѣжливо, изъявилъ удовольствіе, что скоро будетъ служить со мною подъ однимъ начальствомъ. Окончивъ привѣтствіе, подалъ мнѣ стулъ и приступилъ къ дѣлу. — Его превосходительство изволилъ меня увѣдомить о непремѣнномъ вашемъ желаніи поступить къ намъ въ канцелярію.

Сначала это показалось слишкомъ затруднительно; конечно, опредѣлиться не долго; но служить нѣсколько лѣтъ писцемъ, канцеляристомъ, съ вашимъ образованіемъ, тягостно и даже неприлично. Вотъ, сударь, я думалъ и нашелъ средство: васъ примутъ въ званіи канцелярскаго чиновника, это продолжится не долѣе мѣсяца. Вы получите чинъ, а тамъ все бездѣлица. Относительно жъ настоящихъ занятій по должности, нечего заботиться: раза два или три въ недѣлю завернете въ канцелярію, перепишите какуюнибудь бумажонку, познакомитесь съ товарищами, и работниковъ найдете довольно, а все прятутъ вашей дѣятельности. Вотъ, Антонъ Ивановичъ, нашъ планъ; угоденъ ли онъ вамъ?

— Слишкомъ! И не знаю, какъ благодарить!

— Полноте! о благодарности ни слова. Вы человѣкъ образованный, бла-

городныхъ правилъ, умѣете цѣнить одолженіе, а между тѣмъ я долженъ вамъ открыть, что это все дѣлается по просьбѣ Степана Степановича, моего родственника; онъ случайный человекъ и въ большой милости у его превосходительства; къ нему должна относиться ваша благодарность.

— Скажите, чѣмъ могу служить моему покровителю?

— Побѣжайте отсюда къ нему; онъ самъ объ этомъ скажетъ.

— А теперь, сударь, пойдете въ нашу канцелярію. Я познакомлю васъ съ сослуживцами; имъ пріятно увидѣть товарища, о которомъ такъ много рассказывалъ чиновникъ, посланный вчера къ вамъ.

Молча, съ путеводителемъ я спустился по лѣстницѣ, вошелъ въ длинную комнату, наполненную людьми; они сидѣли и занимались дѣломъ. Это писцы, сказалъ секретарь: пойдете да-

йте. Мы прошли двѣ и остановились въ третьей. Господа! рекомендую вамъ новаго сотрудника! Онъ извѣстенъ съ лучшей стороны его превосходительству, и помѣстится въ этой комнатѣ. Архипъ Степановичъ! возьмите его въ свой столъ.

Малорослый толстякъ съ багровымъ, длиннымъ носомъ, украшеннымъ очками, не обратилъ на меня вниманія и охриплымъ голосомъ спросилъ: А что онъ станетъ дѣлать? Вы знаете, здѣсь серьезная дѣла.

— Очень; сначала дайте ему переписывать небольшія бумаги, а тамъ.... секретарь присовокупилъ въ полголоса, онъ займетъ мѣсто чиновника особыхъ порученій; на это есть воля его превосходительства. Онъ сказалъ такъ тихо, что большая часть окружающихъ насъ слышала внятно слова. Въ самое это время прибѣжалъ чиновникъ и позвалъ секретаря къ на-

чальнику. Я остался одинъ съ неизвѣстными людьми; они окружили меня, спрашивали объ имени, званіи и гдѣ живу. Помнивъ первый пріемъ у г. Шарона, и какъ меня честили мясникомъ, я сталъ осторожнѣе и смѣло отвѣчалъ: я сынъ первой гильдіи купца, воспитывался въ извѣстномъ училищѣ, кончилъ курсъ, живу въ собственномъ домѣ и, не имѣвъ склонности къ коммерческимъ дѣламъ, рѣшился поступить на службу. Собственный домъ, состояніе, произвели обыкновенное дѣйствіе: со мною стали дружитья, и толстякъ съ багровымъ носомъ сказалъ: не угодно ли садиться? Вотъ стулъ. — Свободное мое обращеніе всѣмъ понравилось; двое изъ молодыхъ чиновниковъ приглашали меня, по окончаніи присутствія, зайти къ нимъ. Я благодарилъ и отвѣчалъ, что далъ слово князю N., гдѣ ожидаютъ меня къ обѣду. Слова: князь, ожи-

даютъ, придали еще болѣе мнѣ вѣсу.

Черезъ часъ возвратился секретарь. Антонъ Ивановичъ! вы еще здѣсь? Какъ это случилось кстати; пожалуйста въ мою рабочую комнату: мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ. Я послѣдовалъ за нимъ, онъ заперъ дверь. Степанъ Степановичъ теперь у его превосходительства и проситъ васъ отправиться къ нему въ домъ; онъ желаетъ говорить съ вами объ одномъ дѣлѣ. И такъ до свиданія.

Я отправился по назначенію, вошелъ въ домъ покровителя, сказалъ о себѣ, и мнѣ отвѣчали, чтобъ я дожидался, Степанъ Степановичъ скоро возвратится. Меня ввели въ пріемную комнату; изъ растворенной двери я замѣтилъ пышное убранство гостиной, обозначающей вкусъ и достатокъ хозяина.

Черезъ полчаса пріѣхалъ мой покровитель и прямо обратился ко мнѣ: Ахъ! Антонъ Ивановичъ! какъ вы ис-

правны; это похвально, служить началом доказательства въ скорости исполненія по службѣ. Пожалуйте со мною въ кабинетъ. — Мы пришли, онъ началъ говорить:

— Ну, сударь, скажу вамъ откровенно: я большой имѣлъ трудъ упротить начальника; онъ нѣсколько упрямъ, цѣлую недѣлю я твердилъ ему объ васъ; просилъ, настаивалъ и наконецъ вымучилъ согласіе. Идите смѣло подъ его начальство; секретарь мой родственникъ, доставитъ вамъ случай сблизиться, а съ моей стороны я всегда готовъ заботиться объ вашей пользѣ, какъ о собственной.

— Милостивый государь! я столько вамъ обязанъ, что не имѣю словъ выразить благодарность. — Г. секретарь уведомилъ меня, что вамъ угодно мнѣ сказать....

— Да.... да... бездѣлица, однако жъ не оскорбитесь моею откровенностію:

я это говорю по совѣту князя, онъ истинный другъ мой, а вы съ его сыномъ товарищи. Вотъ видите въ чемъ состоитъ дѣло: я покупаю имѣніе, и надо вамъ сказать весьма выгодно; теперь вышла остановка: недостаетъ 15 т. рублей къ уплатѣ и пяти для совершенія купчей крѣпости. Конечно, такую малостью всякъ за удовольствіе сочтетъ ссудить меня, но въ этомъ случаѣ я удивительный человекъ, слишкомъ самолюбивъ, не привыкъ занимать и оставаться должнымъ. Вы теперь нашъ, подъ моимъ покровительствомъ, и такъ не можете ли одолжить меня, на самое короткое время, этой бездѣлкой?

Съ начала разговора я слушалъ разинувъ ротъ, а при окончательныхъ словахъ сжалъ крѣпко губы, и опустилъ руки. Г. Лазинъ, казалось, не примѣтилъ мое смущеніе, и продолжалъ: Ахъ, сударь! я слишкомъ раз-

сбѣявъ, забылъ сказать о главномъ: генераль далъ мнѣ слово, что съ первымъ чиномъ помѣститъ васъ на вакансію чиновника по особымъ порученіямъ. Подумайте, въ ваши лѣта, и такъ скоро получить столь значительное званіе; это, сударь, не бездѣлица.

Я скоро опомнился, слова: чиновникъ по особымъ порученіямъ, вскружили мнѣ голову. Я отвѣчалъ: 20 т. я могу доставить, только не иначе, какъ съ окончаніемъ опеки: ей срокъ черезъ двѣ недѣли.

— Это мы знаемъ; князь разсказалъ всѣ подробности; мы знаемъ, что вы женитесь на прелестной дѣвицѣ знатнаго происхожденія. Ну, кончимте дѣло; маклеръ живетъ напротивъ, я пошлю за нимъ; посидите, переговоримъ о вашей службѣ.
Черезъ полчаса документы изготовили, я подписалъ.

— Прекрасно, сударь! все кончено, и на самомъ благородномъ основаніи. Черезъ мѣсяць или два вы получите векселя обратно; а между тѣмъ услуга все останется услугою. Теперь до свиданья! Только, ради Бога, петоропитесь объ увольненіи изъ общества: иначе остановится дѣло. Теперь побѣжайте къ секретарю, скажите, что видѣлись со мною.

Я исполнилъ; тотъ принялъ меня ласково, распросилъ въ чемъ дѣло, и проводилъ до комнаты, гдѣ знакомились со мною чиновники; а когда началъ прощаться съ ними, толстякъ протянулъ мнѣ руку и весьма неудачно: задѣлъ чернилицу, опрокинулъ на докладную записку и запачкалъ нѣсколько приготовленныхъ бумагъ.

Изъ канцеляріи я отправился къ Чистякову, переговорить о моемъ опредѣленіи. Онъ выслушалъ и отвѣ-

чалъ сухо: мы все знаемъ; не торопитесь, Антонъ Ивановичъ! Черезъ нѣсколько дней кончится опека; тогда дѣлайте что угодно. Советниковъ същется много и безъ насъ, а теперь не беспокойте отца: пусть онъ умретъ спокойно.

Встревоженный словами Чистякова, я поспѣшилъ домой и прямо къ отцу. Ему стало хуже. Люди сказали, что докторъ отказался помочь больному. Я вошелъ въ спальню, сѣлъ на концѣ постели; старикъ смотрѣлъ на меня съ негодованіемъ; на всѣ вопросы и заботливость мою отвѣчалъ мало. Цѣлый почти день я оставался при немъ и вечеромъ, когда сталъ прощаться, онъ слабымъ голосомъ произнесъ: Вспомни завѣщаніе матери: она желала, чтобъ ты вступилъ въ семейство Чистякова, женился на его дочери. . . . Я напомнилъ о волѣ покойницы. . . Впрочемъ дѣлай что хочешь.

Болѣзнь, слова отца, явная холодность произвели во мнѣ сильное впечатлѣніе. Въ смерти матери я не считалъ себя виновнымъ, а тутъ. . . . послѣ пропажи денегъ, онъ впалъ въ изнеможение; эти мысли меня беспокоили. Неужели я виновникъ смерти отца? Положимъ, онъ ненавидѣлъ меня. Съ возвращеніемъ изъ училища, мы не имѣли взаимной привязанности, а по смерти матери произошла между нами непріязнь. Но все я обязанъ ему благодарностію; онъ далъ мнѣ воспитаніе, трудился, увеличилъ капиталъ и, умирая, вѣрно сожалѣетъ о заботахъ своихъ. Позднее раскаяніе! прошедшее стало невозвратимо. Трое сутокъ я не отходилъ отъ больнаго — и. . . на четвертые заботы окончились: я лишился отца!

Опекуны собрались немедленно. Чистяковъ изъявилъ истинную скорбь о потерѣ друга, а товарищи его увива-

лись около меня, давъ свободу своимъ чувствамъ. Опекунъ отеръ слезы и обратился ко мнѣ: Антонъ Ивановичъ! вы теперь полный хозяинъ имѣнія; у васъ въ деньгахъ и билетахъ 300 тысячъ, каменный домъ, четыре лавки, — это не бездѣлица! Можно поблагодарить родителей, озаботиться похоронами отца. Сумму на этотъ предметъ отпустимъ по вашему назначенію. Между тѣмъ не огорчитесь, вамъ должно объявить: покойникъ оставилъ завѣщаніе; актъ черезъ шесть недѣль распечатаютъ. Вы, конечно, не забыли духовную матери? Она отказала мужу четвертую часть капитала; онъ хранится въ билетахъ обще съ вашимъ; эта собственность осталась въ полномъ его распоряженіи. Теперь позвольте принадлежащее отцу привести въ извѣстность и опечатать.

— Что это значитъ? спросилъ я скоро.

— Черезъ шесть недѣль узнаете, отвѣчалъ опекунъ.

Скрытность показалась мнѣ слишкомъ оскорбительна. Неужели покойникъ отказалъ свою часть дальнимъ родственникамъ и совершенно забылъ о сынѣ? — Чистяковъ повторилъ о похоронахъ.

При всей досадѣ, я изъявилъ желаніе устроить пышныя и, признаюсь, одно тщеславіе служило къ тому поводомъ. Я просилъ Чистякова принять всѣ хлопоты на себя; онъ охотно согласился и предварительно желалъ знать, кого пригласить?

— Всѣхъ знакомыхъ и кто любилъ батюшку; а я пошлю билеты къ своимъ.

— Это значитъ, должно приготовить нѣсколько столовъ для купцовъ, дворянъ и разночинцевъ, отвѣчалъ съ улыбкой опекунъ. Я назначилъ пять

тысячъ рублей; онъ принялъ и приступилъ къ распоряженію.

Два дня я не видалъ Лауру и Сашу, а только посылалъ къ нимъ мальчика съ записками; получивъ свободу, не мѣшкая, отправился къ нимъ. Саша встрѣтила меня ласково, однако же не съ такимъ участіемъ, какъ при смерти матери. При всемъ разсѣяніи я замѣтилъ въ ней холодность, и не имѣвъ времени удостовѣриться въ томъ, поспѣшилъ къ невѣстѣ. Лаура омочила слезами щеки мои; каждое слово, каждая ласка обнаруживала участіе и доброту души. Баронъ съ семействомъ приняли меня какъ родственника; первый требовалъ всей подробности въ дѣлахъ моихъ; разсказъ мой не понравился ему. Помилуй, зять! ты можешь лишиться значительной части капитала — это дурно! Постарайся вывѣдать въ чемъ заключается духовная; если не въ твою пользу, то не мѣшаетъ взять

мѣры. Можно изъявить сомнѣніе, начать дѣло. Мы станемъ дѣйствовать общими силами, и конечно переждемъ ничтожныхъ душеприкащиковъ. — Я не обратилъ вниманія на слова барона, занимаясь Лаурою. Милая невѣста! ты навѣстишь домъ мой, раздѣлишь горестъ со мною? — Отецъ со всемъ семействомъ далъ слово пріѣхать съ нею. — Мы простились, я поѣхалъ въ канцелярію.

Секретарь не зналъ о болѣзни отца; услышавъ о смерти, изумился, благодарилъ за приглашеніе и сказалъ: Антонъ Ивановичъ! мнѣ пришла счастливая мысль. Генералъ еще дома, просите его на похороны; это ему понравится. Пойдемте, я доложу объ васъ.

Минутъ черезъ пять отворились двери кабинета. Пожалуйте, Антонъ Ивановичъ! сказалъ хозяинъ. Весьма жалю о вашей потерѣ. Что жъ дѣлать? Не грустите: это общая участь наша.

Вамъ угодно, чтобъ я находился при вынось? Извольте сударь, съ охотою. — Поблагодаривъ за милость, я завернулъ къ князю.

Чистяковъ приступилъ къ дѣлу: вечеромъ доставилъ мнѣ траурные билеты; я принялся писать адреса; на помощь мнѣ подоспѣли князь и Лестовъ. Опекунъ изумился, прочитавъ фамиліи особъ и что къ секретарю назначено сорокъ безыменныхъ билетовъ. Онъ пожалъ плечами, не могъ скрыть досады и сказалъ: князья, бароны, генералы, знатный вынось, много чести покойнику! Антонъ Ивановичъ! по количеству лицъ, денегъ не хватитъ.

— Ахъ, Прохоръ Фомичъ! возьмите еще! Только устройте все въ лучшемъ видѣ. Я денегъ не жалѣю — и хочу въ полномъ смыслѣ исполнить долгъ сына!

— Это похвально: только жаль, что покойники не видятъ и не чувствуютъ;

если бъ они имѣли слухъ и зрѣніе, то конечно бъ не пошли въ землю и, къ радости наследниковъ, ожили снова. Мы не обратили вниманія къ язвительнымъ словамъ; на другой день разослали билеты, а тутъ наступилъ и окончательный.

Въ десять часовъ начало съѣзжаться купечество и многіе изъ чиновниковъ; за ними пріѣхалъ баронъ: я спѣшилъ на встрѣчу, подаль руку невѣсть, проводилъ въ комнаты. Одѣтая въ черное платье, она казалась еще прелестнѣе и только вошла въ траурную залу, то все обратили къ ней вниманіе. Наконецъ пожаловалъ и его превосходительство, за нимъ секретарь съ чиновниками. Начальникъ, окруженный подчиненными, вошелъ гордо, поклонился важно, и занялъ мѣсто съ семействомъ барона. Старый князь съ моимъ покровителемъ присталъ къ нимъ, а молодой съ Лестовымъ забо-

тились обо мнѣ, чтобъ отъ излишней горести я не сдѣлалъ новую глупость.

И вотъ тѣсный домъ поставили на дроги; шествіе началось, значительныя особы помѣстились въ экипажи, поверженные къ дому нашему шли пѣшкомъ; я слѣдовалъ за самымъ гробомъ и какая-то необыкновенная тяжесть угнетала грудь мою. Я не могъ опредѣлить, тоска ли это, или предчувствіе о будущемъ?

Къ тремъ часамъ весь домъ наполнился снова; дѣятельность Чистякова оказалась въ полной мѣрѣ. Въ шести комнатахъ накрытые столы украшались фарфоромъ, серебряными вазами, и всѣмъ, что можно придумать къ изобилію и блестящей наружности.

Въ главной комнатѣ духовенство, князь, генераль, баронъ, заняли первыя мѣста; во второй Семень Петровичъ съ чиновниками, въ третьей по-

четное купечество, а въ остальныхъ помѣщались безъ разбору. Обѣдь началась и Чистяковъ мнѣ шепнулъ: Вы назвали знатныхъ пріятелей, — останьтесь съ ними, угощайте; а тамъ не безпокойтесь: я управлюсь одинъ. Вотъ, посмотрите! дѣвица въ черномъ платьѣ, скучна и ничего не кушаетъ (онъ показалъ на Лауру). Я покраснѣлъ, подошелъ къ ней, сказалъ нѣсколько словъ и, какъ хозяинъ, принялся за распоряженіе.

Къ семи часамъ почетные гости стали развѣзжаться, въ томъ числѣ и невѣста. Семень Петровичъ съ дружиною остались до вечера; друзья покойника тоже не торопились; большія вазы съ пуншемъ опустошались скоро: люди торопились раскупоривать бутылки; поминки шли своимъ порядкомъ. Будущіе сослуживцы старались угощать меня, и доказывали участіе полными стаканами. Поздно вечеромъ все

утихло ; домъ опустѣлъ, я остался съ Чистяковымъ, благодарилъ за усердіе. Онъ подалъ мнѣ отчетъ: похороны стоили семь тысячъ рублей. На признательность мою опекунъ отвѣчалъ: я исполнилъ послѣдній долгъ товарищу и другу ! Прощайте ! Мы завтра увидимся ; я часто стану посѣщать этотъ домъ и мѣсто, гдѣ скончался Иванъ Григорьевичъ.

Опекунъ сдержалъ слово : въ восемь часовъ вошелъ въ мою комнату, сѣлъ и началъ говорить: Молодой человекъ ! не огорчайтесь, если слова мои покажутся колки. Справедливость часто встрѣчаютъ на изворотъ и приписываютъ къ дерзости; я начну тѣмъ: вспомните о вашей прежней жизни; вы соблазнили бѣдную дѣвушку, вы расточали у родителей деньги, свели дурной кругъ знакомства съ шалунами, пристрастились къ картамъ, нѣсколько тысячъ оставили на ломберныхъ сто-

лахъ, и въ значительной суммѣ поручились за князя: я самъ видѣлъ векселя. Положимъ, все это легко поправить: дѣвушку пристроить, долги заплатить. Честь и доброе имя покойныхъ родителей должно выручить. Теперь приступимъ къ главному предмету, дому барона Тернеза (онъ возвысилъ голосъ). Ты привлекъ къ себѣ дѣвицу благородную, скромную и прекрасную, далъ слово жениться на ней, рѣшился вступить въ семейство, которое всѣ честные люди презираютъ. Новое родство станетъ грабить и не подумаетъ, что кровная ихъ — жена твоя ! Эти люди не имѣютъ ничего святаго ! Не подумай, что слова мои происходятъ изъ корыстныхъ видовъ на счетъ моей дочери: нѣтъ, сударь ! Вы стали развращаться, я запретилъ ей думать объ васъ, и пріискалъ жениха. Далѣе: для женидѣбы съ благородной дѣвицей, и по совѣту ложныхъ друзей, вы рѣ-

пились оставить сословіе наше. Подумайте о послѣдствіяхъ: устроенныя лавки приносятъ доходы, товаръ закупаешь, задатки выданы; кто распорядится торговлей? Кто присмотритъ за нею? Вы потеряете значительный капиталъ! и

— Почтенный Прохоръ Фомичъ! сначала слова ваши казались оскорбительны, а подъ конецъ вышли справедливы! — Точно, я виноватъ! виноватъ во многомъ; нѣтъ словъ къ оправданію, и

— Не перебивайте! я скоро кончу: Послѣ внезапной пропажи денегъ, мой другъ сталъ разнемогаться; конечно, потеря не слишкомъ велика, но мысль, что честь его въ подозрѣніи, ничтожную болѣзнь увеличила; въ этомъ я васъ не виню, а за пять дней предъ смертію пришелъ къ нему кавалеръ Де, рассказалъ подробности вашей жизни

Я вскочилъ съ мѣста. Кавалеръ? Онъ бездѣльникъ! довощикъ! Я отмщу ему жестоко!

— Не спорю, честный человѣкъ не приметъ на себя имя фискала. Садитесь, позвольте кончить. Батюшка не вѣрилъ тому, и только убѣжденный доказательствами, послалъ человѣка въ домъ барона, къ Сашѣ, Туанетъ, въ канцелярію, и скоро получилъ въ отвѣтъ, что непріятель вашъ донесъ справедливо. Это извѣстіе такъ огорчило старика, что онъ почувствовалъ приближеніе смерти. Теперь согласитесь: вы ускорили роковой минутой?

Слезы полились изъ глазъ моихъ. Въ простыхъ, короткихъ словахъ выражена часть преступленій! Чистяковъ далъ свободу горести моей, и когда я нѣсколько успокоился, продолжалъ:

— Слезы означаютъ раскаяніе; дай Богъ, чтобъ онъ продолжались, и послѣ бурной жизни привели къ тихой.

Теперь скажите, что вы думаете о словах моих?

— Я не въ силахъ отвѣчать! Выручите меня изъ напасти! Приказывайте, я все исполню!

— Совѣтъ мой весьма простъ: служить и заниматься торговлею слишкомъ затруднительно, особенно для васъ, и такъ послѣдуйте вашей склонности, вступите въ гражданскую службу, женитесь на дочери барона, уважайте тестя, родственниковъ супруги, и не входите съ ними въ денежныя сдѣлки; особенно избѣгайте карточной игры: вспомните несчастный случай: онъ долженъ послужить урокомъ на всю жизнь. Теперь приступимъ къ торговымъ дѣламъ. Я всѣ хлопоты беру на себя, новую покупку продамъ, выручу задатки и сдамъ лавки въ наймы; онъ принесутъ большой доходъ, достаточный къ содержанію вашему. Заплатите всѣ долги, капиталъ оставь-

те въ билетъ, займите нѣсколько комнатъ въ собственномъ домѣ, любите и слушайте жену, живите умеренно, служите исправно — и милость Божія съ миромъ водворится въ семейство ваше! Все, что я теперь говорилъ, зналъ покойный отецъ, и при концѣ жизни одобрилъ совѣты мои.

Я обнялъ опекуна. Благодарный человекъ! вы замѣнили мнѣ отца; ваши совѣты я сочту приказаніемъ и

Въ самое это время вошелъ къ намъ курьеръ, сказавъ: Семенъ Петровичъ проситъ васъ пожаловать къ нему какъ можно скорѣе. Вѣстникъ, получивъ серебряную монету, вышелъ, а Чистяковъ продолжалъ: Это, вѣрно, по службѣ? Поѣзжайте съ Богомъ, пользуйтесь покровительствомъ и держите крѣпко карманы; а лучше зашейте. Поѣзжайте оттуда къ невѣстѣ — и больше никуда. Прощайте! Не забудьте,

совѣты мои произошли отъ чистаго сердца!

Добрый человекъ! я огорчалъ тебя, а ты принимаешь участіе въ судьбѣ моей! Ты сыскалъ близкую струну къ моему сердцу, вынудилъ слезы раскаянія и показалъ вѣрный путь къ счастью! Ахъ! зачѣмъ эти мысли и впечатлѣнія стали скоротечны? Онѣ умерли съ рожденіемъ своимъ! Скоро я забылъ совѣты дружбы и разсудка, скоро упалъ въ пропасть, изъ которой меня спасали!

Секретарь встрѣтилъ меня дружески: Вашъ пріемъ, образъ жизни и невѣстакъ понравились его превосходительству, что онъ рѣшился ускорить опредѣленіемъ вашимъ. Вотъ запросъ въ городскую думу, нѣтъ ли какихъ препятствій къ увольненію изъ общества. Отвѣтъ получимъ скоро. Вотъ еще прошеніе — извольте подписать и вручите лично его превосходительству. Началь-

никъ принялъ меня ласково, благодарилъ за пріемъ и сказалъ: Теперь вы нашъ! Черезъ нѣсколько дней мы станемъ видѣться часто.

Я восхищался, думалъ, что сталъ большимъ человекомъ и поднялся выше на два вершка; взглянувъ въ зеркало, увидѣлъ совсѣмъ противное: мнѣ показалось, что сталъ ниже. Конечно, стекло имѣло свойство уменьшать предметы.

Мы возвратились въ канцелярію. Чиновники наперерывъ благодарили за угощеніе, а толстякъ сказалъ: Господа! это былъ похоронный обѣдъ; а если случится свадебный, тогда что? Тутъ онъ и трое товарищей шепнули: пойдемте въ отель.

До 2-хъ часовъ мы просидѣли въ трактирѣ. Они поздравляли со скорымъ повышеніемъ; я благодарилъ и сто рублей оставилъ за буфетомъ. Кажется, я не забылъ совѣтовъ Чистякова?

Отъ частыхъ тостовъ голова у меня закружилась, языкъ сталъ мѣшаться. Въ такомъ видѣ неприлично показаться барону и огорчить Лауру. Я поспѣшилъ домой, въ увѣренности, что товарищи явятся, не дадутъ времени скучать. Я не ошибся: въ пять часовъ князь съ Лестовымъ, а за ними и г. баронъ удостоилъ меня посещеніемъ; онъ не оказалъ удовольствія о скоромъ повышеніи зятя. Мы догадались о причинѣ: старикъ думалъ самъ хлопотать и деньги не пустить въ чужія руки.

Наконецъ свершились первыя мои желанія; срокъ опеки окончился и въ тотъ же самый день я определенъ съ чиномъ канцеляриста; это не бездѣлица! Сослуживцы тянулись гуськомъ съ поздравленіемъ; писаря, курьеры и сторожа не забыли воздать почтеніе столь значительному чиновнику. Опекуны принесли книги, счета; я вручилъ Прохору Ѳомичу довѣренность на пол-

ное распоряженіе лавками; остались только не приняты банковые билеты: они хранились въ сиротскомъ судѣ. Въ тотъ день я не успѣлъ отвѣшивать поклонны и расплачиваться, въ надеждѣ, что вечеромъ останусь въ покоѣ; вышло напротивъ: секретарь градской думы съ двумя повытчиками, журналистомъ, привезли огромную книгу; въ ней лежалъ увольнительный актъ; они старались увѣрить, что оказали мнѣ большое одолженіе.

Настало утро. Я спѣшилъ благодарить начальника, Лазина, секретаря, а потомъ съ визитами ко всемъ знакомымъ. Прекрасная коляска, лакей въ галунахъ, богатая шинель съ бобровымъ воротникомъ, приводили меня въ восхищеніе; мнѣ казалось, что всѣ смотрятъ, удивляются, спрашиваютъ: не знаете ли, кто этотъ молодой человекъ? Онъ вѣрно служить у министра?... И точно: пѣшеходцы взгля-

дывали на меня — только не отъ удивленія: я услышалъ брань; грязь наполняла улицы, быстрый бѣгъ лошадей и брызги отъ колесъ многимъ перепачкали одежды и лица; они честили меня исправно.

Околесивъ большую часть города, я возвратился домой и на досугъ сталъ обдумывать новый планъ жизни. Домъ мой, довольно обширный, казался неудобнымъ, комнаты тѣсны и мрачны, а наружность слишкомъ проста. Я рѣшился пригласить архитектора, переломать капитальныя стѣны, увеличить залу, гостиную и спальню, вставить въ окна дубовыя переплеты съ зеркальными стеклами, къ воротамъ придѣлать колонны, а въ среднемъ этажѣ балконъ. Тутъ я обратился къ внутреннему украшенію: вещи и мебель покойника казались просты; купимъ новыя, въ послѣднемъ вкусѣ; въ образецъ возьму комнаты начальника и

Степана Степановича: въ нихъ украшеніе правится мнѣ чрезвычайно. Увлекаюсь воображеніемъ, чего еще недостаетъ, нашелъ многое, а именно: собственный экипажъ, карету, коляску, дрожки, сани и шесть лошадей; камердинеръ, два лакея, поваръ, кучера, горничная и двѣ дѣвушки для жены. Мы назначимъ день въ недѣлю, — станутъ съѣзжаться родственники, товарищи; разнесется молва, и знатныя особы будутъ навѣщать насъ. Хорошій столъ, вина всегда имѣютъ свою цѣну и ароматнымъ запахомъ привлекаютъ издалека!

Я ходилъ большими шагами по комнатамъ, передумывалъ все, что только приходило въ голову, и не заботился, что на такія затѣи не достанетъ капитала. Тутъ, утомленный воображеніемъ, бросился въ кресла. Лаура! не бѣднякъ, богатый молодой человекъ будетъ мужемъ твоимъ! А Саша? Боже мой!

какъ я разсѣянъ ; въ двѣ недѣли видѣлъ ее только три раза ; первый приемъ показался мнѣ холоднымъ, остальные еще страннѣе. Бѣдная дѣвушка ! ты вѣрно узнала объ измѣнѣ моей ! Успокойся ! я награжу тебя, стану любить, воспитывать ребенка ; лѣтомъ найму дачу, стану навѣщать. Такъ, Саша, я устрою твою участь, а Лауру — стану любить вѣчно ; окромъ ее ни одна женщина не прикаснется ко мнѣ. Одѣнемся, ѣдемъ къ Сашѣ, и.... въ эту самую минуту вошелъ мальчикъ.

— Антонъ Ивановичъ ! какая - то женщина спрашиваетъ васъ.

— Женщина? вѣрно старуха, нищая?

— Не знаю, сударь ; лицо закрыто вуалемъ.

— Это досадно ! Зови скорѣй, мнѣ нѣкогда!

Дверь отворилась ; стройная женщина не вошла, а вскочила въ комнату ; шляпка съ вуалемъ съ головы сле-

тѣла ; она бросилась ко мнѣ на шею : Антоній, милый Антоній ! ты забылъ меня?

— Возможно-ли ? Гуанета ! какимъ случаемъ ты очутилась здѣсь ?

— Весьма обыкновеннымъ : мужъ поѣхалъ на два дня въ Кронштатъ за долгами, я воспользовалась тѣмъ, пришла бранить тебя, выпарапать глаза, поздравить съ перемѣною жизни, невѣстою ! О ! я все знаю, все слышала отъ вѣрныхъ людей ; да полно о томъ, не бойся, я не ревнива.

Пробило восемь часовъ : я пустился къ Сашѣ ; за три дома отъ ея квартиры сошелъ съ дрожекъ, спѣшу къ известной двери, дергаю шнурокъ, колокольчикъ звенить, а дверь не отворилась. Я повторяю — отвѣта нѣтъ ; слишкомъ четверть часа стою на одномъ мѣстѣ, не выпускаю шнурокъ изъ руки. Что это значитъ ? вѣрно Саши нѣтъ дома. Прежде этого не случалось ; она ждала ме-

ня. Пойду стучать въ калитку ; спрошу дворника. На повторяемый стукъ вышелъ незнакомый человекъ, спросивъ: Что вамъ угодно?

— Дворника.

— Я, сударь, къ услугамъ вашимъ.

— Какъ! ты? а гдѣ жь Степанъ?

— Шесть дней, какъ отошелъ изъ дому.

— Жаль! да это все равно. Скажи, братецъ, Александра Матвѣевна дома или нѣтъ?

— Какая Александра?....

— Ну, дѣвушка; она живетъ въ третьемъ этажѣ, подь № 17.

— А! теперь знаю. Эта барышня переѣхала на другую квартиру, и.....

— Что? Саша переѣхала? Ты съ ума сошелъ, или ошибся въ имени! Пойдемъ туда.

— Извольте, сударь: посмотрите, покои пусты.

Я не шелъ, а бѣжалъ по лѣстницѣ, дворникъ повторялъ: Тише, сударь! —

тише! не разбейте головы; отперъ дверь и я оцепнѣлъ, прислонился къ стѣнѣ, смотрѣлъ на всѣ стороны и не вѣрилъ глазамъ своимъ.

— Что съ вами сдѣлалось? спросилъ дворникъ.

Я опомнился, закричалъ дикимъ голосомъ: Саша ушла! Боже мой! изменила! Саша изменила..... Кому же вѣрить! Досада, ревность терзали меня, а быстрая мысль, что она въ объятіяхъ соперника, приводила въ бѣшенство. Скажи, когда она ушла, куда!...

— Вы сначала не дали договорить, пойдите ко мнѣ, я дамъ вамъ адресъ и письмо. Барышня сказала: Отдай это молодому человеку, который придетъ ко мнѣ, заплакала, съла въ коляску и уѣхала.

Въ минуту я очутился въ кануркѣ дворника. Онъ вынулъ изъ фонаря свѣчу, поставилъ на столъ, вытащилъ изъ него ящикъ, подалъ клочекъ бумаги и

запечатанный конвертъ ; на первой я прочиталъ: Въ большой Коломнѣ , на Англійскомъ проспектѣ , въ домѣ подъ № 202. Возможно ли ? въ домѣ лицейскаго Сенанжъ?... Я спросилъ другую свѣчу, сорвалъ сургучъ и читалъ:

»Антонъ Ивановичъ! Вы меня оставили и драгоценный залогъ — ахъ ! онъ лежитъ подъ сердцемъ моимъ !
 »Вы забыли мою любовь, преданность и ту ужасную ночь , въ которую убѣждена словами, клятвами, я предалась вамъ, какъ беззащитная жертва. Неопытна, легковѣрна, я вѣрила всему , и не понимала пропасти , въ которую вовлечена! Долго продолжалось заблужденіе мое ; я не смѣла подумать, что Антоній станетъ предателемъ! Теперь очарованіе исчезло; вы женитесь..... Участь моя рѣшена !
 »Но знайте , что въ эти роковыя минуты, бѣдная сирота гордится предъ вами возвышенностію чувствъ своихъ!

»Такъ, сирота, нѣкогда близкая къ вашему сердцу , не разрушитъ счастья супружества и презираетъ именемъ наложницы! Вы не увидите меня и не услышите упрека. Девять тысячъ я удержала для младенца ; если жъ онъ умретъ, то билетъ съ процентами возвращу вамъ и не воспользуюсь имъ.
 »Въ бѣдной хижинѣ , трудами рукъ , стану доставать кусокъ хлѣба и горячими слезами оплачу заблужденіе свое!»

»НВ. Не старайтесь отыскивать меня: адресъ не вѣренъ — и данъ только, чтобъ скрыть убѣжище мое.»

Два раза прочитано письмо и омочено моими слезами. Въ эту минуту вспыхнула страсть моя , и я узналъ, какъ люблю Сашу. Нѣтъ! нѣтъ! ты не скроешься ! Брошу невѣсту, службу, домъ и на краю свѣта отыщу тебя!... Тутъ я взглянулъ на дворника : онъ выставилъ сѣрые глаза свои, разинулъ

ротъ и съ удивленіемъ смотрѣлъ на меня.

— Другъ мой! ты вѣрно видѣлъ, по какой улицѣ повезли мебель? А можетъ быть, и провожалъ?

— Нѣтъ, сударь; утромъ барышня послала меня въ гостинный дворъ за купцами; они пришли, сторговали и увезли въ рынокъ, а сама Александра Матвѣевна только уѣхала за два часа предъ вашимъ приходомъ.

— За два часа? Туанета задержала меня. Пстой! она еще не далеко. Я бросилъ на столъ серебряный рубль, схватилъ адресъ, побѣжалъ къ дрожкамъ, приказалъ скакать въ Коломну, остановился у дому Сенанжъ, сталъ стучать ногою, и чуть калитку не вышибъ съ петель. Скоро показалась странная образина: длинная рыжая борода, всклокоченные на головѣ волосы, полосатый халатъ съ шлейфомъ, обтянутый ременнымъ кушакомъ, и

толстая суковатая палка, обозначали управителя дома лицемѣрки. Я показалъ ему адресъ и спрашивалъ о двѣвущкѣ Александрѣ.

— У насъ вовсе нѣтъ жильцовъ, особенно двѣвущекъ. Боже упаси! Г-жа терпѣть ихъ не можетъ! Она уѣхала въ деревню, не приказала отдавать въ наймы квартиры; — я здѣсь живу съ однимъ товарищемъ.

— Да вотъ адресъ! развѣ ты ослѣпъ? Она переѣхала сюда, и только за два часа.

— Писать можно, бумага терпитъ, а если не вѣрите, то я разбужу товарища, возьму другой фонарь; осмотрите сами комнаты во всемъ домѣ.

Тутъ я вспомнилъ, что квартира съ умысломъ означена Сашею, и не могло статься, чтобъ она поселилась въ домѣ лицемѣрки. Въ попыхахъ я пустился къ князю; онъ удивился, увидѣвъ меня и вскричалъ: Антоній! что съ то-

бою случилось? Ты разстроень, глаза покраснѣли, ты плакалъ.

— Ахъ, другъ мой! несчастіе....

— Несчастіе? Вѣрно баронъ, Лаура....

— О, нѣтъ! нѣтъ!

— Такъ домъ сгорѣлъ.... обокрали?..

— Совсѣмъ не то! Саша измѣнила.... убѣждала... На, читай! Я подалъ ему письмо.

— Вотъ еще новость! (онъ прочиталъ). Воля твоя, тутъ нѣтъ никакой измѣны; напротивъ, дѣвушка поступила великодушно и только увезла деньги....

— Дивлюсь твоему хладнокровію! Я гибну, а ты....

— Не плачу съ тобою? Стыдись, молодецъ! Протяни одинъ мизинецъ — и десять Сашъ повиснутъ на немъ! Тутъ нечему удивляться: она узнала о женитьбѣ; ревность, предпочтеніе, тронули самолюбіе, и скажу, на мѣсть Саши иная бы сдѣлала умнѣе: деньги деньгами, а прошеніе съ ясными дока-

зательствами — тутъ шутить нечего. Не унывай, пріятель! Завтра взглянешь на невесту, она приласкается покрепче..... и.... дѣвчонка забыта! А между тѣмъ станемъ отыскивать бѣглянку; надо возвратить деньги — сумма немаловажная. — Ты, какъ отецъ, самъ можешь распорядиться воспитаніемъ ребенка.

Я возвратился домой, увидѣлъ на столѣ конвертъ, распечаталъ: сиротскій судъ приглашалъ меня для полученія билетовъ, суммою на двѣсти двадцать пять тысячъ рублей. Что мнѣ въ деньгахъ? вскричалъ я: Саши нѣтъ, я не увижу ребенка. Ахъ! это слишкомъ жестоко!

До двѣнадцати часовъ я ходилъ по комнатѣ. Мальчикъ спросилъ: не угодно ли ужинать? Въмѣсто отвѣта, я бросился на постель, всю ночь не могъ сомкнуть глазъ; Саша мечталась мнѣ. Къ пяти часамъ утра сонъ овладѣлъ

мною и вдругъ услышалъ стукъ въ дверяхъ. Я вскочилъ, отперъ, курьеръ подалъ пакетъ съ бумагами и записку отъ секретаря.

— Антонъ Ивановичъ! перепишите къ полудню три нужныя бумаги, это послужитъ къ вашей пользѣ; его превосходительство повезетъ ихъ самъ и замолвитъ объ васъ словцо.

— До этого ли мнѣ теперь! сказала я съ досадою.

— Ваше благородіе! мнѣ приказано въ двѣнадцатомъ часу опять пріѣхать.

Скоро остыла во мнѣ горячка; я сѣлъ къ столу, развернулъ черновыя бумаги, взялъ перо и рука мнѣ измѣнила. Я усиливался превозмочь себя, началъ писать, почти окончилъ докладъ и въ послѣднихъ строчкахъ ошибся, взялъ другой листъ и, какъ въ головѣ моей вертѣлась Саша, то и дѣло не шло на ладъ. Между тѣмъ пробило восемь часовъ, а успѣха еще не оказалось. Тутъ

пришла мнѣ мысль, что Лестовъ имѣлъ совершенное сходство съ моимъ почеркомъ: въ училищѣ мы сѣдѣли рядомъ и писали съ одной прописи. Я послалъ за нимъ кабриолетъ, товарищъ не заставилъ ожидать и принялся за меня работать. Въ назначенное время явился курьеръ, мы отдали доклады и занятія мои показались слишкомъ затруднительны. Вышедъ изъ училища, я только писалъ любовныя записки, да мѣсяца три конторскія книги....

Подали завтракъ. Я увѣдомилъ товарища о моемъ горѣ; онъ отвѣчалъ подобно князю. Я сказалъ ему рѣшительно, что отыщу милую бѣгланку; одно лишь приводило въ затрудненіе: Саша вѣрно перемѣнила имя и паспортъ; послѣдній достать весьма легко—профессоровъ на это искусство довольно. Я призналъ Якова, далъ ему денегъ, приказалъ ѣздить по всѣмъ улицамъ, спрашивать дворниковъ о всѣхъ

дѣвушкахъ, которыя наканунѣ вѣхали въ наемныя квартиры.

Лестовъ, выслушавъ мои распоряженія, засмѣялся. — Признаюсь, Антоній! ты задалъ Якову работу на десять лѣтъ; въ это время Саша состарѣется и онъ, встрѣтивъ ее, не узнаетъ. — Товарищъ продолжалъ шутить, а мальчикъ подалъ мнѣ записку отъ барона; онъ увѣдомилъ, что Лаура нездорова.

— Ахъ, Лестовъ! другъ мой! посмотри, читай: надо же случиться такому несчастію! Одна пришла не во время, другая бѣжала, а третья занемогла. Ну, съ кѣмъ я теперь останусь? — Полно дурачиться, сказалъ Лестовъ: ступай скорѣе къ невѣстѣ. Я поспѣшилъ туда; съ нею случился небольшой припадокъ и не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Нѣсколько дней я скучалъ объ Сашѣ, и все оставался въ надеждѣ оты-

скать. Ласки Лауры способствовали къ моему развлеченію.

Въ назначенный срокъ я прибылъ въ сиротскій судъ. Повытчики и писцы окружили меня, поздравили съ наследствомъ; я зналъ, къ чему это клонится, удовлетворилъ за учтивость, взялъ билеты и съ восторгомъ поспѣшилъ къ Чистякову; для виду просилъ взять денежные акты, на сохраненіе; онъ догадался и отвѣчалъ: это лишнее — билеты все на имя покойной вашей матушки; позвольте только списать номерацию, чтобъ на случай пропажи объявить о томъ. Сокровище хранилось у меня въ боковомъ карманѣ, я восхищался имъ, и тогда же рѣшился планы мои привести въ исполненіе; послалъ за архитекторомъ, онъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ все комнаты и сказалъ: перестройка станетъ не меньше десяти тысячъ рублей и окончится чрезъ три мѣсяца. Это привело меня въ за-

трудненіе. Сороковой день приближался, Чистяковъ напоминалъ о поминкахъ. По долгомъ споръ съ архитекторомъ, я рѣшился оставить три чистыя комнаты для принятія знакомыхъ покойника, а моихъ пріятелей думалъ пригласить на новоселье и свадьбу. Я скрывалъ эти затѣи отъ тестя и невесты, въ намѣреніи доставить имъ внезапное удовольствіе; но Чистяковъ сталъ въ томъ преградою: онъ приближалъ ко мнѣ, выговаривалъ, просилъ, доказывалъ, что я скоро разорюсь и съ усердіемъ своимъ обратился къ Лаурѣ, чтобъ удержала меня отъ безразсудности.

Баронъ узналъ о посѣщеніи опекуна, разсердился не на шутку. Лаура со слезами сказала мнѣ: Другъ мой! твой домъ обширенъ и удобенъ; зачѣмъ передѣлка? Батюшка сердится, что не удерживаю тебя отъ роскоши. — Я поцѣловалъ милую невесту, увѣрялъ, что

состояніе мое и знакомство требуютъ приличной жизни. Она со вздохомъ отвѣчала: такое приличіе часто производитъ раскаяніе. Ахъ! я не слушалъ совѣтовъ благоразумія, казался глухъ къ тѣмъ, кто желалъ мнѣ счастья и опрометчивый, упрямый въ нравъ, считалъ одни желанія свои закономъ.

Приступили къ отдѣлкѣ дома; я взялъ изъ банка 25 т. рублей, выдалъ задатки, сформировалъ новую мебель, бронзовыя вещи, столовыя, стѣнные часы, мраморныя колонны, словомъ, все, что могло служить къ пышности и украшенію. Покупку велѣлъ поставить въ пустыя комнаты, чтобъ съ окончаніемъ перестройки имѣть все готовое. Деньги скоро вышли, я взялъ еще такую же сумму, закупилъ экипажи, лошадей, нанялъ прислугу. Я сорилъ деньгами, рыскалъ по цѣлымъ днямъ, ночи просиживалъ за картами; не про-

пускалъ ни одного случая, гдѣ можно повеселиться и блеснуть богатствомъ!

Баронъ шумѣлъ, бранилъ; невѣста плакала; Чистяковъ возвратилъ мнѣ довѣренность и сказалъ, что вмѣшиваться въ дѣла мои не станетъ. Я убѣждалъ опекуна; онъ остался непреклоннымъ.

Упорство Чистякова разстроило меня. При одной мысли, что долженъ самъ приняться за торговлю, я вздрогнулъ. Какъ! мужъ баронессы, чиновникъ по особымъ порученіямъ, станетъ продавать говядину? Соберутся въ пышный домъ мой къ обѣду друзья, знатныя особы, спросятъ Лауру: сударыня, супругъ вашъ у себя? и получатъ въ отвѣтъ: онъ теперь въ лавкахъ, а оттуда пойдетъ на площадку скупать быковъ. Прекрасно! Что подумаетъ начальство? Товарищи осмѣютъ, выгонять изъ службы и прощай

чины и надежда къ будущимъ видамъ! Нѣтъ, мы распорядимся иначе. Я послалъ за прикащиками, велѣлъ имъ производить продажу и всякій вечеръ доставлять мнѣ дневную выручку съ отчетомъ. Въ этомъ распоряженіи я забылъ самую малость, а именно: при покойномъ отцѣ я одинъ обиралъ деньги и оказывались большіе недостатки, а теперь меня станутъ грабить нѣсколько человекъ. Черезъ двѣ недѣли эта мысль пришла мнѣ въ голову. Я повѣрилъ отчеты съ выручкою — и недосчитался двухъ тысячъ рублей. Я выгналъ прикащиковъ, взялъ другихъ, и дѣла пошли не лучше. Тутъ я рѣшился окончить всѣ непріятности и публиковалъ въ ведомостяхъ, что продаю лавки.

Насталъ сороковой день. Я, по необходимости, занялся съ пріятелями покойника; они состояли изъ малой части бѣдняковъ, но и эти мелочные

торговцы оказали мнѣ холодность, а Чистяковъ избѣгалъ разговоръ со мною! Я мало заботился о томъ и только приставалъ къ опекуну, чтобы распечатали духовное завѣщаніе. Онъ отвѣчалъ: двое моихъ товарищей больны; когда выздоровѣютъ, то мы пригласимъ васъ. По окончаніи стола я поспѣшилъ къ барону, взялъ невѣсту съ сестрами, побѣхалъ съ ними въ театръ.

Деньги, свобода, знакомство, превратили меня въ барина; по крайности я такъ думалъ о себѣ. Съ этими мыслями согласовалъ и поступки; я сталъ гордъ, недоступенъ къ бѣднымъ, дружилъ только съ богачами и почетными людьми; послѣдніе званіемъ замѣняли первыхъ; ложился спать въ два, а часто и въ три часа по полуночи; вставалъ въ 11 утра: такое обыкновеніе въ модномъ кругу считалось общимъ правиломъ. Въ одинъ день я

проснулся вѣскольکو ранѣе, сидѣлъ за чайнымъ столомъ; серебряный самоваръ и весь принадлежащій къ нему приборъ означали утреннюю мою роскошь; въ богатомъ матерчатомъ халатѣ, съ трубкою табаку, я глоталъ какъ будто нехотя изъ фарфоровой чашки горячую жидкость; въ это время вошелъ камердинеръ.

— Антонъ Ивановичъ! какой-то человекъ проситъ дозволенія видѣться съ вами.

— Развѣ ты не видишь, что я занятъ?

— Я говорилъ, сударь, ему: барину нѣкогда, онъ кушаетъ чай, торопится къ должности; а онъ твердитъ одно: я пришелъ за дѣломъ.

— Вѣрно какой нибудь бѣднякъ, проситель? Зови сюда.

Тутъ вошелъ человекъ весьма неприятной наружности; онъ началъ при-

вѣтствіе низкими поклонами ; я, остановивъ его, спросилъ: кто вы?

— Милостивый государь ! отвѣчалъ съ униженіемъ незнакомецъ: я отставной титулярный совѣтникъ, Искусъ Терентьевъ Ловиловъ.

— Что жъ вамъ отъ меня угодно ? При этомъ вопросъ я не почелъ нужнымъ встать съ кресель.

— Я имѣлъ честь быть извѣстнымъ покойному родителю вашему, писалъ ему разныя бумаги; а съ кончиною его, взялъ смѣлость обратиться къ наслѣднику, предложить мои услуги относительно коммерческихъ дѣлъ.

— Чортъ ихъ возьми ! вскричалъ я съ досадою: до нихъ ли теперь ? Мнѣ стыдно заниматься такою мелочью; я занятъ службою !

— Въ этомъ-то и дѣло. Вы, сударь, не то, чѣмъ слылъ покойный родитель вашъ (царство ему небесное); онъ про-

сто считался купцомъ, прасоломъ, а вы стали баринномъ, и.....

— Не угодно ли садиться ? Вотъ стулъ...

— Нижайше благодарю, сударь ! Всѣмъ извѣстно, въ какомъ вы отношеніи, какъ приняты, гдѣ служите; вы проложили себѣ путь къ чинамъ, почестямъ, и съ вашимъ образованіемъ, достаткомъ, безъ сомнѣнія достигните и.....

— Не угодно ли чашку чаю ? Я налилъ, титулярный совѣтникъ взялъ съ благоговѣніемъ и продолжалъ: Всѣ старые знакомцы покойника родителя, да и весь городъ удивляются, какъ въ столь скорое время вы пріобрѣли извѣстность, вступили въ короткія сношенія съ знатными особами; всѣ кричатъ о томъ. — Я слушалъ, пожалъ плечами и сказалъ: чему тутъ дивиться?... — Я зналъ Антона Ивановича еще

ребенкомъ , былъ при экзаменѣ — и тогда же подумалъ: этотъ молодой человекъ пойдетъ далеко. Не ограничиваясь одною похвалою, я рѣшился усердіе мое показать на опытъ. Въ последнемъ номерѣ академическихъ вѣдомостей я прочиталъ статью о продажѣ каменныхъ вашихъ лавокъ въ Никольскомъ рынкѣ.

— Точно , сударь : онъ надобли мнѣ.

— Очень вѣрю ; этотъ промыселъ можетъ васъ унижить въ глазахъ публики. Вотъ, прочитавъ статью, я обратился ко всѣмъ торговцамъ, рассказалъ и, признаюсь, увеличилъ выгоды отъ покупки, и наконецъ нашелъ купца ; онъ человекъ извѣстный, капиталистъ, именно: Кирила Савичъ Пылинъ. Вотъ, сударь, онъ съ охотою готовъ приступить къ покупкѣ, только лично не смѣлъ васъ беспокоить, а поручилъ мнѣ предварительно о томъ доложить.

— Покорно благодарю ! чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше ; я переговорю съ Чистяковымъ и

— Помилуйте , сударь ! этотъ человекъ имѣетъ свои виды : ему хочется самому прибрать лавки и, пользуясь вашею довѣренностью, получить имѣніе даромъ. Зачѣмъ вамъ лучше Кирилы Савича ?

— Очень хорошо, я подумаю о томъ. Скажите Пылину, чтобъ завтра въ 11 часовъ утра пришелъ ко мнѣ.

Советникъ или факторъ раскланялся, а камердинеръ доложилъ, что квартальный надзиратель дожидается. Второе посѣщеніе не весьма мнѣ пришлось, и только по необходимости приказалъ впустить его.

— Здравствуйте, Антонъ Ивановичъ ! Вы, конечно, узнали меня ?

— Очень ! Обыскъ въ моемъ домѣ слишкомъ памятенъ. Что вамъ угодно ?

— А вотъ, сударь! Извините, мнѣ право совѣстно показаться въ первый разъ къ обывателю съ непріятными дѣлишками. Нечего дѣлать, наша служба вамъ извѣстна, мы нехотя огорчаемъ людей. Господинъ маіоръ свидѣтельствуетъ вамъ почтеніе и прислалъ предъявить векселя; они поданы ко взысканію. Не угодно ли посмотреть, удостовѣриться, точно ли на нихъ подпись вашей руки, и можете ли заплатить?

Я взялъ; первыя оказались по карточной игрѣ и въ поручительствѣ за князя, на 22 т. рублей; за ними документъ, выданный барону въ 10, остальной въ 20 т. его превосходительству, а вся сумма составляла 52 тысячи рублей. Я почесалъ голову и молчалъ.

— Вы задумались, Антонъ Ивановичъ? Господинъ маіоръ приказалъ доложить, что взысканіе можно протя-

нуть, а поручительство за князя вовсе опровергнуть; онъ имѣетъ состояніе, на службу: предоставятъ взыскивать изъ жалованья. Пусть господа кредиторы подождутъ и попрыгаютъ въ судахъ лѣтъ десятокъ.

— Нѣтъ! я на это несогласенъ; заплачу долги, только прошу подождать малое время.

— Съ удовольствіемъ, сударь! хоть мѣсяць и болѣе. Я заготовилъ объясненіе, не угодно ли подписать? Я исполнилъ; попросилъ гостя въ другую комнату, потомъ проводилъ; онъ съ поклонами повторялъ: Извольте, Антонъ Ивановичъ! что вамъ угодно, все исполнимъ; только не забудьте повидаться съ маіоромъ, или назначьте ему часъ, онъ самъ прискачетъ. Ей Богу, это предобрый, услужливый человекъ.

Услужливость я очень помнилъ, и съ уходомъ надзирателя призадумался: 52 тысячи рублей! да взятыя изъ банка

50, если вычтешь изъ 225, то останется 123; а еще надо за передѣлку дома, за покупку разныхъ вещей.... свадьба.... приданое.... выйдетъ куча денегъ. Да что это? я право дурачусь! а лавки, духовная? Не можетъ статься, чтобъ отецъ меня отстранилъ.... Чистяковъ хотѣлъ поугатъ; поѣдемъ къ нему.

Только что я успѣлъ одѣться, какъ парныя сани вкатились во дворъ, и что жъ? дверь отворилась... Семень Петровичъ бросился въ мои объятія. Поздравляю, любезный другъ! Поздравляю, Антонъ Ивановичъ! вы произведены!

— Произведенъ? Возможно ли?... такъ скоро?... Какой я получилъ чинъ?

— Коллежскаго регистратора.

— Ахъ, Семень Петровичъ! я еще не вѣрю тому. Скажите, точно ли я чиновникъ?....

— И какой же: по особымъ порученіямъ! Его превосходительство объявить вамъ лично.

Я обнималъ секретаря, не находилъ словъ къ благодарности и подымался на цыпочки, чтобъ казаться выше.

— Видите, сударь, какъ мы выполнили слово и сдѣлали почти невозможное. Теперь поддержите себя, не ударьте лицомъ въ грязь. Завтра день ангела супруги его превосходительства; онъ приглашаетъ васъ къ обѣденному столу; вотъ и билетъ. Это еще не все: завтра то же и день ангела супруги вашего покровителя Степана Степановича: не мѣшаетъ ей сдѣлать сюрпризъ.

— Съ охотою, Семень Петровичъ! съ охотою!

Я согласился на все, просилъ секретаря завтракать.

— Нельзя, почтенный Антонъ Ивановичъ! нельзя; еще должно развести пять билетовъ къ значительнымъ людямъ; замѣтьте: шестой собственно для васъ. Изъ этого можно судить, на какомъ счету вы у его превосходитель-

ства. А теперь позвольте обратиться къ товарищу и другу, то есть, къ вамъ. Завтрашній день я то же у генерала; надо закупить кой-какія мелочи, а денегъ не случилось: одолжите мнѣ пять сотъ рублей на двѣ недѣли.

Я бросился въ бюро, вынулъ деньги и вручилъ секретарю. Мы поцѣловались дружески, онъ пошелъ изъ комнаты и возвратился. Ахъ! какъ я рассянъ! пропустилъ сказать главное: закажите къ утру мундиръ, шляпу, шпагу и прочее, ровно въ восемь часовъ прѣзжайте въ домъ Степана Степановича, только не показывайтесь въ пріемной, а корридормъ проберитесь къ горничной — она доложитъ госпожѣ; послѣ отправьтесь къ генералу, его превосходительство поздравитъ васъ!

Чинъ, мѣсто, званій обѣдъ, вскружили мнѣ голову. Я бѣгалъ по комнатамъ, кликнулъ всю мою дворню и торжественно объявилъ: я чиновникъ

по особымъ порученіямъ! Всѣ мнѣ кланялись, поздравляли. Парныя сани! закричалъ я: лечу къ портному, къ друзьямъ, невѣсть; теперь препятствій нѣтъ! Лаура моя! Въ восторгъ или, върнѣе сказать, въ горячкѣ я забылъ о Чистяковѣ, продажѣ лавокъ, о векселяхъ, пустился на Невскій проспектъ, къ извѣстному портному.

Я не шелъ по лѣстницѣ, а бѣжалъ, и въ попыхахъ, за мѣсто мастерской, очутился въ спальнѣ, увидѣлъ супругу мастера въ пріятномъ безпорядкѣ спальнаго платья; она перемѣняла бѣлье; не обративъ на то вниманія, я кричалъ, чтобъ мнѣ сшили мундиръ. Горбатый, косою Нѣмецъ разинулъ ротъ, осмотрѣлъ меня и съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: Вы, косподинъ, пришолъ на мой спальня, не сняла шляпа; мой ше-на пошти голь, эта не карошь; пошalute на рапочи комнать, тамъ скашите што вамъ укодво? — Я пошелъ за

нимъ, повторилъ приказаніе, и чтобъ пара поспѣла къ семи часамъ утра. — Такъ скоро не можна срапотайтъ. — Я заплачу вдвое, только шей! — А чья сукна, пукавицъ, стаметъ и атласа на шилеть? — Все твое; не мучь меня: мнѣ нѣкогда.

Портной взялъ счеты, началъ выкладывать, я вертѣлся какъ на иголкахъ; два раза взглянулъ на часы. Нѣмецъ окончилъ исчисленіе и сказалъ: это стоитъ 200 руплей! (*)

Я бросилъ на столъ полтора ста: На, возьми! снимай мѣрку и ровно въ семь часовъ привези; не то выйдетъ худо!

— А кте вашъ квартиръ, мейчъ геръ?

— Квартира? Ты съ ума сошелъ! Дай бумагу, я напишу адресъ. Вотъ, слушай: 3-й части въ N кварталъ домъ

(*) Въ то время на эти деньги можно было сшить лучшее платье.

г. Судьбина, подъ № 112, спросить хозяина, чиновника по особымъ порученіямъ. Это я самъ! Ну! теперь помялъ?....

— Понимай! понимай! Вы молотой шеловѣкъ, а польшой каспадинъ! — Портной поклонился низко и самъ отперъ мнѣ дверь.

Отъ Нѣмца я поѣхалъ въ гостиный дворъ, купилъ шпагу, бѣлыя перчатки и поспѣшилъ обрадовать невѣсту.

— Лаура! я взялъ ее за руки; — милая невѣста! теперь къ нашему счастью нѣтъ препятствій: я получилъ чинъ и мѣсто; поздравь меня, радуйся со мною! Съ окончаніемъ передѣлки дома, мы обвѣнчаемся. Я поцѣловалъ ее и слезы канули на мои щеки.

— Что это? привѣтствіе жениху и отвѣтъ ласкамъ моимъ!

Лаура бросилась въ кресла, закрыла руками глаза; я остановился, смотрѣлъ...

Тутъ вошли сестры, тетки и г. баронъ съ супругою.

— Батюшка! я принесъ радостныя вѣсти, привѣтствую невесту, и меня встрѣчаютъ слезами. Скажите, что это значить?

— Слѣдствіе вашей развратной жизни! Такъ, сударь, вы погубили дочь мою! обезславили фамилію, все семейство названіемъ жениха! Но, благодаря Бога, послѣднее еще не совершилось, и....

— Обезславилъ васъ? Это задача! Я въ точности исполнилъ ваше желаніе; получилъ чинъ, мѣсто чиновника особыхъ порученій, и спѣшилъ сюда условиться о днѣ брака.

— Не торопитесь! Вотъ записка! Я прочитаю въ слухъ при всемъ семействѣ, и спрошу, чѣмъ можете удовлетворить сбиду и отереть слезы несчастной моей дочери? Онъ развернулъ бумагу и читалъ:

»Господинъ баронъ! остерегитесь, васъ обманываютъ: будущій зять Судьбинъ, а по точному прозванью Бычковъ, страстно любитъ одну дѣвушку, по имени Сашу; онъ увезъ ее съ ребенкомъ за городъ, натурально, чтобъ вы и невеста не узнали о томъ. Бычковъ не ограничился тѣмъ, и часто навѣщаетъ сестру жены учителя своего, обшную Италіанку Туанету. Въ прошедшую недѣлю поступили на него векселя ко взысканію въ 52 т. рублей и столько же онъ успѣлъ промотать; теперь согласитесь: имѣть жену, двухъ любовницъ, сорить деньгами, слишкомъ накладно! Съ продажею лавокъ, онъ останется съ однимъ только домомъ, и тотъ скоро спуститъ на карту, или хорошенькое личико. Баронъ! отклоните дочь отъ предосудительной страсти, сохраните вашу фамилію, и согласитесь, что небольшая честь имѣть зятемъ банкрота мясника, ко-

«торый высъченъ въ полици и чи-
стиль улицу въ смирительномъ домъ.»

Баронъ, окончивъ посланіе, спросилъ
вспыльчиво: Что вы теперь скажете?
Какое принесете оправданіе?

При всемъ моемъ безстыдствѣ, я смѣ-
шался; послужной списокъ слишкомъ
былъ вѣренъ; я не могъ опомниться.
Баронъ началъ кричать, приступилъ съ
вопросами; мать плакала, Лаура нахо-
дилась въ обморокъ, сестры и тетуски
нахмурились, какъ мокрыя курицы; я
стоялъ на одномъ мѣстѣ и, признаюсь,
рѣдко находилъ въ столь невыгод-
номъ положеніи.

Наконецъ, крикомъ и дерзостью ба-
рона выведенный изъ терпѣнія, я самъ
разсердился и гордо отвѣчалъ:

— Безыменная записка прислана без-
дѣльникомъ, и отчасти справедлива;
три года тому назадъ, дѣвушку Алек-
сандру я точно зналъ, познакомился съ
нею случайно; въ домъ вашъ сталъ вхо-

жимъ съ небольшимъ годъ, и такъ пер-
выя мои знакомства не могутъ отно-
ситься къ Лаурѣ; за городъ ни одной
дѣвушки не увозилъ; гдѣ она теперь
находится — не знаю. О ребенкѣ не слы-
халъ, никогда не видѣлъ и не увижу.
Вотъ вамъ подробный отвѣтъ на пер-
вую клевету; теперь далѣе: Туанета
слишкомъ мнѣ извѣстна; мужъ сестры
ея содержалъ училище, я воспитывал-
ся въ немъ, и если случались между
нами сношенія, то замѣьте, я былъ
тогда еще мальчикъ, и со мною дѣла-
ли, что хотѣли. 50 тысячъ я взялъ изъ
банка, на перестройку дома и разныя
необходимыя покупки. Въ 52 тысячи
поступило взысканіе, въ нихъ отчетъ
коротокъ: 22 проигралъ съ княземъ въ
вашемъ домѣ, 10 получили вы, а 20
издержалъ при вступленіи въ службу.
Касательно жъ полици и смиритель-
наго дома, то это безстыдная ложь; о
томъ легко удостовѣриться отъ маіора

и зрителя. Теперь съ вами кончено; обращаюсь къ баронессѣ. Я взялъ горячую руку ея, осыпалъ поцѣлуями. Милая невеста! ты слышала мой отвѣтъ? Теперь пусть сердце твое винить, или оправдаетъ меня. Забудь прошедшее и прими клятву, что ни одна женщина не прикоснется къ сердцу моему; одна супруга станетъ покоиться на немъ. Ахъ! перестань плакать! Скажи одно слово, рѣши участь мою.

— Она должна молчать! перехватилъ баронъ: власть родителей....

— Уступаетъ согласію дѣвицы и честному слову.

— То и другое разрушилось; я не согласенъ на бракъ!

— Нѣтъ! вскричала Лаура, соскочивъ съ креселъ, нѣтъ! никакая власть не разлучитъ меня съ нимъ! Что случилось прежде, я не хочу о томъ знать, и только ограничусь настоящимъ.

— Ты забыла, что состоишь подъ властью родителей?... и смѣешь....

— Не нарушая къ нимъ почтенія, смѣю повторить, что съ Антоніемъ я нераздѣльна; я клялась ему въ любви, вѣрности, и сдержу клятву!

— Ты, конечно, глуха? или не вѣришь отцу? Вотъ записка, прочитай сама!

— Боже мой! вскричала радостно Лаура, подождите! Сомнѣніе исчезнетъ. — Она выбѣжала изъ комнаты, черезъ минуту возвратилась; вотъ вамъ еще записка! Посмотрите..... одна рука. Кавалеръ Де.... чрезъ Доротею прислалъ мнѣ три; первыя двѣ показались оскорбительны, я истребила ихъ; эту оставила на случай и, благодаря Бога, весьма кстати!

— Кавалеръ Де!... вскричалъ я съ бѣшенствомъ: этотъ бездѣльникъ разлучаетъ насъ?... Онъ поссорилъ меня съ отцемъ.... конечно открылъ....

(чуть я не проговорился о Сашѣ и Туанетѣ). А, злодѣй! я разсчитаюсь съ тобою! — Лаура! теперь ты увѣрена во мнѣ? Прощай! скоро услышишь о

— Куда, Антоній? Твой видъ, слова

— Иду отыскивать кавалера! отмстить за слезы твои, безчестіе мое! Теперь онъ не скажетъ, что не имѣю права носить шпаги! она всегда со мною!

Лаура схватила меня за руки, смотрѣла въ глаза и отъ страха не могла говорить; баронъ сталъ у двери, чтобъ я не вышелъ, подалъ знакъ жемчугъ и дѣтямъ; тѣ окружили меня, держали; я сталъ пленникомъ у женщинъ. Общее молчаніе прекратилось голосомъ барона.

— Антонъ Ивановичъ! подумайте, на что вы рѣшились? Взгляните на Лауру, вы убьете ее; вспомните, точно я

сгоряча сказалъ излишнее, повѣрилъ запискѣ. Теперь сомнѣніе исчезло; негодай не заслуживаетъ вниманія; забудемъ прошедшее; успокойте невесту.

Лаура, получивъ возможность говорить, сказала: Антоній! помнишь ужасный вечеръ въ саду? Какъ мы вышли изъ бесѣдки? Помнишь насмѣшки кавалера и кинжалъ? Я выпросила пагубную сталь, скрыла, это послужило къ пользѣ твоей; умоляю, если любишь меня, оставь врага: онъ самъ погибнетъ. Ахъ! я омывала слезами твою рану! Не могу безъ ужаса вспомнить о крови твоей! Клянись исполнить просьбу мою!

Я молчалъ.

— Антоній! милый другъ! успокой меня!

Тутъ баронъ, мать, Лелія пристали ко мнѣ и повторяли слова Лауры.

— Извольте! я всею жертвую невестѣ; клянусь не отыскивать кавале-

ра! Не подамъ повода къ рѣшительному бою! Но если онъ случайно встрѣтится со мною и зачнетъ первый. . . . тогда за послѣдствія не отвѣчаю.

— Предоставимъ все случаю, а теперь ограничимся настоящимъ. Батюшка огорчилъ тебя и, согласишь, имѣлъ на то право; теперь онъ увѣрился въ клевету. Ты можешь переговорить съ нимъ о предметъ посѣщенія.

— Съ охотою, съ охотою! повторилъ баронъ. Антонъ Ивановичъ! пойдемъ въ кабинетъ; тамъ никто не помѣшаетъ. Тернезъ занеръ дверь и началъ: Записка означала опасность моей дочери, и частію вышла справедлива: положимъ, о первой жизни вашей до знакомства съ нами мы не можемъ требовать отчета; однако жъ согласитесь.... 122 тысячи издержать такъ скоро.... означаетъ болѣе чѣмъ роскошь? Мотовство, сударь! мотовство, пред-

осудительное въ ваши лѣта. Я думаю, у васъ теперь осталось малость?

— Извините, г. баронъ! у меня еще слишкомъ довольно для семейной жизни. Я обозначилъ весь мой капиталъ.

— Да, это изрядное состояніе, если жить умеренно и приобрѣтать. Знаете ли что? Мнѣ пришла счастливая мысль. Вы еще слишкомъ молоды, Лауръ только 16 лѣтъ; не довѣряйте себѣ, рѣшитесь отдать половину наличности кому нибудь изъ друзей, или родственниковъ, на сохраненіе. Впрочемъ это только одна моя мысль; распоряжайтесь какъ угодно. Тутъ мы стали говорить о днѣ брака и согласились черезъ шесть недѣль окончить; я далъ слово доставить приданое и просилъ позволить дочери взять десять тысячъ рублей; онъ сначала упорствовалъ, потомъ согласился, обѣщалъ въ скоромъ времени возвратить долгъ и всѣ мои издержки. Окончивъ условіе, мы дружно

возвратились къ семейству. Баронъ, съ улыбною удовольствія, сказалъ: Лаура! побрани жениха и поцѣлуй хорошенько. — Скоро, очень скоро я узналъ, что не дочь, не поведеніе мое нужны ему, а деньги: онъ досадовалъ, что отъ издержекъ моихъ не приобрѣлъ пользы.

Я простился съ невѣстою, повторилъ клятвы о любви и вѣрности, и что ни одна женщина не прикаснется ко мнѣ!

Я имѣлъ время подумать о запискѣ кавалера. Полиція и смиренный домъ меня сильно беспокоили: хитрый старикъ могъ справиться, узнать всѣ подробности и завести снова споръ. Я тогда же рѣшился ѣхать къ маіору и смотрителю, предварить, чтобъ скрыли позоръ мой.

Первый принялъ меня съ учтивостію, увѣрилъ въ готовности исполнить мое желаніе; я открылъ въ чемъ состоитъ

дѣло. — Съ охотою, Антонъ Ивановичъ, съ охотою все исполнимъ. Мы должны помогать обывателямъ, поддерживать взаимность; извольте, сударь! Если кто спроситъ, я увѣрю въ противномъ, что это однѣ выдумки, и васъ только по болѣзненному припадку отправили въ каретъ въ больницу, откуда немедленно возвратились домой. Я сталъ прощаться, маіоръ напомнилъ о взаимности и мы взаимно остались довольны.

Въ смиренномъ домѣ я не спросилъ сторожа, побѣжалъ въ комнаты и первая встрѣча — Лиза Она вскрикнула отъ радости и бросилась ко мнѣ съ протянутыми рученками: Ахъ! Антонъ Ивановичъ! мы думали, что вы насъ забыли, оставили навсегда; папенька заходилъ къ вамъ нѣсколько разъ и ваши люди твердили одно: баринъ еще почиваетъ, барина нѣтъ дома, уѣхалъ къ должности, въ театръ, къ

генералу, и маменька сказала: онъ дурно живетъ. Я молчала, уходила въ свою каморку и плакала....

— О чемъ?

— Сама не знаю! Не видя васъ, мнѣ становилось скучно.

— Милая дѣвица! благодарю за участіе. Я поцѣловалъ ее въ щечку. Гдѣ жъ папенька? Мнѣ нужно видѣться съ нимъ.

— Онъ съ маменькою уѣхалъ въ рынокъ, скоро возвратится; оставайтесь со мною. Она взяла меня за руку, посадила на софу, придвинулась и опустила глаза. — Въ эту минуту Лиза казалась болѣе чѣмъ мила; я охватилъ стройную ея талію, цѣловалъ розовыя губки; она не противилась и вдругъ оттолкнувъ, съ досадою сказала: Маменька говоритъ правду, съ вами нельзя сидѣть близко.

— Почему?

— У васъ есть сестрица. Такъ, сударь! теперъ не обманете, я знаю кто эта сестрица. На дняхъ приходилъ сюда какой-то мущина, съ крестомъ, спрашивалъ папеньку: долго ли вы здѣсь содержались, что дѣлали, кто навѣщалъ васъ? потомъ рассказалъ о сестрицѣ и еще какой-то Стуканетъ, называлъ васъ негодяемъ и что васъ скоро выгонять изъ дому какого-то барона, куда повадились часто ходить къ полумумной дѣвчонкѣ Лаурѣ. Тутъ стала увиваться около меня, я разсердилась, онъ бранилъ васъ, и показался мнѣ дурнымъ человѣкомъ.

— Милая Лиза! еще благодарю за участіе! Къ вамъ приходилъ смертельный врагъ мой, самый низкій человѣкъ, шпіонъ. Я хотѣлъ снова приласкать дѣвицу; она отодвинулась и сказала: Вы нацѣловались довольно съ сестрицею!

— Какая сестрица? У меня нѣтъ ее!

— А Саша или Александра Матвѣевна?

— Полно-те! я простился съ нею и никогда не увижу.

— Право-съ? Да полно-те обманывать; вы смѣтаетесь надо мною.

— Совсѣмъ нѣтъ! Можно ль надъ такою милою дѣвицею смѣяться, да и за что? Вы меня любите ласкаете

— Да-съ! А зачѣмъ повадился часто ходить къ барону?

— Тамъ музыка, танцы, карты; въ мои лѣта надо имѣть знакомство, весело проводить время. Лизочка! куда жь отодвинулась такъ далеко и за что сердита?

— Если вы сказали правду, и сестрицы болѣе нѣтъ, то сяду опять ближе. Маменька говоритъ: дѣвчонка Саша совсѣмъ ему не пара: бѣдная, безыменная сирота; ему надо благородную дѣвицу. Вотъ, Лиза, если бь ты была

поумнѣе, то могла бь составить себѣ счастье? Я подумала, какъ это сдѣлать? Сестрица помѣшаетъ! Эта мысль часто приводила меня въ слезы; я плакала и сама не знала о чемъ. Антонъ Ивановичъ! скажите, какъ дѣлаютъ счастье? Я хочу показать маменькѣ, что не такъ глупа, какъ она думаетъ, и вовсе не ребенокъ: мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ. Ну же, скажите?

— Изволь! только прежде поцѣлуй меня и скажи: Антоній! я люблю тебя.

— Тебя-съ! это неучтиво.

— Иначе не услышишь ни слова.

— Ну, извольте! извольте! Антоній! я люблю тебя! Она поцѣловала мою щеку и прижалась къ груди.

Мы взяли первое положеніе. Одни, въ совершенной свободѣ, она не противилась ласкамъ моимъ Лаура! клятва моя свершилась! ни одна женщина не прикоснется къ груди моей!

И точно, не Лиза, а я прижималъ ее къ сердцу..... внезапный стукъ вывелъ насъ изъ усыпленія. Лиза вздрогнула, вскочила, надѣла косынку, я взялъ шляпу и отошелъ въ другую сторону комнаты. Г. смотритель съ супругою вошли.

— Ахъ! Антонъ Ивановичъ! почтенный благодѣтель! какимъ случаемъ пожаловали къ намъ?

— Я только что вошелъ, хотѣлъ написать записку, вы подошли кстати; я имѣю къ вамъ просьбу.

— Помилуйте! такіе люди, какъ вы, не просятъ, а приказываютъ. Скажите, что угодно?

Тутъ супруга смотрителя пустилась съ привѣтствіями, поняла, что забылъ ихъ, и обратилась къ дочери:

— Ты вѣрно не умѣла принять гостя!

— Нѣтъ, маменька! приняла какъ умѣла: съ полчаса сидѣла съ нимъ!

— Полно бредить! Антонъ Ивановичъ сказалъ, что передъ нами вошелъ. Да что ты потушила глаза? Посмотри на меня: ты раскраснѣлась, отъ чего?

— Право, не знаю-сь.... мнѣ стало жарко, мы говорили, онъ сказалъ, — тутъ Лиза подвинулась къ матери и шепнула: у него нѣтъ болѣе сестрицы.

Я раздѣлался съ смотрителемъ и въ концѣ корридора, въ самомъ углу, Лиза, схвативъ меня за руку, сказала: въ 8 часовъ вечера я останусь одна дома, приходите! Голоса идущихъ людей намъ помѣшали. Я торопился купить шаль, выбралъ лучшую, заплатилъ тысячу рублей, изъ магазина завернулъ къ модному парикмахеру мусье Пудраю, наказалъ ему утромъ въ шесть часовъ пріѣхать, оставилъ адресъ. Я не забылъ ни одной мелочи къ наступающему дню, возвратился домой, и отъ скуки думалъ объ Лизѣ; она казалась

столь же мила, какъ и Саша при первомъ свиданьи, а слова: въ восемь часовъ я останусь одна дома, тянули къ мѣсту, которое разсудокъ и честь заставляли убѣгать. Я не думалъ о послѣдствіяхъ, не думалъ, что одна Лаура должна составить мое счастье, а Лиза, какъ простенькая, смазливая дѣвушка, готовила одно скоротечное наслажденіе. Ахъ! я спѣшилъ еще пользоваться свободой, а тамъ вѣрность посвятить женѣ, если не случится повода къ измѣнѣ.

Тутъ дверь отворилась, Мафусъ очутился передъ Розальмомъ.

— Благодаритель мой! я ждалъ тебя.

— Напротивъ! ты углубился въ повѣсть Судьбина, читалъ около трехъ часовъ; скоро одиннадцать.

— Правда; однако жъ, занимаясь книгою, вспомнилъ о тебѣ; подожди, я въ минуту одѣнусь и въ воздушномъ облакѣ ты домчишь меня въ городъ.

— Непременно! Этотъ и наступающій день назначены къ испытанію, а тамъ займусь собственно тобою, прошусь, и долго, долго не увижусь!

— Ахъ! я опять останусь въ этой деревушкѣ, вздыхать о потерянной свободѣ, не увижу дѣтей! Одна мысль о томъ производитъ во мнѣ ужасъ!

— Я далъ слово перемѣнить твою участь; ты скоро получишь свободу, увидишь дѣтей, станешь неразлученъ съ ними, увеличишь семейство, и, окруженный малютками, счастливо проведешь жизнь свою.

— Мафусъ! ты ли это говоришь? Это значить, я долженъ снова взять Юлію? жить съ нею? О! это невозможно!

— Весьма радъ, что ты образумился: да кто жъ говорить про измѣнницу? Развѣ окромъ ея нѣтъ другихъ женщинъ на свѣтѣ?

— Она казалась мнѣ изъ лучшихъ ;
что же тѣ?... ..

— Которыя не имѣютъ ея наруж-
ности, ловкости и коварства? Кажется,
въ два дня ты нѣсколько испыталъ лю-
дей, видѣлъ мужчинъ и женщинъ и
могъ замѣтить, сколь обманчива привле-
кательная наружность. Такъ, Розальмъ,
чѣмъ женщина прекраснѣе, тѣмъ болѣе
опасна; зеркало, спутникъ ея жизни,
твердитъ: посмотри на лицо, и она въ-
рять, что многія обращаются къ нему,
а потомъ начать разсматривать пре-
лесть души! Конечно, есть между ими
исключенія — богатыя невесты; тутъ
не смотрятъ на личики, не спрашива-
ютъ ума, не заботятся, могутъ ли онѣ
составить счастье мужа, воспитывать
дѣтей и заниматься семействомъ; тутъ
смотреть на однѣ только деньги. Мо-
лодой, ловкій бѣднякъ ищетъ такую до-
бычу, даетъ ей преимущество и, спут-

тивъ богатство, притворную страсть
обращаетъ въ холодность, съ нетерпѣ-
ніемъ ждетъ минуты, когда получить
свободу и прищетъ вторую жену, по-
добно первой. Теперь есть еще третій
разрядъ невестъ, обиженныхъ приро-
дою: горбатыя, косыя, а часто глухія
и нѣмыя; нѣкоторыя изъ нихъ имѣ-
ютъ богатство, а другія случайное род-
ство; дядюшки, тетушки выискиваютъ
мелочныхъ чиновниковъ, навязываютъ
имъ на шею, доставляютъ племянни-
камъ выгодныя мѣста, чины, возвы-
шаютъ, и часто уродливыя жены мо-
лодцоватыхъ мужей выводятъ въ лю-
ди. Ты одѣлся; возьми очки, пойдемъ!

Та же коляска, а потомъ облако
примчали невидимку къ заставѣ горо-
да. Духъ простился съ нимъ, испыта-
тель пошелъ прямо.

Вотъ кладбище и ограда; войду въ
нее. Розальмъ съ благоговѣніемъ покло-
нился храму и сталъ осматривать жи-

лище смерти, жилище, гдѣ всѣ состоянія уравнились между собою, гдѣ нищій и богачъ, вельможа и презираемый имъ въ мѣръ, стали добычею общаго истребленія; и одна лишь только наружность различала ихъ. Надъ одними воздвигнуты пышные памятники, другіе покрываютъ грубыя плиты, или бугры земли, съ деревянными крестами; послѣднія рѣдко обращаютъ вниманіе любопытныхъ, и лежащіе подъ ними остаются въ покоѣ отъ воспоминанія и сравненій съ первыми.

— Вотъ новый памятникъ! сказалъ Розальмъ. Онъ прочиталъ надпись. Этотъ человекъ былъ знакомъ моему отцу; я помню, онъ навѣщалъ домъ нашъ. Миръ праху твоему! Покойникъ не знакомился съ дурными людьми.

— А здѣсь Какое великолѣпіе! Мраморный столбъ, урна, позолоченныя буквы, вокругъ желѣзная рѣшетка, внутри дерева и цвѣты. Ахъ, очки!

откройте мнѣ, какое лицо составлялъ въ свѣтъ этотъ подземный житель, которому воздвигнуты столь богатая надгробныя почести? Страница бумаги очутилась въ рукахъ испытателя.

» Надпись означаетъ имя, лѣта и званіе умершаго. Онъ вступилъ на поприще жизни не въ блестящемъ видѣ, имѣлъ бѣдныхъ родителей, весьма ограниченное образованіе и непріятную наружность. Эти недостатки замѣнились другими способностями: онъ сталъ пронырливъ, искателемъ и неутомимъ къ своимъ выгодамъ, въ двадцати-лѣтній возрастъ искалъ вездѣ покровительства, всѣхъ ласкалъ, лстилъ и пресмыкался передъ всеми, снискалъ довѣренность случайнаго человека, воспользовался ею въ полномъ смыслѣ, получилъ отъ покровителя все, что желалъ, и передался его смертельному врагу; какъ домашній человекъ, зналъ всѣ тайны и записки вручалъ сопер-

нику. Первый благодѣтель погибъ, а второй доставилъ ему случай возвыситься, улучшить состояніе и жениться на богатой невѣстѣ. Этотъ человѣкъ до возвышенія своего прошелъ многія степени; былъ секретаремъ, стряпчимъ, фискаломъ и ростовщикомъ, и съ послѣднимъ возвышеніемъ нажилъ огромное состояніе, сталъ гордъ, неприступенъ, презиралъ всѣхъ, особенно людей, отъ которыхъ не могъ извлечь пользы; онъ умеръ параличемъ. Наслѣдники откупили мѣсто на все семейство, устроили пышныя похороны, везли на кладбище подъ бархатнымъ балдахиномъ; но изъ провожающихъ гробъ сторонніе и даже сами домашніе не оказали сожалѣнія; онъ сталъ ненавидимъ первыми и въ тягость послѣднимъ. Одинъ изъ сыновей послѣдовалъ правиламъ отца; двое другихъ въ короткое время промотали свое имѣніе; дочь вступила въ бракъ съ достойнымъ

человѣкомъ, черезъ полгода оставила мужа и съ однимъ иностранцемъ бѣжала изъ родины. Меньшая дочь влюбилась въ молодаго человѣка, тотъ не отвѣтствовалъ ея страсти, любилъ другую; богатая невѣста не могла перенести оскорбленіе и помѣшалась въ умъ. Они скоро всѣ соединятся за этою желѣзною рѣшеткой.»

«Благодарю, очки! сказалъ Розальмъ. Вы открыли прошедшее въ семействѣ, которое заслуживаетъ другой памятникъ, и не золотыя, а красныя буквы. За нѣсколько сажень я вижу подобный тому; кстати! вотъ и новая записка:»

«Это ростовщикъ; онъ съ юности, подъ руководствомъ родителя, получилъ навыкъ пріобрѣтать; давалъ деньги въ ростъ, за самыя умеренныя проценты, по десяти копѣекъ съ рубля, на слѣдующемъ условіи. Если онъ ссужалъ тысячью рублями, то проценты

бралъ впередъ, а остальные должникъ выплачивалъ всякій мѣсяць по сту, и такъ въ десять мѣсяцевъ получаемыя сотни то же отдавалъ въ ростъ, что и составляло барыша почти половинную сумму на весь капиталъ. Когда онъ умеръ, то ручные тайныя заклады остались въ добычу дѣтямъ; они не сочли нужнымъ отыскивать хозяевъ; получивъ въ наслѣдство значительное состояніе, избрали другой путь жизни — и, чтобъ скрыть свое происхожденіе, стали знакомиться съ почетными людьми, давать роскошныя обѣды, и становились глухи къ тѣмъ, которые трудами могли доставать кусокъ хлѣба и съ горестію смотрѣли, что дѣти ихъ должны уступить преимущество внукамъ и внучкамъ челоуѣка, котораго прахъ лежитъ подъ этимъ памятникомъ.»

Розальмъ вздохнулъ и тихо произнесъ: Такъ, и самая смерть различаетъ

счастливецъ отъ бѣдняковъ! Въ самой землѣ однимъ отдають преимущество, а другихъ презирають! Положимъ: многимъ извѣстно, изъ какого источника происходитъ настоящее положеніе, только объ этомъ говорятъ тихонько, шепчуть и вообще ищуть съ ними сношеній, чтобъ извлечь какую нибудь пользу.

Вотъ рядомъ еще памятникъ: онъ вовсе не великолѣпенъ, а только устройствомъ своимъ привлекаетъ вниманіе. Прекрасно! и страница въ моихъ рукахъ; прочтемъ:

«Лежащій прахъ вѣкогда гордился своимъ существованіемъ; душа, отлетая въ лучшій міръ, не сожалѣла о кратковременномъ помѣщеніи въ оболочкѣ челоуѣка: она съ нимъ украшалась взаимно. Покойникъ произошелъ отъ бѣдныхъ, но благородныхъ родителей; они въ юности внушали ему правила жизни, честность и, по возможности,

доставили образованіе. Молодой человекъ, подражая отцу, вступилъ въ военное званіе, пріобрѣлъ почести и, поощренный общею похвалою, ревностно продолжалъ путь свой. Въ одномъ сраженіи получилъ двѣ неизлечимыя раны, по необходимости оставилъ службу, въ которой былъ счастливъ и уважаемъ; не имѣя возможности жить безъ занятій, получилъ мѣсто въ уѣздномъ городѣ и началъ тамъ служить какъ прежде, скоро получилъ любовь и уваженіе отъ всѣхъ жителей; они видѣли въ немъ друга, совѣтника и миротворца; онъ пріобрѣталъ мало, а только жилъ въ счастливой умѣренности, предполагая окончить дни свои въ мѣстѣ, которое общею любовію стало ему родиной. Напротивъ, вышло совсѣмъ другое: нѣкоторые люди изъявили неудовольствіе, присвоили ему строптивый нравъ, а честность и безкорыстіе отнесли къ гордости. Съ этимъ заклю-

ченіемъ, лишивъ мѣста, опредѣлили другаго. Преемникъ вовсе не имѣлъ гордости и, презирая этотъ порокъ, въ короткое время обезпечилъ себя, какъ говорится, на черный день. — Обиженный старался отыскивать свои права и узналъ опытомъ, что легче взять батарею, чѣмъ возратить потерянное. Тамъ идуть смѣло грудью, а здѣсь особенными извилинами достигаютъ своей цѣли. Огорченный несправедливостію и недостаткомъ, онъ впалъ въ разслабленіе, раны раскрылись и въ скоромъ времени переселили сюда. Жители города, узнавъ о томъ, жену и дочь покойника взяли на свое попеченіе и воздвигнули этотъ памятникъ.»

Розальмъ пошелъ далѣе, увидѣлъ четыре колонны съ позолоченною надъ ними крышей; подъ нею лежалъ огромный полированный камень. Розальмъ опять имѣлъ записку и читалъ:

»Здѣсь лежитъ прахъ чловѣка, который съ рожденіемъ своимъ получилъ право на почести; возмужавъ нѣсколь-ко, онъ сталъ увѣреннымъ въ этой истинѣ и поступалъ согласно съ нею. Онъ не добивался возвышеній и наградъ, а напротивъ, тѣ отыскивали счастливца. Лучшія лѣта жизни проводилъ за границею, пользовался достаткомъ, а съ нимъ и всѣми удовольствіями; видѣлъ на чужбинѣ много, а въ памяти удержалъ мало. Возвратясь на родину, гордился своимъ образованіемъ. Проводя всю жизнь безопасно и въ роскоши, промоталъ имѣніе. Это поразило горделивца; онъ не могъ перенести бѣдности и умеръ преждевременно. Наслѣдники соорудили этотъ памятникъ въ долгъ и увѣрены, что за достоинства отца получаютъ возможность поправить разстроенное имъ состояніе.«

»За этимъ монументомъ (Розальмъ продолжалъ читать) воздвигнуть памятникъ

одной дѣвицѣ; она скончалась отъ излишней чувствительности. Съ молодости имѣла богатство и красоту и не оставалась безъ жениховъ. Зажиточные старики и бѣдные молодчики искали ея руки; къ послѣднимъ она казалась равнодушною; но вотъ странность: по нѣжнымъ чувствамъ своимъ не могла рѣшиться дать преимущество одному, страшилась огорчить толпу искателей; ей нравились всѣ, она думала, что многіе съ отчаянія занемогутъ, перемрутъ, перестрѣляются; эта сантиментальная мысль приводила ее въ ужасъ. Между тѣмъ время летѣло, проходили мѣсяцы, годы и наконецъ настало самое ужасное.... осень жизни. Какъ прошедшее стало невозвратно и обожатели исчезали, она прибѣгнула въ пособіямъ искусства, старалась богатыми уборами, шнуровками, притираньями поддерживать увядающія прелести, и на зло всѣмъ, переиначить самую природу. Въ одинъ

вечеръ пріѣхала на балъ разодѣтая, какъ дѣвушка въ пятнадцать лѣтъ, рѣзвилась, хохотала и, танцуя на пролетъ всю ночь, простудилась, занемогла горячкою; выздоровѣла, и что жь?... лишилась и признаковъ бывшей красоты: морщины, сѣдые клочками волосы, отпечатывали на лицѣ пятьдесятъ лѣтъ. Это показалось ей ужасно; она не могла перенести чувствъ своихъ и, оплакивая потерянную молодость, рассталась съ жизнью.»

Розальмъ улыбнулся и читалъ новую записку: »Покойникъ, въ живомъ существѣ своемъ, началъ жизнь въ трактиръ; изъ мальчиковъ получилъ мѣсто лакея и возвысился до званія маркера, считая билліи, игравъ съ приходящими на билліардъ, пріобрѣлъ ловкость и трактирное образованіе. Съ такими способностями подбился къ хозяйской дочери, и отецъ, по необходимости, назвалъ его зятемъ. Улучшивъ свое со-

стояніе, отправился на родину, взявъ на откупъ небольшой уѣздный городокъ и зная, что цѣльное вино, по крѣпости своей, вредно здоровью, не жалѣлъ воды и продавалъ грокъ; такими невинными средствами нажилъ нѣсколько сотъ тысячъ и, оставивъ откупа, принялся за другую торговлю. Тутъ счастье ему отслужило, и чтобъ избавиться отъ совершеннаго упадка, объявилъ себя банкротомъ, заплатилъ по десяти копѣекъ за рубль; съ остаткомъ капитала и съ возвратомъ честнаго имени прожилъ спокойно дни свои. Наслѣдники воздвигнули ему этотъ памятникъ и пошли по стопамъ отца.»

Невидимка ходилъ еще нѣсколько времени, разсматривалъ памятники и уныло произнесъ: Я увѣренъ, что многіе подъ этими плитами, если бъ возвратили даръ слова, то на вѣрное бъ закричали: Изгладьтесь, позолоченныя буквы! рассыпья мраморъ, прижми

насъ тяжестію твоею и скрой отъ любителей твоихъ имена наши!

Въ печальныхъ размышленіяхъ испытатель посмотрѣлъ на часы свои, пошелъ обратнымъ путемъ изъ ограды и увидѣлъ въ недалекомъ отъ себя разстояніи, надъ взрытымъ курганомъ, женщину въ траурѣ. Она осыпала могилу живыми цвѣтами. Кончивъ занятіе, стала на колѣни и произнесла: Эти цвѣты пріобрѣтены трудами рукъ моихъ. Ахъ! если въ лучшемъ мірѣ слышенъ стонъ душевной скорби, если обитающій въ немъ обращается къ живущимъ, то, благодѣтель мой, услышь голосъ скорби и прими усердіе благодарной родственницы твоей!

Она отерла слезы, встала, поклонилась надъ могилою, обратила лицо въ сторону, гдѣ стоялъ Розальмъ. Онъ съ удовольствіемъ узналъ въ ней ту прекрасную дѣвицу, которая наканунѣ шла за гробомъ родственника и не притвор-

ными слезами приносила дань доброму воспитателю!

— Ахъ! какъ она прекрасна! произнесъ съ восторгомъ Розальмъ: это ангелъ кротости, украшенный всеми добродѣтелями. Зачѣмъ нѣсколько лѣтъ назадъ я не зналъ этой дѣвицы; тогда бы Юлія... забудемъ предательницу. Онъ долго смотрѣлъ вслѣдъ печальной красавицы; какое-то невольное чувство привлекало къ ней... Испытатель улыбнулся, подумалъ: Мафусъ слишкомъ предусмотрителенъ; онъ съ умысломъ показалъ милую дѣвицу, чтобъ я вовсе забылъ Юлію. Однако жъ, при всей провицательности, духъ слишкомъ ошибся: ну, если я люблю эту незнакомку? Если отъ живой жены стану гоняться за нею? Полно бредить! Пойдемъ изъ ограды, станемъ искать развлеченія и посмотримъ еще на людей. День случился для осени довольно теплый. Испытатель шелъ медленно,

разсматривалъ проходящихъ, къ нѣкоторымъ обращалъ особое вниманіе, устремлялъ очки, и съ досадою скоро отворачивался. Но встрѣчались лица, которыя вынуждали улыбку удовольствія, или смѣхъ; въ особенности одинъ молодой иностранецъ: онъ, то бѣжалъ, то шелъ тихо, поворачивалъ головою какъ сычъ и въ глазахъ имѣлъ сходство съ этой птицею; смотрѣлъ на вывѣски и билеты пустымъ квартирамъ, отыскивалъ большую убранныю залу, въ лучшей части города; находилъ, опускалъ руки въ карманы, ощупывалъ и со вздохомъ произносилъ: Ахъ! здѣсь пусто! Пропалъ я, если не сыщу квартиры и пособія! — Такъ размышлялъ, на свистывая, иностранецъ и не терялъ духа, торопился къ своимъ товарищамъ и съ помощію ихъ надбѣялся показывать удивительные опыты ума и искусства. Онъ привезъ нѣсколько сотенъ маленькихъ, злыхъ, безпокойныхъ на-

сѣкомыхъ, какимъ — то чудомъ заставилъ ихъ подъ свой припѣвъ танцовать по столу и даже прыгать вальсгалопъ.

Розальмъ оставилъ фокусника, смотрѣлъ на множество каретъ и колясокъ: онъ быстро неслись по улицамъ въ четверняхъ и парами. Ему казалось странно, что экипажи большею частію занимали женщины пожилыя, среднихъ лѣтъ и молодыя; всѣ вообще казались веселы, разговаривали, смѣялись и кланялись знакомымъ нѣшеходамъ.

Очки! сказалъ невидимка, откройте мнѣ, въ этотъ день не особый ли праздникъ для женщинъ? Я только вижу ихъ, а мужчинъ очень мало.

Любопытство испытателя удовлетворено: онъ узналъ, что пожилыя барыни, отъ бездѣлья, старой привычки, ѣздятъ кататься; маменьки съ дочками подражаютъ имъ; нѣкоторыя развозятъ

визитные билеты, а большею частью посещают модныя лавки. Эти полезныя заведенія усыяли лучшія улицы города и служатъ средоточіемъ щеголихъ и складочнымъ мѣстомъ золота, серебра и ассигнацій. Тамъ - то знакомки, встрѣчаясь, даютъ волю язычкамъ своимъ, толкуютъ о нарядахъ, собраніяхъ, театрѣ и всякой всячинѣ. Маменьки не запрещаютъ дочерямъ развѣшиваться въ модномъ болтанѣ и восхищаются даромъ дѣтей — говорить нѣсколько часовъ и оканчивать разговоръ ничѣмъ. Между тѣмъ папеньки и мужья остаются дома; занимаются хозяйствомъ, курятъ сигары, перелистываютъ иностранныя журналы, ожидаютъ возврата семейства изъ модныхъ лавокъ, потираютъ лбы отъ пота, или предчувствія.

Это значитъ, что все идетъ своимъ порядкомъ, подумалъ Розальмъ и, оборотясь въ противоположную сторону,

увидѣлъ прекрасную коляску: въ ней мужчину важной наружности и молодую женщину, съ быстрымъ, пламеннымъ и лукавымъ взоромъ. Коляска остановилась у модной лавки. Рослый лакей отворилъ дверцы, супруги очутились въ ней. Розальмъ послѣдовалъ за ними и скоро узналъ почтенную чету.

Г-нъ N. служилъ въ губернскомъ городѣ экономя — директоромъ (*); лѣтнее время проводилъ въ устроенномъ имѣніи, зимой возвращался въ городъ, чтобъ повеселиться и блеснуть жирными фазанами: они откармливались въ его деревнѣ. Въ одинъ вечеръ, на званой пирушкѣ, увидѣлъ миленькую дѣвушку — стройную, ловкую, не болѣе 18 лѣтъ; все означало,

(*) При вступленіи на престолъ Императора Павла I, это званіе уничтожилось.

что красавица воспитывалась въ столицѣ. Г. директоръ, въ лучшіе дни своей жизни занимаясь только одной экономіей, не обращалъ вниманія на другіе предметы, особенно сердечные; а тутъ, какъ на зло, прекрасные черные глазки въ минуту вскружили голову, наполненную выкладками и расчетами. Онъ спросилъ у знакомыхъ о состояніи дѣвицы и узналъ, что родитель красавицы есть стряпчій, занимался отъ юности до старости дѣлами, бѣгалъ по судамъ, сочинялъ просьбы, переписывалъ и многимъ довѣрителямъ оставилъ только однѣ довѣренности. Въ такихъ невинныхъ занятіяхъ сдѣлавъ оплошку, разорился и высланъ изъ столицы, какъ вредный обществу человекъ; въ настоящее время живетъ въ бѣдной деревушкѣ, вымученной по закладной у сосѣда, а дочь у родной тетки, вдовы разнощика галантерейныхъ вещей. Родословная не попра-

вилась влюбленному, но страсть овладѣла имъ: онъ не тянулся за богатствомъ, экономіей обезпечилъ себя на всю жизнь, сталъ ревностнымъ обожателемъ дочери стряпчаго. Дѣло шло скоро: бѣдный женихъ ищетъ, ожидаетъ, сомнѣвается, ходитъ къ невѣстѣ пѣшкомъ и только изрѣдка является на дрожкахъ, чтобъ показать свою возможность заплатить извозчику; напротивъ, г. директоръ, въ прекрасной коляскѣ, четверней, въ два часа проскакалъ тридцать верстъ и внезапно очутился въ домѣ отца невѣсты.

Стряпчій-изгнанникъ въ это время занимался въ маленькой, душной камеркѣ, разбирая старыя бумаги; на одной остановился, посмотрѣлъ на всѣ стороны, нѣтъ ли свидѣтелей, и шепотомъ сказалъ: слава Богу! у насъ нѣтъ висѣлицъ, а за это дѣльцо притянуло бѣ къ перекадинѣ; однако жъ я ловко отыгрался, удивилъ товарищей, и за

всѣми расходами получилъ тысячь десятковъ ; да что толку : все пошло къ чорту, по пословицѣ: какъ нажито, такъ и прожито. Въ этомъ занятіи отворилась дверь, г. директоръ вошелъ и привѣтствовалъ хозяина. Изумленный стряпчій соскочилъ съ кресель, скинулъ засаленный колпакъ, обнажилъ остроконечную лысую голову и въ торопяхъ началъ говорить: Милостивый государь! Вы, конечно, имѣете тяжёбное дѣло.... Ахъ! я не могу вамъ быть полезенъ; за грѣхи отцевъ нашихъ, по извѣсту лихихъ людей, мнѣ запрещено имѣть хожденіе по судебнымъ мѣстамъ, выслали изъ города... и чуть... Директоръ улыбнулся, въ короткихъ словахъ объяснилъ въ чемъ заключается дѣло. Изумленный стряпчій не вѣрилъ своему счастью, въ ту же минуту согласился на бракъ дочери. Экономическія крохи слились въ одну массу и составили нѣчто огромное; не-

примѣтная частица отдѣлилась на приданое, свадьбу, и бракъ совершился пышно.

Въ теченіе десяти лѣтъ супруга умножила экономію полдюжиною ребятъ, и упросила мужа переселиться въ столицу. Онъ исполнилъ волю ея, вышелъ въ отставку, купилъ здѣсь огромный, выгодный домъ, зажилъ маленькимъ баринкомъ. Нѣжная половина пустилась въ знать, а батюшка — стряпчій, пособіемъ зятя возвративъ потерянное право, вступилъ во второй томъ юридической своей жизни. Вотъ его дѣти въ модной лавкѣ.

— А! судариня! Вы очень апастала, платье ташидаитъ тѣа часа.

— Виновата, матушка мадамъ! виновата; въ домѣ случилась семейная непріятность. Старшая дочь поссорилась съ меньшимъ братомъ, куклою раскроила ему лобъ и чуть не вышибла глазъ, а маленькій буянъ Вася прокусилъ ей руку до кости. Вѣдь надо же

унять шалуновъ. И тутъ съ хозяйкою пошли въ особую комнату; супругъ хотѣлъ послѣдовать за ними и взглянуть, какъ жена станетъ примѣривать обновку. Стыдитесь, сударь! сказала милостивенькая швея съ продолговатымъ смуглымъ личикомъ и плутовскими глазками: стыдитесь. Здѣсь не въ провинціи; здѣсь жены при мужьяхъ не раздѣваются. Правда, правда! перехватила сильнымъ голосомъ толстая дѣвка: здѣсь совсѣмъ другое. Оставайтесь съ нами. — Штукъ пять или шесть окружили почтенную тушу директора; онъ растянулся въ креслахъ и сталъ любезничать съ ними.

Если мужу запрещаютъ слѣдить за женою, такъ я пойду: въ очкахъ мнѣ все возможно. Онъ отворилъ нѣсколько дверей и наконецъ въ небольшую, чистую комнату, гдѣ увидѣлъ супругу директора. На столѣ лежало новое платье, мадамъ расхваливала фасонъ, отдѣлку,

пошла за иглой и шелкомъ, чтобъ поправить нѣкоторыя бездѣлки, а молодой сухощавый чловѣкъ пискливымъ голосомъ отпущалъ комплементы и готовился услужить въ примѣркѣ. Госпожа не противилась, хохотала; невидимка пожалъ плечами, подумалъ: я тутъ лишній, возвратился въ оставленную комнату. Тамъ мужъ ожидалъ жену въ модномъ уборѣ, невыгодномъ во всѣхъ отношеніяхъ экономическимъ разсчетомъ. Розальмъ сѣлъ въ уголь и слушалъ.

— Голубушки мастерицы! сказала вошедшая неуклюжая женщина: третій разъ я пріѣзжаю за лентами, не могу получить, а деньги заплатила впередъ.— Подождите, сударыня, отвѣчала одна изъ швей; минутъ черезъ пять привезутъ; онъ въ кладовой.

— Да что это, матушка! вѣдь кладовая ваша не въ Америкѣ, а вѣрно въ этомъ домѣ? Стоитъ сходить и взять.

— Извините, сударыня: наша кладовая на Васильевскомъ острову; тамъ складка въсьмъ иностраннымъ товарамъ. Ихъ прежде осмотрять, возымуть пошлину, потомъ отпускають, и..... съ послѣдними словами дѣвушка внесла въ комнату небольшой ящикъ чистой отдѣлки, а въ немъ хранились заморскіе товары. Одна изъ швей вынула ленты, подала нетерпѣливой барынь; та, съ восторгомъ схвативъ драгоценность, поспѣшно оставила магазинъ. Розальмъ узналъ, что ленты куплены въ гостиномъ дворѣ, за самую умѣренную цѣну, и проданы, подѣвидомъ иностранныхъ, въшестеро дороже. Съ такимъ открытіемъ онъ обратилъ вниманіе на всѣ предметы, и, съ пособіемъ очковъ, увѣрился, что шляпки, перья и разныя мелочныя вещицы куплены у русскихъ торговцевъ, подчищены, уложены порядкомъ въ большихъ шкафахъ за цѣльными стеклами

и въ рукахъ французской торговли получили другой видъ и цѣнность. Невидимка-испытатель всегда имѣлъ слабое понятіе о подобныхъ вещахъ и, живъ подъ арестомъ въ своей деревушкѣ, совершенно забылъ о модномъ свѣтѣ. Онъ дивился, какъ многіе позволяютъ себя дурачить и разорять людямъ, которые въ своемъ отечествѣ топтали площадь, а здѣсь въ короткое время обогащаются, ѣдутъ на родину съ большими деньгами и смѣются вътренности и пристрастію къ иностранцамъ.

Вотъ возвратилась и г. директорша. Долго, матушка, примѣривала платье; гдѣ жъ оно? — Нельзя скорѣе, другъ мой: въ лифѣ ошибка, приметывали на мнѣ, и къ вечеру поспѣетъ. Послѣ обѣда ты попиши, ложись отдохнуть (это продолжится не долго, часовъ пять), а я заверну сюда и возыму обновку. Мужъ согласился, а испытатель, оставя

модную лавку, въ которой все продавалось, поворотилъ въ другую улицу, увидѣлъ, что извозничья карета остановилась у каменнаго дома, и человекъ поспѣлый, обросшій бородою, въ изнеможенномъ видѣ, черезъ силу изъ нее вышелъ и, поддерживаемый служителемъ, едва тащился на лѣстницу во второй этажъ, и только что дернулъ за шнурокъ колокольчика, какъ дверь съ шумомъ растворилась. Человекъ среднихъ лѣтъ, молодая женщина и нѣсколько дѣтей бросились къ прїѣзжему: Ахъ! дядюшка! любезный дядюшка! Вѣрить ли мнѣ глазамъ, вѣрить ли счастью? Вы опять съ нами! Богъ возвратилъ благодѣтеля, отца семейства! Жена! дѣти! цѣлуйте ручки у дядюшки. — Ахъ! пойдите въ комнаты; я отъ радости помѣшался въ умѣ, встрѣчаю гостя въ снѣгахъ. — Тутъ же съ женою схватилъ дядю за руки, дѣ-

ти толкались сзади, вся прислуга выскочила на встрѣчу, и посѣтитель съ триумфомъ введенъ въ комнаты.

Кресла поставили по срединѣ гостиной; изнеможенный перекрестился, съль, заплакалъ и отрывисто началъ говорить: Племянникъ! пять лѣтъ я не видалъ свѣта, жилъ или, вѣрнѣе сказать, исчезалъ въ сырой, душной каморкѣ; лишенный воздуха, здоровой пищи, я ожидалъ одной смерти, ожидалъ ее какъ дара небесъ. Забытый, оставленный всѣми, весь мїръ мой заключался въ четырехъ стѣнахъ.... онѣ походили на могилу. Глаза мои перестали лить слезы и только обращались, чтобъ видѣть одно коварство враговъ, и всѣ средства, изобрѣтенныя адомъ, сократить остатокъ несчастной жизни моей. Чувства мои притупились, я не ропталъ..... и вдругъ неизвѣстнымъ чудомъ отворились двери темницы. О! этотъ случай непостижимъ: онъ от-

крылъ мнѣ благодать и попеченіе Творца о созданіи своемъ. Такъ! Богъ и Царица спасли меня отъ смерти, болѣе чѣмъ отъ смерти: они возвратили померченную честь мою! — Тутъ старикъ опустился въ кресла, отеръ слезы, замолчалъ; сила чувствъ и болѣзнь лишили возможности продолжать разговоръ.

Племянникъ съ женою бросились къ нему: Дядюшка! любезный дядюшка! вы совершенно ослабли.... Жена! люди! спирту, скорѣе спирту! Нѣтъ! принесите скорѣй рейнвейну, закуску; надо подкрѣпить силы. Да что вы всѣ стоите и только плачете? — Онъ крѣпко дернулъ сына за ухо, мать наступила шестилѣтней дочери на ногу; одинъ заревѣлъ, другая заплакала.

Принесли вино, старикъ выпилъ рюмку, оправился и, поддерживаемый хозяевами, пошелъ къ столу. Такъ, друзья мои! мнѣ должно возобновить силы,

выздоровѣть..... а тамъ.... первый выходъ въ церковь возблагодарить Бога, второй къ Царицѣ, упасть къ стопамъ ея, омочить слезами благодарности! Вечеромъ я расскажу о чудномъ освобожденіи моемъ; теперь голова моя кружится; еще сомнѣваюсь, въ своемъ ли я домѣ? Ахъ! жестокой опытъ увѣрилъ меня, что внезапная радость и несчастье производятъ надъ человѣкомъ почти одинаковое дѣйствіе.

Семейство усѣлось за столомъ; нѣсколько гостей наполнили домъ: они спѣшили осыпать поздравленіями старика, изъявляли свою радость, обнимали, и говорили всѣ, что вмѣщаютъ въ себя истинное участіе къ судьбѣ человека. Розальмъ сначала только смотрѣлъ и слушалъ, а тутъ обратилъ вниманіе на родственниковъ и друзей; и что жъ открыли ему очки? Вмѣсто наружной радости, дружества и вос-

торга, онъ увидѣлъ скрытную злобу, ненависть, необходимость скрывать точныя чувства отъ чловѣка, которому искали погибели, а въ настоящее время страшатся и обнимаютъ, какъ друга.

Возможно ли? подумалъ изумленный Розальмъ: восторгъ, участіе такъ живо выражались въ родныхъ и друзьяхъ, что самый опытный наблюдатель могъ бы ошибиться, и коварство принять за образецъ честности! — Онъ обратился къ пособію магическихъ очковъ и узналъ о необыкновенномъ случаѣ.

Несчастный, изнеможенный старикъ имѣлъ значительное имѣніе. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, вышелъ въ отставку, въ намѣреніи остатки дней провести съ племянникомъ. Онъ любилъ его какъ сына, остался холостъ, чтобъ упрочить ему все имѣніе. Любезный родственникъ былъ негодяй, мотъ,

наклонный ко всемъ порокамъ, скоро промоталъ свое состояніе, женился на безнравственной двушкѣ и тѣмъ умножилъ свои нужды; часто прибѣгалъ къ пособію дяди, тотъ съ охотою исполнялъ просьбы; это безразсудному семейству не служило въ пользу; требованія становились несоразмѣрны и почти невозможны. Тутъ племянникъ сталъ лютейшимъ врагомъ родственнику и благодѣтелю. Скрывая свои чувства, замыслы, ласкалъ по прежнему дядю, оказывалъ почтеніе, преданность, и съ друзьями составилъ донось по весьма важному предмету. Извѣтъ, по наружности, казался столь въренъ, что немедленно приступили къ изслѣдованію; невинный взятъ подъ стражу. Чистый въ душѣ и совѣсти, не понималъ даже силы вопросовъ, не зналъ доносителей, смѣло допустилъ пріятелей въ свидѣтели. Дѣло вышло огромное: требовались справки по служ-

бъ отъ разныхъ лицъ, мѣсть, даже изъ-за границы, и тянулось пять лѣтъ. Между тѣмъ племянникъ захватилъ все имѣніе, документы и переселился въ домъ дяди. Судьи, при всемъ желаніи облегчить участь несчастливца, не исполнили доброе свое намѣреніе: ихъ сбивали недоброжелатели; они сами запутались и пришли въ заблужденіе.

Дѣло наконецъ поступило на разсмотрѣніе Императрицы Екатерины II. Проницательный умъ и терпѣніе, обнаружили все въ противномъ видѣ: слезы состраданія и душевнаго удовольствія осыпали небесныя ланиты Царицы, матери народа!

»Онъ невиненъ!« произнесла съ восторгомъ Государыня и, показавъ дѣло генералъ-прокурору, сказала: «Я приказываю немедленно освободить страдальца, увѣрить, что смертные могли ошибиться; но, какъ Царица, умѣю замѣнить ошибку судей! Я при-

казываю подлыхъ донощиковъ предать суду; отыскать челоуѣка, которой присокупилъ къ конфирмаціи двѣ спасительныя буквы (въ конфирмаціи: быть по сему, неизвѣстно кѣмъ прибавлено: не — что и измѣнило совершенно смыслъ). Тутъ кроется обдуманый замысль, или дѣйствіе Провидѣнія.»

Розальмъ съ умиленіемъ произнесъ: Великая Жена! да продлится вѣкъ Твой! а когда настанетъ часъ, спадетъ земная оболочка, то за этотъ подвигъ ангелы съ улыбкою встрѣтятъ Тебя на небесахъ!

Онъ имѣлъ терпѣніе во весь объѣдъ родственниковъ высидѣть въ углу, смотрѣть и слушать. Ему открылось обширное поле, разсмотрѣть людей во всѣхъ отношеніяхъ: сердца, чувствъ и наружности. Онъ видѣлъ, какъ племянникъ съ женою, родственники, мнимые друзья, увивались около стра-

дальца, съ умиленіемъ слушали разсказъ о долгомъ страданіи, несправедливости, подлости доносителей, готовились плакать, а въ душѣ питали злобу и новое коварство, чтобъ истребить предметъ ненависти и страха.

Съ окончаніемъ обѣда, изумленія Розальма увеличилось: въ комнату въбѣжалъ малорослый человекъ, створительный собою; онъ имѣлъ длинное, желтоватое лицо, плѣшивую голову, ротъ съ отвислыми губами и язвительной улыбкою, кривыя ноги и длинныя руки, несоразмѣрный корпусу. Онъ былъ въ числѣ судей и главнымъ виновникомъ несчастія родственника.

Пришлецъ съ отверзтыми объятіями бросился къ старику, прижималъ къ изсохшей груди своей, выражалъ словами, жестами радость и обратилъ таинственный взглядъ къ доброму племяннику. Тотъ понялъ, черезъ нѣсколько минутъ вышелъ съ нимъ въ осо-

бую комнату. Розальмъ очутился съ ними.

Мы погибли! говорилъ скоро отвратительный незнакомецъ. Я слышалъ страшныя вѣсти: Государыня приказала всѣхъ доносителей предать суду. Теперь дядя на свободѣ, ему покажутъ дѣло въ настоящемъ видѣ, откроютъ участниковъ... онъ обнаружитъ насъ... Бѣда, да и только... Подумаемъ, какія принять мѣры, и...

— Какія мѣры? Что тутъ придумать? Осталось одно, — броситься къ ногамъ дяди, просить милосердія.

— Милосердія?... повторилъ съ горькимъ смѣхомъ пришлецъ. Этотъ выходецъ изъ могилы ожесточенъ въ тюрьмѣ, непреклоненъ къ жалости. Ты захватилъ все именіе, промоталъ, домъ въ залогъ; онъ потребуетъ своей собственности, вооружится мщеніемъ, не пощадитъ родныхъ; онъ вспомнитъ,

какъ съ нимъ поступили. Осталось одно только средство; слушай . . .

При этомъ адскомъ разговорѣ, невидимка едва не измѣнилъ себя; схватить совѣтника, выбросить изъ окна, стоило одной минуты. Онъ подошелъ къ нему, протянулъ руки, и остановился. Что я дѣлаю? Такимъ средствомъ я не спасу дядю отъ племянника. Сыщутся другіе; поступимъ иначе: запиской увѣдомимъ старика объ опасности и новомъ замыслѣ; упрошу духа помочь человѣку, въ которомъ принимаю участіе. Въ такомъ положеніи оставилъ честное общество, вышелъ на улицу и со вздохомъ произнесъ:

— Ахъ, Мафусъ! я видѣлъ, разсматривая людей: какія лица въ этомъ свѣтѣ! Это открытіе охолодило меня къ дальнѣйшимъ испытаніямъ и

большею частію служить къ сожалѣнію, что прекраснѣйшее твореніе въ мірѣ такъ уклонилось отъ своего назначенія.

Теперь пять часовъ — время объѣхать. Я такъ много видѣлъ и слышалъ, что забылъ о себѣ; пойду отыскивать ресторацію, въ которой безъ стыда можно провести часъ времени. Розальмъ шелъ на удачу, и въ поворотѣ улицы замѣтилъ въ одномъ домѣ множество свѣчей. Онъ изъ любопытства заглянулъ туда. Въ небольшой комнатѣ увидѣлъ молодую дѣвицу; она съ помощію подругъ убирала голову, прикалывала цвѣты къ чернымъ волосамъ своимъ; напротивъ сидѣлъ молодой мушкетеръ, смотрѣлъ на нее, страстно цѣловалъ руки и съ восторгомъ повторялъ: О, Надежда! милая моя Надежда! наконецъ горести наши окончилась: мы счастливы. Черезъ два ча-

са принесемъ клятву къ вѣчной, постоянной любви. Красавица отвѣчала ласкамъ, смотрѣла на жениха, но въ глазахъ ея оказывалась какая-то суровость и досада.

Розальмъ узналъ, что эта молодая чета страстно влюблена другъ въ друга и, по несогласію родителей, не могла соединиться. Тѣ имѣли тяжёбное дѣло, стали врагами, запретили дѣтямъ вступить въ бракъ. Молодые люди не смѣли послушаться, терпѣливо переносили пять лѣтъ свою любовь и страданія. Наконецъ родители, пособіемъ стряпчихъ, разорились, бросили дѣло и согласились увѣнчать постоянную любовь дѣтей.

— Слава Богу! подумалъ Розальмъ: вотъ и я нашёлъ счастливую чету. Въ этотъ вечеръ они обвѣнчаются; утромъ заверну къ нимъ. Онъ оставилъ комнаты, очутился на улицѣ, увидѣлъ,

что человекъ шёлъ къ нему на встрѣчу, и сказалъ: Ба! какой высокій ростъ, прекрасная бекешъ съ бобровымъ воротникомъ! Онъ идетъ скоро, грудью впередъ, смотритъ вверхъ, какъ звѣздочетъ, ожидающій появленія кометы. Познакомлюсь съ нимъ. Онъ приблизился къ незнакомцу, и нечаянно задѣлъ локтемъ.

— Невѣжа! какъ ты смѣешь толкать? закричалъ рослый незнакомецъ. Розальмъ отскочилъ въ сторону, а тотъ поворотился назадъ, увидѣлъ шагахъ въ десяти человекъ, подбѣжалъ къ нему и схватилъ за воротъ, въ увѣренности, что толчокъ произведенъ имъ.

— Милостивый государь! отвѣчалъ робко молодой человекъ: я васъ не задѣлъ, шёлъ позади. Вы, конечно, ошиблись?

— И ты смѣешь меня дурачить? повторялъ громко крикунъ. Здѣсь насъ только двое; кто жъ меня толкнулъ?

— Не знаю! только я не прикасался къ вамъ; пустите меня! Онъ сталъ вырываться, мнимо-обиженный держалъ крѣпко. Начался шумъ, дѣло близилось къ дракѣ, собралось нѣсколько челоуѣкъ стороннихъ; окружили непріятелей, спрашивали о причинѣ ссоры, и тутъ подбѣжалъ десятскій съ товарищами.

— Возьмите негодя! сказалъ повелительно незнакомецъ: спросите, кто онъ, и какъ смѣетъ на улицѣ толкать людей? Возьмите! Онъ объявилъ свою фамилію и молодой челоуѣкъ очутился въ рукахъ полицейской стражи.

Розальмъ увидѣлъ, что неосторожностію вовлекъ въ отвѣтственность другаго, снялъ очки, подошелъ къ оскорбленному господину, и сказалъ: Этотъ челоуѣкъ не виноватъ, я нечаянно задѣлъ васъ; вы смотрѣли вверхъ, я по сторонамъ; толчокъ случился взаимный.

— Ты? Очень хорошо! Братцы, возьмите молодца. Онъ самъ признался. Десятникъ подошелъ къ Розальму; испытатель увидѣлъ, что по добротѣ своей оплошалъ и попался людямъ, которыхъ избѣгалъ встрѣчи. Онъ спѣшилъ надѣть очки, и не успѣлъ — руки его находились во власти десятника. Онъ толкался, кричалъ и все напрасно; одинъ изъ служителей вытащилъ изъ-за обшлага шинели тонкую веревку, чтобъ связать и вести въ полицію. Въ такой крайности Розальмъ вспомнилъ о покровителѣ своемъ, и произнесъ: Мафусъ! Мафусъ!

Съ этими словами мгновенно раздался сильный звонъ; казалось, что изъ всѣхъ мѣстъ колокола соединились въ одно и произвели необыкновенный гулъ. Высокій незнакомецъ вздрогнулъ, растолкалъ толпу народа и скрылся изъ виду. Всѣ изумились, полицейскіе отступили отъ Розальма; онъ успѣлъ на-

дѣтъ очки и, схваченный сильною рукою, очутился у заставы города.

— Здравствуй, пріятель! сказалъ Мафусъ. Если твои испытанія продолжатся годъ, то 365 дней мы будемъ неразлучны. Зачѣмъ ты снялъ очки и вмѣшивался не въ свое дѣло?

— Ахъ, Мафусъ! я по неосторожности толкнулъ какого-то верхогляда. Вину обратили къ другому, честь и справедливость заставили меня выручить челоуѣка. Скажи мнѣ, что значить внезапный звонъ и съ какими людьми я имѣлъ дѣло?

— Изволь! Мнимый звонъ произведенъ мною, составлялъ только одинъ гулъ, безъ точнаго существа и прикосновенія къ колоколамъ. Челоуѣкъ, задѣтый тобою, былъ съ молодости звонарь, оставилъ свое званіе; счастье ему послужило — онъ нажилъ состояніе, и съ перемѣною жизни, старую привычку смотрѣть сверху внизъ, об-

ратилъ въ другую — онъ теперь только смотритъ снизу вверхъ, подымаетъ голову высоко, часто сталкивается съ зѣваками. Я произвелъ звонъ, онъ вспомнилъ о родинѣ и скрылся; молодой челоуѣкъ, за котораго ты вступился, есть конторщикъ. Онъ порядочный шалунъ и спѣшилъ къ товарищамъ, чтобъ съ помощію ихъ скрыться изъ города. Бѣглеца отыскиваютъ, онъ попался самъ, и ты подалъ ему случай ускользнуть отъ преслѣдованія.

— Это слишкомъ досадно! отвѣчалъ съ горестію Розальмъ: расположеніе мое къ добру, оканчивается неудачей. Впрочемъ этотъ день знаменитъ: я произвелъ лучший поступокъ въ моей жизни: спасъ челоуѣка отъ злобы родственникововъ, смерти, и....

— Не трудись продолжать! ему родственники готовятъ новыя козни; твое намѣреніе похвально, означаетъ добро-

ту и готовность къ пользѣ ближнихъ. Напиши ему записку, открой все въ настоящемъ видѣ, завтра въ 9 часовъ отнеси; онъ возвратитъ здоровье, состояніе и, чтобъ наказать неблагодарность племянника и всѣхъ родственниковъ, женится на прекрасной 25 лѣтней дѣвицѣ. Жена, взятая изъ бѣдности, уваженіемъ и любовію усладитъ остатки дней человѣка, который по добротѣ и излишней довѣренности сталъ несчастнымъ. Коварные родственники съ бѣшенствомъ увидятъ, что за гробомъ его понесутъ двухъ прекрасныхъ дѣтей, наследниковъ имѣнія. Теперь простимся до свиданія. Воздушный фаэтонъ готовъ къ твоимъ услугамъ: утромъ въ 8 часовъ станетъ ожидать для отправки въ городъ.

Розальмъ скоро очутился въ своемъ домѣ, съ досады не принялся за повѣсть Судьбина, ходилъ по комнатамъ, разсуждалъ о томъ, что видѣлъ и слы-

шалъ. Проклятый звонарь! надо жъ тебѣ слѣзть съ колокольни, задѣвать людей и отличать по улицамъ! По твоей милости я чуть не попался въ добрыхъ руки, и потерялъ случай къ дальнѣйшимъ испытаніямъ. Такъ, этотъ день обнаружилъ много. Если бъ глаза и слухъ не удостовѣряли меня въ истинѣ, то я подумалъ бы, что все видѣнное показано мнѣ превратно. Къ несчастію, это справедливо; собственный опытъ показалъ, что мы игралище страстей: онѣ увлекаютъ насъ, усыпляютъ совѣсть и постепенно вводятъ въ пороки. Онъ взялъ перо, бумагу, составилъ подробную записку, чтобъ открыть глаза легковѣрному человѣку и спасти отъ гибели. Пробыло десять часовъ, онъ приказалъ подать ужинъ; замѣнивъ имъ потерянный обѣдъ, размышлялъ снова о перемѣнѣ судьбы своей; увѣрился, чѣмъ мы ближе къ ожидаемой цели, тѣмъ болѣе становимъ-

ся нетерпѣливы; вспомнилъ Юлію: досада съ ревностію вспыхнула въ сердце; вспомнилъ о прекрасной незнакомкѣ, и съ улыбкою удовольствія, съ какимъ-то новымъ, пріятнымъ чувствомъ, погрузился въ глубокій сонъ.

Конецъ 3-й части.

Погрѣшности.

Стр.	Строк.	Напечатано:	Должно читать:
78	17—18	запачканрой	запачканной
101	22	запыхаясь со мною: Лучше	запыхаясь: Со мною лучше